МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В.ЛОМОНОСОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Чернышева Татьяна Константиновна

Влияние политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления на экономическое развитие стран Европейского союза

Специальность 5.2.5. Мировая экономика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата экономических наук

Научный руководитель:

доктор экономических наук,

член-корреспондент РАН

Афонцев Сергей Александрович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ ЭКОЛОГИЧНОГО, СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ 18

1.1 Теоретические подходы к анализу политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в контексте устойчивого развития..... 18

1.2 Эволюция политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в рамках парадигмы устойчивого развития..... 35

1.3 Специфика европейских подходов к разработке концептуальных основ политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления..... 45

ГЛАВА 2. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ ЭКОЛОГИЧНОГО, СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА..... 66

2.1 Ресурсный потенциал реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза..... 66

2.1.1. «E» - экологические аспекты ESG-концепции 66

2.1.2. «S» - социальные аспекты ESG-концепции..... 90

2.1.3. «G» - аспекты корпоративного управления в ESG-концепции 111

2.2 Приоритетные направления реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза 132

2.3 Потенциальные риски при реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза и механизмы управления ими145

ГЛАВА 3. НАПРАВЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ ЭКОЛОГИЧНОГО, СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА..... 166

3.1 Методика оценки влияния политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления на экономическое развитие стран Европейского союза..... 166

3.2 Сценарный анализ дальнейшей эволюции политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного в странах Европейского союза в рамках парадигмы устойчивого развития 184

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 203

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 207

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 210

Приложение А Анализ научных исследований по ESG-проблематике 235

Приложение Б Распределение ЦУР ООН в рамках компонентов ESG-концепции 239

Приложение В Отражение ЦУР ООН в документах Европейского союза .. 241

Приложение Г Итоговый рейтинг стран Европейского союза по экологическим показателям за 2014-2024 гг. (баллы) 246

Приложение Д Итоговый рейтинг стран Европейского союза по социальным показателям за 2014-2024 гг. (баллы) 248

Приложение Е Итоговый рейтинг стран Европейского союза по показателям качественного корпоративного управления за 2014-2024 гг. (баллы) 250

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В условиях замедления процессов глобализации, усиления геоэкономической фрагментации и перехода к качественно иному уровню экономической интеграции и торгово-инвестиционного взаимодействия стран и регионов мира приоритеты устойчивого развития выступают в качестве концептуальной рамки для обеспечения долгосрочной устойчивости национальных экономик и международных экономических связей. С институциональной точки зрения ориентиры устойчивого развития заданы Целями устойчивого развития Организации Объединенных Наций на период до 2030 года (ЦУР ООН). Практическим инструментом их реализации служит политика поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления («Environmental, Social, and Good Governance», ESG-политика, политика в области ESG), разработка которой направлена на развитие «зеленой экономики», снижение социального неравенства, повышение прозрачности публичной отчетности и социальной ответственности бизнеса.

Эволюция политики в области ESG представляет собой процесс институционализации и структурной трансформации, которая началась в области корпоративной филантропии с попытки систематизировать разрозненные программы и принципы корпоративной социальной ответственности бизнеса с постепенным включением экологических и социальных факторов в инвестиционные и управленческие решения. В настоящем исследовании политика в области ESG рассматривается как прикладной механизм реализации целей и принципов устойчивого развития, обеспечивающий их перевод в систему измеримых экологических, социальных и управленческих критериев и соответствующих механизмов и инструментов.

Многокритериальность, присущая концепции устойчивого развития, структурирована в три взаимосвязанных компонента политики в области ESG:

1. Environmental (E) – экологические аспекты (изменение экологических условий, обеспечение биоразнообразия, декарбонизация, загрязнение окружающей среды и т. д.);

2. Social (S) – социальные аспекты (улучшение условий труда, привлечение талантливых сотрудников, социальная ответственность, права человека, охрана здоровья и т. д.);

3. Governance (G) – аспекты корпоративного управления (структура и ответственность органов управления, взаимоотношения с сотрудниками, прозрачность стратегий управления, качество раскрытия информации и т. д.).

Европейский союз (ЕС) сформировал одну из наиболее развитых наднациональных систем регулирования в области устойчивого развития и ESG. Общеевропейская стратегия устойчивого развития была утверждена в 2001 году, далее регулирование последовательно распространилось на устойчивое финансирование, корпоративную отчётность, климатическую и энергетическую политику. Современная европейская модель сочетает единые наднациональные цели и стандарты с их реализацией в экономически и институционально неоднородных государствах-членах ЕС, что непосредственно влечет структурные изменения в экономиках государств-членов ЕС.

Для российской экономики анализ европейского опыта представляет практическую значимость в двух аспектах: как источник сопоставимых подходов к оценке экологических, социальных и управленческих факторов и как основа для выявления внешних рисков в условиях растущей экономической фрагментации современного мира. Использование отдельных элементов европейского опыта рассматривается в диссертационном исследовании не как прямое заимствование опыта ЕС, а как возможность его частичной адаптации применительно к реализации российских приоритетов в области обеспечения технологического суверенитета, промышленной модернизации, повышения ресурсной эффективности. Все

вышеперечисленные обстоятельства обуславливают высокую актуальность темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика ESG в современной экономической науке развивается на пересечении исследований в области устойчивого развития, корпоративных финансов, институциональной экономики и государственного регулирования. В зарубежных исследованиях экономическая значимость ESG-факторов (преимущественно на корпоративном уровне) исследуется в работах Р. Экклза (R. Eccles), И. Иоанну (I. Ioannou), Г. Серафима (G. Serafeim), Г. Фриде (G. Friede), Т. Буша (T. Busch), А. Бассена (A. Bassen). На страновом уровне М.-А. Диайе (M.-A. Diaye), С.-Х. Хо (S.-H. Ho), Р. Эль Ферктаджи (R. El Ferktaji) и Р. Уэглисси (R. Oueghlissi) анализируют взаимосвязь ESG-показателей и экономического роста и показывают неоднородность выявляемых связей между группами стран.

Отдельное направление зарубежной литературы посвящено ESG-политике Европейского союза как многоуровневой регуляторной системе. В работах Х. Альстрёма (H. Ahlström), Д.А. Зетше (D. A. Zetzsche), М. Боделлини (M. Bodellini) и Р. Консильо (R. Consiglio) рассматриваются эволюция регулирования устойчивого финансирования, соотношение наднациональных норм ЕС с международными стандартами, а также ограничения, возникающие при унификации требований к устойчивости и раскрытию информации. Вместе с тем в литературе существенно реже объединяются в одной аналитической конструкции наднациональная ESG-политика ЕС, неоднородность ресурсного потенциала государств-членов и их различающиеся экономические результаты.

В российской научной литературе проблематика ESG рассматривается в преимущественно контексте устойчивого развития, «зеленой» экономики, устойчивого финансирования и корпоративного управления. Теоретико-методологические аспекты представлены в работах И.В. Андроновой, С.Н. Бобылева, И.В. Ивашковской, А.В. Кузнецова, Е.Ю. Макеевой, К.А. Попова,

Б.Н. Порфирьева, С.А. Рогинко. Проблемы ESG-трансформации российской экономики, взаимодействия государства, бизнеса и общества исследуются М.П. Афанасьевым, Л.Д. Капрановой, Х.А. Константиниди, О.А. Полищук, С.Н. Сильвестровым, Г.И. Шевелевой.

Вопросы формирования и реализации ESG-политики непосредственно в Европейском союзе рассматриваются в работах С.А. Дятлова, В.Н. Быкова, Ю.Ю. Ковалева, Г.Н. Понеделко, И.П. Довбий. Отдельное направление исследований связано с пограничным корректирующим углеродным механизмом ЕС (ПКУМ) и его внешнеэкономическими последствиями, представленное работами В.Г. Варнавского, К.М. Дорохиной, В.Н. Руцкого, Т.Л. Ровинской. Для российской экономики данные исследования значимы с точки зрения оценки внешних регуляторных эффектов европейской политики и определения границ применимости её отдельных инструментов в национальных условиях.

Между тем, до настоящего времени недостаточно проработан комплексный подход к оценке реализации единой ESG-политики ЕС с учетом выраженной межстрановой неоднородности ресурсных, энергетических, социальных и институциональных условий, а также к сопоставлению полученных ESG-оценок с параметрами экономического развития. Указанный исследовательский пробел определил постановку цели и задач диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении ключевых факторов и направлений трансформации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления, влияющих на современную экономическую динамику стран Европейского союза с учетом специфики и ограничений данной политики.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи:**

1. Выявить специфику концептуальных подходов к разработке и практической реализации политики поддержки экологичного, социально

ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза и на наднациональном уровне.

2. Идентифицировать и ранжировать ключевые риски, возникающие при реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза, а также определить соответствующие им механизмы управления с учетом вероятности реализации риска и масштаба его потенциального воздействия.

3. Выявить ключевые факторы, оказывающие влияние на реализацию политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза с учетом имеющегося ресурсного потенциала.

4. Оценить относительные межстрановые различия в результатах реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза на основе интегрального ESG-индекса и определить характер статистической взаимосвязи полученных оценок с показателем ВВП на душу населения.

5. Определить сценарии дальнейшей эволюции политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза в рамках парадигмы устойчивого развития с учетом регуляторных, технологических и геоэкономических факторов.

6. Сформулировать рекомендации по использованию отдельных элементов европейского опыта реализации политики в области ESG в Российской Федерации с учетом национальных интересов, приоритетов технологического суверенитета и современной геоэкономической и геополитической среды.

Объектом диссертационного исследования является политика поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления, реализуемая в странах Европейского союза (ЕС) и на уровне интеграционных структур ЕС.

Предметом исследования выступает совокупность организационно-экономических отношений, механизмов и инструментов реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления (ESG), определяющих характер и результаты ее воздействия на экономическое развитие стран Европейского союза.

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные работы отечественных и зарубежных ученых в области устойчивого развития, энергетической политики, социальной политики, корпоративного управления и глобализации мировой экономики, а также научные работы, посвященные, в частности: эволюции концепции устойчивого развития и ESG-подходов к управлению устойчивым развитием; страновым приоритетам реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления на уровне Европейского союза.

Методологической основой диссертационного исследования являются системный и сравнительный подходы, а также методы сравнительно-правового и контент-анализа, экономико-статистического анализа, включая группировку, ранжирование, корреляционный анализ, а также методы минимаксной нормализации, интегральной оценки и сценарного анализа. Корреляционный анализ используется для оценки статистической взаимосвязи между интегральным ESG-индексом и ВВП на душу населения и не интерпретируется как самостоятельное доказательство причинного воздействия.

Информационной базой исследования послужили официальные документы Организации Объединенных Наций (ООН), материалы Международного Валютного Фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ), Всемирного экономического форума (ВЭФ), стандарты, регламенты и положения Европейского союза (ЕС), доклады и аналитические отчеты Европейской комиссии (ЕК), статистические материалы Евростата, материалы иных межправительственных и общественных организаций. При написании работы были использованы публикации международных исследовательских

центров и консалтинговых компаний, годовые отчеты Евростата, а также научно-аналитические материалы зарубежных и отечественных авторов в электронных и печатных средствах массовой информации.

Научная новизна исследования заключается в развитии теоретических положений и методологических подходов к подходов к анализу политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в Европейском союзе с учетом межстрановой неоднородности условий ее реализации, а также в разработке инструментов относительной межстрановой оценки и сценарного анализа ее экономических эффектов.

В работе получены следующие результаты, соответствующие критериям **научной новизны**:

1. Разработана авторская группировка приоритетных направлений реализации политики в области ESG в странах Европейского союза на основе сопоставления их ресурсного потенциала, структуры энергетики и промышленности, состояния социальной сферы и институциональной среды. Установлено, что при наличии единой наднациональной архитектуры страновые ESG-политики носят дифференцированный характер, обусловленный различиями в экономической структуре и ресурсных ограничений государств-членов ЕС.

2. Проведено ранжирование рисков, возникающих при реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в Европейском союзе, по двум направлениям: вероятности реализации риска и масштабу его потенциального воздействия на экономическую, социальную и экологическую сферы государств-членов ЕС. На основе полученных результатов ранжирования систематизированы механизмы управления экологическими, экономическими и социально-политическими рисками.

3. Систематизированы факторы, определяющие способность государств-членов ЕС реализовывать ESG-политику. К стимулирующим

факторам относятся наличие развитой наднациональной нормативной архитектуры, инфраструктуры устойчивого финансирования, технологической базы и институциональных механизмов «справедливого перехода» к низкоуглеродной или «зеленой» экономике; к сдерживающим – высокая стоимость подобного перехода, инфраструктурные ограничения, различия национальных ресурсных баз, внешнеэкономические ограничения и политическое сопротивление «зеленому» переходу. Выявлена устойчивая связь между структурными проблемами страны и формируемым ею приоритетом ESG-политики.

4. Разработана методика относительной межстрановой оценки результатов реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления, основанная на интегральном ESG-индексе и ежегодной минимаксной нормализации экологических, социальных и управленческих показателей. Методика позволяет сопоставлять положение государств-членов ЕС внутри каждого года, выявлять межстрановую дифференциацию и оценивать статистическую взаимосвязь полученных значений с ВВП на душу населения, а динамика рейтинговых категорий при этом не трактуется как самостоятельное доказательство абсолютного прогресса страны во времени.

5. Сформирована система четырех сценарных траекторий дальнейшей эволюции ESG-политики Европейского союза: базовой, ускоренного перехода, усиления фрагментации и жесткого регулирования. Для каждой траектории определены ключевые регуляторные, технологические, инвестиционные и геоэкономические предпосылки, ожидаемые экономические эффекты и риски, что позволяет сопоставлять альтернативные направления трансформации политики без присвоения им формальной вероятности реализации.

6. Сформулированы рекомендации использованию европейского опыта в интересах Российской Федерации. Обоснована применимость элементов опыта Германии, Польши и Чехии по обеспечению взаимосвязи

промышленной трансформации с переподготовкой кадров и поддержкой индустриальных территорий, стран Северной Европы – по повышению энергоэффективности, развитию цифрового мониторинга и гибкости энергосистем, Германии и Нидерландов – по стандартизации раскрытия нефинансовой информации и развитию инструментов устойчивого финансирования. Предлагаемая адаптация учитывает структуру российской промышленности, приоритеты технологического суверенитета и ограничения современной геоэкономической среды.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии научных знаний и представлений об ESG-политике как прикладном механизме реализации принципов устойчивого развития на наднациональном и национальном уровнях. В диссертационном исследовании показано, что единая регуляторная архитектура ЕС не устраняет межстрановую неоднородность, поскольку национальные траектории определяются различиями ресурсного потенциала, структуры энергетической и промышленной систем, социальной устойчивости и институциональной среды. Разработанный в рамках исследования подход к интегральной оценке расширяет инструментарий сравнительного анализа ESG-политики на страновом уровне.

Практическая значимость исследования. Практическая значимость результатов заключается в возможности использования полученных результатов органами государственной власти и институтами развития и аналитическими организациями Российской Федерации для оценки внешних ESG-рисков, сравнительного анализа зарубежных практик и подготовки предложений по корректировке промышленной, инвестиционной и экологической политике страны (в частности, Министерством экономического развития Российской Федерации, Министерством промышленности и торговли Российской Федерации, Агентством стратегических инициатив, государственной корпорацией развития ВЭБ.РФ, Национальным Альянсом по вопросам устойчивого развития (ESG Альянсом). Рекомендации по адаптации

опыта ЕС ориентированы на повышение ресурсной и энергетической эффективности, технологическую модернизацию, развитие национальных подходов к раскрытию нефинансовой информации и снижение регуляторной нагрузки на российские компании. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в рамках преподавания в высших учебных заведениях следующих учебных дисциплин: «Мировая экономика», «Страны и регионы в мировой экономике», «Экономика устойчивого развития».

Положения, выносимые на защиту.

1. Приоритетные направления реализации политики в области ESG в государствах-членах ЕС носят дифференцированный, субрегионально обусловленный характер: при общей наднациональной нормативной рамке их содержание определяется сочетанием уровня экономического развития, структуры энергетики и промышленности, устойчивости социальных систем и институциональной зрелости национальных систем регулирования. Для стран Северной и Западной Европы характерен акцент на повышении гибкости энергосистем, промышленной декарбонизации, совершенствовании стандартов нефинансовой отчетности. Для государств Центральной и Восточной Европы – на структурной перестройке углеродоёмких отраслей, поддержке занятости в соответствующих отраслях и повышении энергоэффективности. Для Южной Европы – на расширении солнечной генерации, электросетевой инфраструктуры. Выявленная гетерогенность подтверждает необходимость учета национальной специфики при оценке результатов единой ESG-политики на уровне ЕС.

2. Наиболее высокое сочетание вероятности реализации и масштаба потенциального воздействия характерно для переходных и инфраструктурных рисков. Риску энергетической нестабильности наиболее всего подвержены страны со значительной долей возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в энергосистеме (Германия, Италия, Нидерланды, Дания), но остальные страны-члены ЕС, включенные в единую энергосистему, также могут принимать меры

в части обеспечения энергетической безопасности. Политическое сопротивление «зеленому» переходу наиболее заметно в Польше, Румынии, Греции и Германии и связано с социальными и отраслевыми издержками структурной трансформации. К ключевым механизмам и инструментам системного управления выявленными экологическими, социальными и управленческими рисками относятся: диверсификация источников энергии, развитие «зеленых» отраслей экономики стран-членов ЕС, усиление контроля за цепочками поставок в части обязательств по соблюдению прав человека, развитие «зеленого» банкинга и ESG-инвестирования в «зеленые» проекты.

3. Способность стран-членов ЕС реализовывать политику поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления определяется совокупностью стимулирующих и сдерживающих факторов. К стимулирующим относятся развитая финансово-инвестиционная инфраструктура, единая нормативная архитектура ЕС, развитие возобновляемой энергетики, систем ESG-мониторинга и инфраструктуры экономики замкнутого цикла. К сдерживающим факторам относятся высокая стоимость структурной трансформации, неодинаковая рентабельность «зелёных» инвестиций, инфраструктурные ограничения, различия национальных ESG-стратегий, внешнеэкономические ограничения и политическое сопротивление. Разграничение факторов и рисков позволяет отделить долгосрочные структурные условия реализации ESG-политики от вероятных неблагоприятных событий и их последствий.

4. Разработанный интегральный ESG-индекс позволяет выявить выраженную относительную межстрановую дифференциацию результатов реализации ESG-политики в ЕС. В 2024 году наивысшее положение занимала Швеция (AA), к группе A относились Дания, Ирландия, Нидерланды и Финляндия, тогда как большинство государств находилось в группе B. Ни одна страна ЕС не достигла категории AAA, что отражает различие между развитостью наднациональной регуляторной архитектуры ЕС и фактической неоднородностью национальных результатов. Поскольку минимальные и

максимальные значения нормализуются отдельно для каждого года, рейтинг характеризует относительное положение страны внутри ЕС в соответствующий год и не используется как самостоятельное доказательство абсолютного прогресса во времени. Коэффициент корреляции интегрального индекса с ВВП на душу населения оставался положительным на протяжении 2014-2024 гг., снизившись с 0,78 в 2014 г. до 0,63 в 2024 г., что характеризует устойчивую статистическую взаимосвязь, но не устанавливает направление воздействия.

5. Интерпретация четырех сценарных траекторий показала различия возможных эффектов дальнейшей ESG-трансформации в Европейском союзе. Базовый сценарий используется как референтная траектория и предполагает последовательную реализацию уже закрепленных целей, умеренный технологический прогресс, поэтапное расширение сетевой и накопительной инфраструктуры, рост энергоэффективности и дальнейшую калибровку регуляторных требований. Сценарий ускоренного перехода характеризуется более интенсивным ростом инвестиций и темпов декарбонизации, тогда как сценарий усиления фрагментации – ослаблением общеевропейской координации и расширением национальной вариативности, а сценарий жесткого регулирования – ростом прозрачности и сопоставимости раскрытий одновременно с увеличением издержек соблюдения требований. Сценарии рассматриваются как альтернативные условные траектории, а не как статистический прогноз вероятности будущих событий.

6. Для Российской Федерации наиболее применимым является селективный подход к европейскому опыту реализации ESG-политики. Практическую значимость носят отдельные элементы опыта Германии, Польши и Чехии по сочетанию промышленной модернизации с переподготовкой кадров и поддержкой индустриальных территорий, Нидерландов – по стандартизации нефинансового раскрытия и инструментам устойчивого финансирования, а также стран Северной Европы – по обеспечению энергоэффективности, цифровому мониторингу и повышению

гибкости энергосистем. Их адаптация к российским условиям связана с обеспечением технологического суверенитета, конкурентоспособности российской промышленности, повышением ресурсной эффективности в условиях изменяющейся геоэкономической и геополитической среды.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Содержание диссертационного исследования соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности 5.2.5. Мировая экономика: п. 13. «Стратегии участия региональных и корпоративных структур в международном экономическом взаимодействии (глобальный, региональный и национальный аспекты)», п. 17. «Экологические и социальные аспекты глобального развития. Концепции «устойчивого» и «инклюзивного» развития», п.19 «Инфраструктурные факторы развития мирохозяйственных связей».

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения и научные результаты исследования были представлены на Московском академическом экономическом форуме (Москва, июнь 2023); Российском экономическом конгрессе (Москва, сентябрь 2023); Международном круглом столе «The modern world in the context of geo-economic changes» (Ростов-на-Дону, декабрь 2023, 2024); 112-ой международной научной конференции по экономическому и социальному развитию «Creating a Unified Foundation for Sustainable Development: Interdisciplinarity in Research and Education» (Вараждин, Хорватия, июнь 2024); Всероссийском симпозиуме «Проблемы стратегического управления» (Москва, октябрь 2025).

Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования отражены в 8 научных работах общим объемом 19,6 п.л. (в т.ч. авт. 5,6 п.л.), включая 5 научных статей в научных рецензируемых изданиях, рекомендованных Ученым советом МГУ имени М.В.Ломоносова для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.2.5. Мировая экономика (из которых 1 статья в журнале, входящем в Russian Science Citation Index

(RSCI), и 1 статья в журнале, индексируемом в базе данных Scopus), а также 2 публикации в иных журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и 1 коллективную монографию объемом 13,5 п.л. (в том числе авторских 1,65 п.л.).

Публикации автора, используемые в диссертации. При подготовке и написании разделов диссертации 1.2 «Эволюция политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в рамках парадигмы устойчивого развития» и 1.3 «Специфика европейских подходов к разработке концептуальных основ политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления» были использованы статьи, написанные автором лично или в соавторстве (с учетом авторского вклада), в которых согласно Положению о присуждении учёных степеней в МГУ имени М.В.Ломоносова изложены результаты диссертационного исследования. Ссылки на соответствующие статьи приведены в тексте диссертации.

Структура и объем работы обусловлены целью и задачами диссертационного исследования. Диссертация содержит введение, 3 главы, заключение, список сокращений и условных обозначений, библиографический список, а также 6 приложений. Работа включает 9 рисунков и 31 таблицу. В библиографическом списке представлены 188 наименований на русском и английском языках. Диссертационное исследование изложено на 251 странице.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ ЭКОЛОГИЧНОГО, СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

1.1 Теоретические подходы к анализу политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в контексте устойчивого развития

На сегодняшний день является общепризнанным, что стоящие перед мировых сообществом глобальные проблемы носят не только экономический характер (например, необходимость стимулирования экономического роста, инвестиций и сокращение безработицы), но и социальный и экологический (например, борьба с бедностью и изменение экологических условий). Концепция устойчивого развития является ответом на ряд глобальных проблем, которые возникли в ходе взаимодействия человечества с окружающей средой, а также под влиянием протекающих социально-экономических процессов. Для решения установленных в настоящем исследовании задач следует прояснить соотношение терминов «устойчивость» и «устойчивое развитие».

В экономической науке распространена широкая трактовка термина «устойчивость» (от англ. *sustainability*), согласно которой она представляет собой «способность системы сохранять свои основные характеристики (структуру, функции, динамику) в определенном временном диапазоне, несмотря на воздействие внешних экстерналий и внутренних факторов»[1]. Устойчивость подразумевает поддержание гомеостаза или возвращение к равновесному состоянию после отклонения. В ряде научных исследований она рассматривается как «способность системы сохранять заданное состояние

[1] Порфирьев Б.Н. Климат, устойчивое развитие и экономический рост: приоритеты решений для России // В сборнике: Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении. материалы второй конференции ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию. – 2020. – С. 19-31.

(структуру, динамику развития) под воздействием факторов внешней и внутренней среды»[2].

С позиции системного анализа «устойчивость» связана с концепцией резилиентности, т. е. способности системы сопротивляться шокам, однако, в данном случае устойчивость часто подразумевает только поддержание текущего состояния объекта, что может препятствовать адаптации к долгосрочным изменениям[3]. Несмотря на возможность анализа устойчивости в динамической перспективе, данное понятие зачастую ассоциируется с определенным состоянием системы, зафиксированным в конкретный момент времени.

Термин «устойчивое развитие» (от англ. *sustainable development*), в свою очередь, акцентирует внимание на процессуальном характере достижения устойчивости, подразумевающем реализацию комплекса взаимосвязанных мер. В этой связи представляется обоснованным согласиться с позицией ряда исследователей, рассматривающих устойчивость как целевую функцию устойчивого развития, а также как состояние, достижимое посредством реализации принципов и стратегий устойчивого развития[4].

Согласно определению, которое является одним из наиболее авторитетных в научном и экспертном сообществе в настоящее время, устойчивое развитие – это «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего поколения, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»[5]. Оно подразумевает

---

[2] Побываев С. А. Амбивалентная устойчивость экономики. Sustainability vs. resilience // Экономические стратегии. – 2024. – Т. 26, № 4(196). – С. 90-97. – DOI 10.33917/es-4.196.2024.90-97.; Сильвестров С. Н. Управление глобальными рисками устойчивого развития // Развитие и безопасность. – 2023. – № 2(18). – С. 4-13. – DOI 10.46960/2713-2633_2023_2_4.

[3] Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. №5. С. 93-115. doi:10.52180/2073-6487_2021_5_93_115

[4] Риски устойчивого развития и ESG-трансформация государства, бизнеса и общества / Р. Г. Ахмадеев, К. В. Ордов, М. Е. Косов [и др.]. – Москва : ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 216 с. – ISBN 978-5-238-03906-0.

[5] Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития (Комиссия Брундтланд). Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды. 42-я сессия ГА ООН. URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

сбалансированное и гармоничное взаимодействие в рамках экономической, социальной и экологической сфер.

Концепция устойчивого развития в той или иной степени признается большинством основных научных экономических школ, однако, степень и характер этого признания существенно различаются. Эволюция научных подходов к определению устойчивого развития прошла несколько этапов: от первоначального акцента на экологических вопросах к более сложному взгляду, включающему социальные и экономические аспекты. Укрупненно можно выделить следующие этапы, отражающие эволюцию в данной сфере.

1. Экологический подход (1960-1970-е гг.). Первые исследования в области устойчивого развития были сфокусированы на экологических проблемах (загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов, сохранение биоразнообразия и ряд других). Существенным импульсом к развитию данного подхода стал доклад Римского клуба (а именно – группы экономистов Д.Х. Медоуза, Д.Л. Медоуза, Й. Рандерса и У. Беренса) в рамках проекта «Пределы роста» («Limits to Growth»), 1972 г.), в котором была обоснована идея ограниченности природных ресурсов и рассмотрены возможные последствия нерационального потребления[6]. В рамках экологического подхода подчеркивалась значимость сохранения природной среды для обеспечения благосостояния будущих поколений.

2. Эколого-экономический синтез (1980-1990-е гг.). В этот период концепция устойчивого развития стала более комплексной и начала признавать взаимосвязь между экологическими и экономическими системами. В 1987 году группа ученых из 21 страны представила работу под названием «Наше общее будущее» («Our Common Future»), которая стала известна как «Доклад Брундтланд» (по имени председателя Комиссии, бывшей премьера-министра Норвегии Гру Харлем Брундтланд)[7].

---

[6] Limits to Growth [Электронный ресурс]. URL: https://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

[7] Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды // 42-ая сессия Генеральной Ассамблеи ООН. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

В рамках указанного доклада была представлена дефиниция термина «устойчивое развитие», которая получила наибольшее распространение в современных правовых источниках и научной литературе. Она указывает на «комплекс мер, нацеленных на удовлетворение текущих потребностей человека при сохранении окружающей среды и ресурсов, то есть без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Таким образом, основной акцент в рамках данного определения сделан на балансировке потребностей текущих и будущих поколений, подчеркивая важность учета экологических и социальных аспектов.

Спустя десять лет, во многом опираясь на положения данного доклада, в своей работе Дж. Элкингтон ввел понятие «тройной нижней линии» (концепция тройного критерия, «triple bottom line»), обосновывая необходимость учета экономических, социальных и экологических факторов при оценке устойчивости организаций и бизнес-проектов[8]. Данное исследование является значимым вкладом в практическое применение концепции устойчивого развития.

3. Междисциплинарный и интегративный подход (1990-2000-е гг.). В последующие десятилетия научное сообщество признало, что проблемы устойчивого развития являются многомерными и требуют междисциплинарных решений. Так, в 2001 году было опубликовано исследование, в котором авторы подчеркивают значимость интеграции знаний из различных областей науки для решения комплексных проблем устойчивого развития и призывают к использованию междисциплинарного подхода[9]. Представлен концепт «науки устойчивости», который стремится интегрировать знания из различных дисциплин для понимания и решения проблем устойчивого развития.

---

[8] The triple bottom line: what it is & why it's important. [Электронный ресурс]. URL: https://online.hbs.edu/blog/post/what-is-the-triple-bottom-line (дата обращения: 26.03.2025).; Crace L., Gehman J. What Really Explains ESG Performance? Disentangling the Asymmetrical Drivers of the Triple Bottom Line // Organization & Environment. – 2022. – DOI: 10.1177/10860266221079408.

[9] Kates R., et al. Sustainability Science. Science 292 (2001): 641–642. [Электронный ресурс]. URL: https://www.science.org/doi/10.1126/science.1059386 (дата обращения: 12.11.2025).

Работы исследователей и экспертов из ведущих мировых организаций (Группы Всемирного банка[10], Евростата[11], Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)[12]) отражают усилия мирового сообщества того периода времени в части разработки и применения конкретных показателей для оценки устойчивого развития. Стоит отметить, что международные организации уточняли общепризнанное определение исходя из специфики своей деятельности. В частности, Всемирный банк отмечал, что устойчивое развитие заключается в «процессе управления совокупностью (портфелем) активов, направленном на сохранение и расширение возможностей, имеющихся у людей»[13]. При этом портфель активов характеризуется совокупностью физического, природного и человеческого капиталов. Этим портфелем требуется рационально управлять для гармонизации экономического, социального и экологического развития общества.

4. Глобальный подход с учетом приоритетов социальной справедливости (2010 г. – н.в.). В контексте глобальных вызовов (изменение климата, социальное неравенство и др.) современные исследования в области устойчивого развития делают акцент на глобальном взаимодействии и вопросах социальной справедливости. В этот же период времени произошло формирование отдельной концепции «ESG» – «Environmental, Social, Good

---

[10] Demystifying Sovereign ESG. World Bank. – URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/842671621238316887/pdf/Demystifying-Sovereign-ESG.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

[11] Measuring progress towards a more sustainable Europe, Monitoring report of the EU sustainable development strategy, Statistical Office of the European Communities Luxembourg. 2007. ISBN 92-827-9827-5. // Eurostat [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5619864/KS-77-07-115-EN.PDF/06ee41ca-2717-46ee-bee5-07e6bf6c26a2 (дата обращения: 25.11.2025)

[12] Measuring sustainable development: integrated economic, environmental and social frameworks, Paris: OECD (2004). ISBN 92-64-02012-8 // OECD [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/greengrowth/41414440.pdf (дата обращения: 12.11.2025).

[13] Grootaert, C. and T. van Bastelaer (2002): Understanding and measuring social capital - a multidisciplinary tool for practitioners, World Bank, Washington DC // World Bank [Электронный ресурс]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/8f069a0b-b4a4-5c05-bee7-d52c5b583716 (дата обращения: 11.11.2025).

Governance», которая представляет собой интегрированный подход к управлению, оценке и отчетности на уровне компаний и предприятий.[14].

Рассмотренные этапы отражают постепенное углубление понимания проблемы устойчивого развития и переход от изначально узкого аналитического фокуса на экологических проблемах к комплексному подходу, включающему в себя экологические, социальные и экономические аспекты. Представленная эволюция концепции устойчивого развития отражает постепенное расширение области ее применения и углубление понимания сложности вопросов, связанных с устойчивым развитием.

Реализация современной концепции устойчивого развития сталкивается с новыми глобальными и национальными вызовами, проявляющимися в тенденциях к усилению неустойчивости. Данные тенденции обусловлены как системными факторами (такими, как нарастание процессов деглобализации и фрагментированный подход к рассмотрению экономической, экологической и социальной составляющих устойчивого развития), так и рядом ключевых факторов, относящихся к различным аспектам устойчивого развития (включая экологический, социальный и управленческо-экономический). В таблице 1 отражены результаты сравнительного анализа различных концептуальных подходов к определению природы устойчивого развития.

Таблица 1 – Сравнительный анализ концептуальных подходов к определению природы устойчивого развития

Наименование подхода	Основные идеи	Ключевые представители	Специфика подхода
1	2	3	4
Экологическая экономика	Экономика рассматривается в качестве подсистемы биосферы,	Н. Джорджеску-Реген, Г. Дэли, Р. Костанца, Дж. Мартинес-Алье.	Присутствует критика традиционного экономического подхода, акцент на энергетическом балансе

[14] How ESG will drive the next wave of transformation. PWC. – URL: https://www.pwc.com/gx/en/issues/reinventing-the-future/take-on-tomorrow/esg-transformation.html (дата обращения: 25.03.2025); A Guide to Corporate Governance Practices in the European Union. The International Finance Corporation. World Bank Group. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifc.org/content/dam/ifc/doc/mgrt/cg-practices-in-eu-guide.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
	признаются физические ограничения экономического роста, акцент сделан на сохранении природных ресурсов и биоразнообразия.		и устойчивости экосистем, разработка альтернативных показателей экономического развития.
Экономика окружающей среды	Применяются экономические инструменты для решения экологических проблем, таких как загрязнение окружающей среды и истощение природных и биологических ресурсов.	А. Пигу, Р. Коуз, А. Книзе.	Использование инструментария анализа издержек и выгод для оценки экологических проектов, а также разработка механизмов интернализации внешних эффектов (таких как экологические налоги).
Институциональная экономика	Подчеркивается роль институтов (правил, норм, организаций) в формировании экономического поведения и достижении устойчивого развития.	Д. Норт, Э. Остром, Р. Коуз.	Проводится анализ влияния прав собственности, контрактных отношений, органов государственной власти на рациональность использования ресурсов и охрану окружающей среды.
Теория системной динамики	Устойчивое развитие рассматривается в качестве сложной адаптивной системы, в которой присутствует множество взаимосвязанных факторов, влияющих друг на друга.	Д. Медоуз, Дж. Форрестер, Доннелла Медоуз.	Использование компьютерного моделирования для анализа динамики сложных систем, выявление ключевых рычагов воздействия для достижения устойчивости.
Социальная экология	Экологические проблемы связываются с социальными и	М. Букчин, А. Горц.	Критика иерархических социальных структур, акцент на развитии демократических и

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
	политическими факторами, такими как неравенство, бедность и доминирование определенных социальных групп.		децентрализованных обществ, способных решать экологические проблемы.
Этика окружающей среды	Исследуются моральные обязательства человека по отношению к природе и будущим поколениям.	А. Леопольд, Х. Ролстон III, П. Сингер.	Разработка философских обоснований для обеспечения защиты окружающей среды.
Политическая экология	Исследуется взаимосвязь между политической властью и экологическими процессами.	Р. Брайант, М. Уоттс.	Проводятся исследования, направленные на изучение влияния политических решений и экономических интересов на использование природных ресурсов и состояние окружающей среды.

Источник: составлено автором на основе источников[15].

Следует отметить, что несмотря на наличие множества определений понятия «устойчивого развития», в большинстве дефиниций основными его столпами являются «экономическая устойчивость», «социальная устойчивость» и «экологическая устойчивость».

В формировании современной концепции устойчивого развития существенную роль сыграли российские ученые. Академик РАН Б.Н.Порфирьев является ведущим отечественным ученым, занимающимся

[15] Ковалев А.А., Князева Е.Ю. Проблема глобального управления в современной научной литературе Запада: основные подходы и концепции // Мировая политика. – 2020. – № 4. – С. 65-77.; Иванов О.Б. Современный мир: глобальные тенденции, вызовы и угрозы. // Этап: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – №4. – С. 20-36.; Фёдорова Е. А., Хрустова Л. Е., Демин И. С. Влияние качества раскрытия нефинансовой информации российских компаний на их инвестиционную привлекательность // Российский журнал менеджмента. 2020. Т. 18, № 1. С. 51–72.

проблемами в области устойчивого развития и климатической повестки в целом. В своих многочисленных трудах он отмечает, что «в более широком плане климатические изменения и связанные с ними последствия – только часть общей картины рисков для жизни и здоровья людей, роста экономики. Это доказывают принятые мировым сообществом цели устойчивого развития, которые, помимо «мер по борьбе с изменением климата и его последствиями», включают еще 17 глобальных целей устойчивого развития (ЦУР ООН), охватывающих все составляющие (экономическую, социальную и экологическую) этого развития»[16].

С.Н. Бобылев внес фундаментальный вклад в разработку системного представления об экономике устойчивого развития, известной также как «зеленая экономика», в также в анализ проблем и вызовов, стоящих перед мировой экономикой в контексте достижения ЦУР ООН[17]. В свою очередь, Р.М. Нуреев одним из первых внес вклад в развитие институциональных основ управления устойчивостью и рассмотрел институциональные основы и предпосылки успешной политики в сфере устойчивого развития[18].

Устойчивость характеризует состояние или свойство социально-экономической системы сохранять ключевые функции и способность к развитию при воздействии внутренних и внешних факторов. Можно заключить, что устойчивость является необходимым, но не достаточным условием для достижения устойчивого развития. Устойчивость обеспечивает стабильность в краткосрочной перспективе, но устойчивое развитие требует более фундаментальных изменений и адаптации к долгосрочным угрозам и глобальным вызовам[19]. Устойчивое развитие можно рассматривать как

---

[16] Порфирьев Б.Н. Декарбонизация versus адаптация экономики к климатическим изменениям в стратегии устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 4(193). – С. 45-54. – DOI 10.47711/0868-6351-193-45-54.

[17] Бобылев С.Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты. Мир новой экономики. – 2017. – № 3. – С. 90-96.

[18] Нуреев Р. М. Теории развития: Институциональные концепции становления рыночной экономики // Вопросы экономики. – 2000. – № 6. – С. 126-128.

[19] Кузнецов А.В. Устойчивое развитие России в мировой экономике // Проблемы теории и практики управления. – 2019. – № 10. – С. 68-82.

динамический процесс достижения устойчивости, а устойчивость – как цель, к которой стремится устойчивое развитие.

Таким образом, предлагается предложить следующую обобщенную трактовку понятия «устойчивое развитие», в соответствии с которой оно представляет собой динамический процесс социально-экологической трансформации, направленный на обеспечение баланса между экономическими, социальными и экологическими потребностями настоящего и будущих поколений посредством интеграции инновационных технологий, культурных и корпоративных ценностей и экологической ответственности. Устойчивое развитие предполагает не только удовлетворение текущих потребностей, но и создание условий для долгосрочного прогресса, сохранения биоразнообразия и укрепления социальной сплоченности в обозримой перспективе.

В представленной формулировке акцент сделан на динамичности процесса, который включает постоянное и комплексное взаимодействие технологических инноваций, культурных и корпоративных ценностей и устойчивости (в том числе экологической), что позволит более эффективно решать современные глобальные проблемы и обеспечивать гармоничное развитие общества и окружающей среды.

Подводя промежуточный итог, подчеркнем, что в научном сообществе нет единого мнения относительно определения «устойчивое развитие», что приводит к наличию множества различных интерпретаций. Хотя позиция ООН и других международных организаций увязывает экономический рост с решением социальных и экологических проблем, многие авторы выражают свое несогласие с данными определениями. Некоторые исследователи отмечают, что концептуализации ООН не хватает теоретической проработки, поскольку предполагается, что экономический рост необходим для сокращения бедности и переноса «грязных» производств на более доступные

рынки[20]. Однако такой тип роста приводит к разрушению окружающей среды[21].

Ключевые проблемы практической реализации концепции устойчивого развития, такие как интернализация экологических экстерналий (перенос косвенных издержек – например, загрязнений – на общество), проблема временного горизонта (конфликт между краткосрочными финансовыми целями и долгосрочными устойчивыми инвестициями), неопределенность и многокритериальность при оценке прогресса, а также отсутствие стандартизированных метрик для измерения вклада отдельных экономических агентов, создали значительный разрыв между теоретической рамкой и её практической имплементацией на микроуровне (уровне компаний, корпораций и финансовых институтов). Именно этот операциональный вакуум и стал катализатором для формирования политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления (от англ. «*Environmental, Social and Good Governance*», далее – «ESG-политика» или «политика в области ESG»)[22].

Для обеспечения терминологической последовательности в настоящем исследовании разграничиваются понятия «ESG-концепция», «ESG-подход» и «ESG-политика». «ESG-концепция» используется для обозначения концептуальной триады экологических, социальных и управленческих критериев, тогда как «ESG-подход» означает способ интеграции соответствующих критериев в инвестиционные, корпоративные или государственные решения. «ESG-политика, политика в области ESG» в настоящей работе рассматривается как совокупность стратегических, нормативно-регуляторных, финансовых и институциональных мер, посредством которых ESG-критерии внедряются на страновом уровне.

---

[20] Худякова Л. С. Устойчивое финансирование в новых политических и экономических реалиях // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 8. – С. 5-15. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-5-15.

[21] Сильвестров С.Н. Управление глобальными рисками устойчивого развития // Развитие и безопасность. – 2023. – № 2(18). – С. 4-13. – DOI: 10.46960/27132633_2023_2_4.

[22] Диваева Э.А. Условия трансформации ESG-принципов: экономические и социальные аспекты // Инновации и инвестиции. – 2022. – №1. – С. 190-202.

Многокритериальность, присущая концепции устойчивого развития, структурирована в три взаимосвязанных компонента политики в области ESG, а именно:

1. «Environmental» (E): прямое отражение экологической составляющей концепции устойчивого развития (управление углеродным следом, ресурсоэффективность, сохранение биоразнообразия, переход на низкоуглеродные технологии, предотвращение загрязнения воздуха и воды, системы переработки и утилизации отходов, принципы циркулярной экономики и др.)[23].

2. «Social» (S): операционализация социального измерения концепции устойчивого развития (условия и безопасность труда, соблюдение прав человека, равноправие и инклюзивность, соблюдение этических и трудовых стандартов, взаимоотношения с местными сообществами, инвестиции в развитие наиболее уязвимых территорий и др.)[24].

3. «Good Governance» (G): ядром ESG-концепции является качественное корпоративное управление, так как именно качественные и эффективные управленческие практики позволяют производить учет экологических и социальных факторов в рамках корпоративной стратегии и операционной деятельности (достоверность и полнота нефинансовой отчетности, борьба с коррупцией, наличие кодексов корпоративной этики, обеспечение прозрачности, честности и инклюзивности при формировании советов директоров и собраний акционеров, идентификация, мониторинг и управление ESG-рисками и др.)[25].

Подчеркнем, что понятие «корпоративное управление» относится к системе отношений, процедур и механизмов принятия решений внутри компании. При переходе к страновому уровню показатели качества государственных институтов не отождествляются с корпоративным

---

[23] Aghamolla C., An B.-J. Mandatory vs. Voluntary ESG Disclosure, Efficiency, and Real Effects. SSRN Working Paper. URL: https://ssrn.com/abstract=3975948 (дата обращения: 18.03.2025).

[24] Campbell John L. Why Would Corporations Behave in Socially Responsible Ways? An Institutional Theory of Corporate Social Responsibility // The Academy of Management Review. – 2007. – Vol. 32, No. 3. – P. 946-967.

[25]

управлением, а рассматриваются как характеристика институциональной среды, создающей внешние условия для добросовестных корпоративных практик, прозрачности, подотчетности и защиты прав участников рынка.

Взаимосвязь между указанными компонентами носит синергетический характер: так, качественное корпоративное управление создает необходимые институциональные условия (прозрачность, подотчетность, стратегическое видение) для успешной реализации экологических и социальных инициатив. В свою очередь, проблемы в социальной сфере, такие как нарушения прав человека или условий труда работников, напрямую порождают репутационные и операционные риски, что является предметом управления рисками в рамках компонента «G».

Отдельно подчеркнем, что в структуре ESG-концепции компонент «G» выполняет не вспомогательную, а системообразующую функцию. Требование к его качеству, а не просто к наличию, обусловлено тем, что именно компонент «G» является тем механизмом, который трансформирует декларативные намерения в области экологии («E») и социальной ответственности («S») в реализуемую стратегию. Качественное корпоративное управление выступает необходимым условием для обеспечения действенности двух других компонентов[26].

Качественное корпоративное управление – это, прежде всего, система идентификации, оценки и мониторинга ESG-рисков (климатических, репутационных, регуляторных, кадровых и иных), которые носят системный и долгосрочный характер, а их игнорирование может привести к катастрофическим последствиям. При этом современные инвесторы (в первую очередь институциональные) рассматривают качество корпоративного управления как ключевой индикатор долгосрочной жизнеспособности компании или предприятия[27].

---

[26] Ивашковская И. В., Макеева Е. Ю., Попов К. А. Советы директоров российских компаний в контексте ESG-трансформации // Вопросы экономики. 2024. № 10. С. 42–76. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-42-76.

[27] Boffo R., Patalano R. «ESG Investing: Practices, Progress and Challenges». OECD Paris, 2020. – URL: https://www.oecd.org/finance/ESG-Investing-Practices-Progress-Challenges.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

С теоретической точки зрения ESG-концепция построена на пересечении нескольких фундаментальных теорий и концепций, которые обосновывают, помимо прочего, важность учета нефинансовых факторов при принятии инвестиционных и управленческих решений. В приложении А отражены результаты обзора международных и российских публикаций, посвященных различным аспектам реализации политики в области ESG.

До появления ESG-концепции существовали и другие близкие концепции, а именно: корпоративная социальная ответственность (далее – КСО) и социально-ответственное инвестирование («Socially responsible investing», далее – SRI). Несмотря на объединяющую эти концепции идею положительного влияния бизнеса на общество и окружающую среду, существуют некоторые различия в изначальном фундаменте концепций.

Так, концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) подразумевает, что компания добровольно берет на себя дополнительные (сверх законодательно предусмотренных) обязательства перед своими заинтересованными сторонами и общественностью в одной или нескольких категориях: воздействие на окружающую среду, этическая и финансовая ответственность, тем самым издержки общественно значимых действий компании перекладываются на потребителя через цену[28]. Данная концепция исторически применялась на практике в компаниях для того, чтобы они были более социально-ориентированными, а также учитывали потребности общества при осуществлении своей деятельности.

ESG-концепция при этом предполагает использование экологических, социальных и управленческих показателей для оценки компаний и стран с точки зрения оказываемого ими воздействия и прогресса, достигнутого в области устойчивого развития. Это отличает ESG-концепцию от концепции КСО, в то же время объединяя ее с концепцией устойчивого развития[29].

---

[28] De Bakker F. G. A., Groenewegen P., Den Hond F. A bibliometric analysis of 30 years of research and theory on corporate social responsibility and corporate social performance // Business and Society. 2005. Vol. 44, No. 3. P. 283–317. DOI: 10.1177/0007650305278086.

[29] Мишура Л. Г., Александрова В. С. Концепция устойчивого развития и ESG-трансформация общества - вызовы современности // Modern Economy Success. – 2022. – № 4. – С. 93-96.

Концепция социально-ответственного инвестирования (SRI), в свою очередь, представляет собой инвестиционную стратегию, которая учитывает не только финансовые показатели, но и этические, социальные и экологические факторы при принятии инвестиционных решений. Концепция SRI основана на ценностях инвесторов и направлена на поддержку компаний, которые демонстрируют ответственное поведение[30]. Подобный подход позволяет инвесторам выражать свои ценности и влиять на социальные и экологические изменения.

Хотя обе концепции (SRI и ESG) учитывают социальные и экологические факторы, их основные цели и подходы различаются. Концепция SRI в большей степени делает акцент на этические и ценностные ориентиры и рассматривается как способ достижения положительных изменений, в то время как ESG является инструментарием для управления рисками и повышения долгосрочной устойчивости, а также эффективности функционирования компаний.

Таким образом, ключевым аспектом, объединяющим все три концепции, является признание того факта, что, действуя не только в собственных интересах, но и в интересах общества, и прислушиваясь к мнению заинтересованных сторон, компании способны достичь долгосрочных целей и получить стратегические преимущества (как финансовые, так и репутационные). В сравнении с концепциями КСО и SRI, ESG концепция привлекает все большее внимание, поскольку инвесторы начинают осознавать существенность рисков, которые лежат за пределами традиционного анализа финансовой отчетности. Подчеркнем, что устойчивое развитие является более комплексным термином, охватывая множество сфер (от философии до экономики), тогда как ESG – практико-ориентированный термин. В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа понятий «ESG-концепция» и «концепция устойчивого развития».

---

[30] ISO 26000:2010. Руководство по социальной ответственности // Online Browsing Platform (OBP). [Электронный ресурс] URL: https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:26000:ed-1:v1:en (дата обращения: 17.10.2025).

Таблица 2 – Сравнение понятий «ESG-концепция» и «концепция устойчивого развития»

Критерий сравнения	Понятие «ESG-концепция»	Понятие «концепция устойчивого развития»
1	2	3
Содержание и научный фундамент	Набор конкретных критериев и показателей, которые используются для оценки и измерения экологического, социального и управленческого воздействия. Практический инструмент, предназначенный для интеграции вопросов устойчивости в управленческие и инвестиционные решения. С научной точки зрения базируется на теории управления, теории заинтересованных сторон, концепции КСО и SRI.	Цель – достижение баланса между экономическим ростом, социальной справедливостью и экологической устойчивостью. С научной точки зрения опирается на междисциплинарные исследования (включающие экономику, социологию, политологию и экологию). Игнорирование экологических и социальных ограничений может привести к долгосрочному экономическому упадку или социальным конфликтам.
Уровень анализа и инструментарий	Оценивается на микроуровне, фокусируясь на конкретных компаниях и их операционной деятельности, а также странах. С точки зрения прикладного инструментария используется финансовый анализ, анализ цепочек поставок, оценка воздействия на окружающую среду и социальный аудит для оценки эффективности ESG-практик конкретных компаний или стран.	Рассматривается на макроуровне (включая глобальные, национальные, региональные и местные уровни). С точки зрения прикладного инструментария используются макроэкономические модели, сетецентрический анализ и стратегические документы для понимания сложных взаимосвязей между различными системами.
Показатели и метрики	Использует конкретные и измеримые показатели, такие как выбросы парниковых газов, потребление воды, структура управления, степень соблюдения прав человека и другие. Данные показатели используются, в том числе, для оценки ESG-профиля конкретных компаний, а также сравнения их с конкурентами.	Измеряется с помощью агрегированных показателей, таких как Индекс человеческого развития, Индекс экологической эффективности и Цели устойчивого развития ООН. Данные показатели отражают прогресс в достижении ЦУР ООН на национальном и глобальном уровнях.
Реализация на практике	Применяется в части инвестиционных стратегий (ответственное инвестирование, SRI), корпоративного управления, различных видов отчетности (GRI, SASB, TCFD[31]) и ESG	Реализуется через государственную политику, международные соглашения, образовательные программы и социальные инициативы. Цели устойчивого развития ООН

[31] GRI: «Глобальная инициатива по отчетности» (Global Reporting Initiative); SASB: «Совет по стандартам учета в области устойчивого развития» (Sustainability Accounting Standards Board); TCFD: «Рабочая группа по

Продолжение таблицы 2

1	2	3
	рейтингов (Morgan Stanley Capital International (MSCI), Sustainalytics). Компании используют ESG-показатели для улучшения своей деятельности и привлечения дополнительных инвестиций, а инвесторы используют результаты ESG-оценки для принятия более обоснованных инвестиционных решений.	служат «дорожной картой» для достижения устойчивого развития.

Источник: составлено автором.

С позиции автора настоящего исследования ESG-концепция представляет собой формализацию принципов концепции устойчивого развития, переводя их из плоскости глобальных политических целей в плоскость конкретных управленческих практик, инвестиционных решений и измеримых показателей деятельности компаний или стран.

Политика в области ESG – это формализованный набор документов, в котором компания или страна декларирует свои принципы, стратегические цели, процедуры управления, систему ответственности и ключевые показатели эффективности в рамках трёх составляющих ESG. Данная политика является основой для принятия решений на всех уровнях управления, интеграции ESG-принципов в операционную деятельность, цепочки поставок, инвестиционные процессы и взаимодействие со стейкхолдерами.

Её разработка и имплементация свидетельствуют о переходе компании или страны от фрагментарных инициатив к комплексному управлению устойчивостью. Принципиальное различие заключается в том, что устойчивое развитие – это «то, что мы хотим достичь», а ESG – это «то, как мы можем оценивать вклад стран или компаний в это достижение».

раскрытию финансовой информации, связанной с климатом» (Task Force on Climate-related Financial Disclosures).

1.2 Эволюция политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в рамках парадигмы устойчивого развития

Говоря об институционализации и нормативном закреплении политики в области ESG отметим, что в сентябре 2000 года на Саммите тысячелетия Организации Объединенных Наций мировые лидеры приняли Декларацию тысячелетия ООН и договорились об установлении привязанных к конкретным срокам и поддающихся оценке целей и показателей в области борьбы с нищетой, голодом, болезнями, неграмотностью, а также ухудшением состояния окружающей среды и дискриминацией в отношении женщин[32].

Существует ряд международных инициатив, направленных на активизацию усилий по переходу к более устойчивым моделям функционирования, наиболее известными из которых являются, в частности:

1. Цели устойчивого развития Организации Объединенных Наций (The Sustainable Development Goals, далее – ЦУР ООН) – составляют концептуальную основу для установления стратегических целей. Принятые в 2015 году в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 году, 17 ЦУР ООН декомпозируются на 169 конкретных задач в области устойчивого развития, помогающих заинтересованным сторонам интегрировать ЦУР ООН в свою деятельность[33]. Таким образом, акторы по всему миру рассматривают ЦУР ООН в качестве значимого элемента своей стратегии, позволяющего ранжировать приоритеты деятельности с учетом вклада в решение глобальных проблем.

2. Глобальный договор ООН (United Nations Global Compact) – инициатива, направленная на привлечение представителей бизнеса и трансформацию целей его функционирования: не только в интересах

[32] В данном разделе использованы материалы, опубликованные в статье «Эволюция теоретических основ становления и развития концепции ESG» (Чернышева Т.К., 2024).

[33] Цели в области устойчивого развития. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-consumption-production (дата обращения: 15.03.2025).

получения прибыли, но и в интересах человечества и охраны окружающей среды[34].

3. Программа ООН по окружающей среде (UN Environment Programme) – представляет собой стратегическую программу по координации совместных усилий, направленных на охрану окружающей среды и содействие в реализации экологических проектов[35].

4. Инициатива Всемирного экономического форума «Метрики капитализма для всех заинтересованных сторон» (WEF Stakeholder Capitalism Metrics, далее – SCM WEF) была предложена в 2020 году 120 крупнейшими компаниями мира. SCM WEF представляет собой общую систему показателей раскрытия ESG-информации, разработанную в соответствии с ЦУР ООН и направленную на обеспечение согласования требований существующих стандартов корпоративной отчетности (таких как GRI, SASB, TCFD, CDP)[36]. Рамочная система SCM WEF включает 21 основной и 34 дополнительных показателя, которые объединены в четыре блока: «Люди», «Планета», «Благополучие» и «Принципы управления».

5. Проект углеродной отчетности (Carbon Disclosure Project, далее – CDP) – является некоммерческой организацией, возглавляемой инвесторами, которая стимулирует компании и правительства раскрывать информацию о своем воздействии на окружающую среду и принимать меры по его сокращению. CDP является крупнейшим в мире цифровым регистром, содержащим наиболее полную информацию по корпоративным выбросам парниковых газов и корпоративным стратегиям в области изменения экологических условий. Поэтому инвесторы, компании и правительства разных стран активно используют аналитические данные CDP для обоснованного принятия управленческих решений, а также снижения рисков и выявления новых перспектив.

---

[34] United Nations Global Compact. URL: https://unglobalcompact.org/sdgs (дата обращения: 15.03.2025).
[35] UNEP. – URL: https://www.unep.org/publications-data (дата обращения: 27.02.2025).
[36] World Economic Forum. – URL: https://www.weforum.org/agenda/esg/ (дата обращения: 18.01.2025)

Подчеркнем, что внешнее давление и конкуренция с компаниями, ориентированными на достижение углеродной нейтральности и более эффективное использование ресурсов, выступает одним из важнейших факторов побуждения компаний к экологически значимым действиям. Следуя этому выводу, эксперты ООН обозначили ESG в качестве ключевого принципа функционирования корпоративного сектора в современных условиях, обеспечивающего достижение ЦУР ООН до 2030 года[37]. На рисунке 1 отражено распределение ЦУР ООН в рамках каждого из компонентов ESG-концепции.

Рисунок 1 – Распределение ЦУР ООН в рамках компонентов ESG-концепции
Источник: данные ООН [38]

[37] 25 сентября 2015 года Генеральной ассамблеей ООН по согласованию с лидерами 193-х стран была принята Резолюция, утверждающая 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития.

[38] Официальный сайт ООН. Цели в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/ (дата обращения: 15.02.2026).

В приложении Б отражено более детальное распределение ЦУР ООН в рамках компонентов ESG-концепции. Исходя из изложенного выше можно заключить, что взаимосвязь между ЦУР ООН и политикой в области ESG представляет собой сложную систему соответствий, взаимодополнений и при этом концептуальных расхождений[39].

Области прямого совпадения возникают там, где ЦУР ООН напрямую транслируются в конкретные операционные практики и управленческие решения: преимущественно это те области, где экологические и социальные императивы имеют четко выраженное финансовое (и репутационное) измерение. Например, ЦУР 13 («Борьба с изменением климата») напрямую соответствует экологическому компоненту («E») через управление выбросами парниковых газов (Scopes 1, 2, 3). ЦУР 5 («Гендерное равенство») находит прямое отражение в социальном компоненте («S») через формирование политики в части равноправия, инклюзии и равенства оплаты труда.

Области взаимодополнения возникают тогда, когда ЦУР ООН задают стратегические рамки и вектор развития, а ESG-концепция предоставляет инструментарий для их реализации на практике. Например, ЦУР 17 («Партнерство в интересах устойчивого развития») не имеет прямого аналога в структуре ESG-концепции, однако именно качественное управление («G») (транспарентность, этика ведения бизнеса, работа со стейкхолдерами) создает основу для эффективных партнерств[40]. Аналогично, ЦУР 1 («Ликвидация нищеты») и ЦУР 2 («Ликвидация голода») не являются прямыми показателями эффективности для большинства компаний, но могут быть интегрированы в стратегию через «S-компонент» (развитие локальных сообществ, развитие благотворительных программ и т. д.).

---

[39] Соколова Н.А., Теймуров Э.С. Соотношение Целей устойчивого развития и ESG-принципов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 12(88). – С. 171-183. – DOI 10.17803/2311-5998.2021.88.12.171-183.

[40] Шевелева Г.И. Трансформация элементов и принципов корпоративного управления в современной ESG-повестке // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 1243–1254. – DOI: 10.17150/2411-6262.2025.16(3).1243-1254.

Области отсутствия четких соответствий обусловлены фундаментальным различием в масштабе, поскольку ряд ЦУР ООН носят сугубо макроэкономический и государственно-политический характер и не могут быть напрямую интегрированы в стратегические документы компаний и предприятий. Например, ЦУР ООН 16 («Мир, правосудие и эффективные институты») в значительной степени (к примеру, подцель 16.5 «Сокращение коррупции и взяточничества») соответствует «G-компоненту». Однако такие подцели, как «Создание эффективных, подотчетных и прозрачных институтов на всех уровнях» (16.6) или «Обеспечение репрезентативного принятия решений на всех уровнях» (16.7), являются прерогативой национальных правительств и выходят за рамки прямого влияния отдельной корпорации, оставаясь для нее внешним контекстом.

Помимо глобальных и всеобъемлющих инициатив, существуют направленные как на конкретные задачи в рамках политики в области ESG – например, инициативы, регулирующие аспекты, связанные с изменениями экологических условий (Парижское соглашение[41]), ответственным инвестированием (Принципы ответственного инвестирования (Principles for Responsible Investment), увеличением использования возобновляемой энергии (RE100[42]), – так и на задачи, характерные для конкретного сектора – например, финансового (Принципы ответственной банковской деятельности (Principles for Responsible Banking[43]). Также существуют обязательства по использованию возобновляемых источников энергии и постепенному отказу от угольной энергетики, которая является значительным источником выбросов парниковых газов (The Powering Past Coal Alliance[44]), инициатива по декарбонизации

[41] Парижское соглашение по климату. Цель, структура и история документа / The Paris Agreement [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement (дата обращения: 01.02.2026).

[42] RE100 – глобальная инициатива, объединяющая самые влиятельные компании мира, приверженные 100%-ному использованию возобновляемой электроэнергии.

[43] Principles for Responsible Banking // UNEP FI. URL: https://www.unepfi.org/industries/banking/principles-for-responsible-banking/ (дата обращения: 12.01.2025).

[44] The Powering Past Coal Alliance // UNFCCC Climate Action. URL: https://climateaction.unfccc.int/Initiatives?id=Powering_Past_Coal_Alliance (дата обращения: 24.01.2025).

глобальной экономики и минимизации воздействия изменения экологических условий на экосистемы (The Net-Zero Asset Owner Alliance[45]) и другие.

Резюмируя, о росте значимости реализации политики в области ESG в рамках парадигмы устойчивого развития свидетельствуют следующие концептуальные глобальные инициативы и документы (таблица 3).

Таблица 3 – Международные инициативы и документы, регламентирующие реализацию политики в области ESG

Год	Инициативы и документы
1	2
2000	Глобальный договор ООН
2004	Директива 2004/109/ЕС Европейского парламента и Совета о гармонизации требований прозрачности
2005	Принципы ответственного инвестирования ООН (10 принципов)
2015	Парижское соглашение (Рамочная конвенция ООН об изменении климата); Цели в области устойчивого развития (17 целей ООН)
2016	Принципы корпоративного управления G20 / ОЭСР
2017	Руководство Европейской комиссии по нефинансовой отчётности 2017/С 215/01; Климатическое действие 100+ (Climate Action 100+): глобальная инициатива инвесторов, направленная на консолидацию крупнейших компаний, осуществляющих выбросы парниковых газов, по борьбе с изменением климата
2000–2021	Стандарты, рекомендации, рамки по раскрытию нефинансовой отчетности, в т.ч. в области изменения климата и устойчивого развития (GRI, SASB, CDSB, TCFD и др.)
2006–2021	Создание международными биржами стандартов по раскрытию ESG-отчетности (порядка 60 инициатив)
2021–2022	Шестой оценочный доклад (в 3-х ч.) Межправительственной группы экспертов по изменению климата; Стандарты раскрытия информации в области устойчивого развития в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности (МСФО, ISSB) (поэтапное принятие и введение); Европейская Директива CSRD о корпоративной отчетности в области устойчивого развития
2023	Европейская комиссия приняла «European Sustainability Reporting» Standards (ESRS) для компаний, подпадающих под CSRD
2024	Директива «Corporate Sustainability Due Diligence Directive» (CSDDD), которая позволила трансформировать ESG-повестку в сферу обязательных процедур

Источник: составлено автором на основе официальных документов.

Продолжающееся совершенствование требований к отчетности и раскрытию информации, связанных с реализацией политики в области ESG,

[45] The Net-Zero Asset Owner Alliance // UNEP FI. URL: https://www.unepfi.org/net-zero-alliance/ (дата обращения: 27.01.2025).

привлекает внимание организаций к управлению возросшими требованиями в этой области[46]. Например, руководители высшего звена большинства крупных корпораций (особенно транснациональных), в сферы ответственности которых входят финансовые аспекты и устойчивое развитие, осознают необходимость более тщательной подготовки отчетности в области ESG в связи с появлением новых нормативных актов.

Они признают, что соблюдение экологических, социальных и управленческих требований требует взаимодействия с широким кругом заинтересованных сторон. Хотя эти требования обычно исходят от инвесторов, членов совета директоров, акционеров и клиентов, важно учитывать интересы всех заинтересованных сторон (включая сотрудников, поставщиков, партнеров по цепочке создания стоимости, а также регулирующих органов и местных сообществ)[47]. Число компаний и предприятий, учитывающих политику в области ESG при организации своей деятельности, растет, включая малые и средние предприятия, которые на добровольной основе устанавливают или развивают ESG-цели, аналогичные целям крупных корпораций.

Стандарты отчетности в области ESG возникли как прямой институциональный ответ на системный информационный вакуум и проблему сопоставимости, которые сформировались в результате стремительной популяризации концепций устойчивого развития и социально ответственного инвестирования. Их генезис обусловлен объективной необходимостью трансформации разрозненных принципов ESG в конкретные, верифицируемые и сопоставимые наборы данных, пригодных для аналитики и принятия управленческих решений[48]. Стандарты отчетности в области ESG содержат конкретные указания, а также показатели и рекомендации в части

---

[46] Jorgji S., Teta J., Mousa S. [et al.] Sustainable Human Capital Management, ESG, and Firm Performance: Moderating Role of ESG Disclosure // Journal of Human, Earth, and Future. – 2024. – Vol. 5, No. 2. – Pp. 260-278. – DOI 10.28991/HEF-2024-05-02-08.

[47] Auer B. R. Do socially responsible investment policies add or destroy European stock portfolio value? // Journal of Business Ethics. 2016. Vol. 135, No. 2. P. 381–397.

[48] New body to oversee global sustainability disclosure standards // Financial Times. URL: https://www.ft.com/content/3fb80e89-4ce6-4cc8-8472-ae4c8c99b12d (дата обращения: 18.01.2026).

того, какую информацию следует раскрывать по каждому из компонентов в рамках ESG-концепции, чтобы соответствовать определенному уровню требований к качеству отчетности.

Основными инициаторами и разработчиками современных стандартов в области ESG выступили не государственные органы (хотя их роль в последующем регулировании является значимой), а международные нефинансовые организации и инициативы, сформированные консорциумами крупных инвесторов, компаний и экспертов. В рабочих группах участвуют также эксперты из академической среды, представители крупного бизнеса, инвестиционных фондов, аудиторских и консалтинговых компаний. Это обеспечивает баланс между научной обоснованностью, практической применимостью и учетов интересов ключевых пользователей информации.

Говоря о функциональном назначении стандартов ESG-отчетности, отметим, что они выполняют ряд критически важных функций, а именно:

– снижение информационной асимметрии (предоставляют стейкхолдерам структурированный доступ к данным о нематериальных активах и рисках, которые традиционная финансовая отчетность не отражала);

– обеспечение сопоставимости и достоверности (унифицированные метрики и методологии расчета позволяют проводить сравнительный анализ компаний внутри отрасли, а также отслеживать динамику показателей их деятельности во времени);

– повышение прозрачности и подотчетности (формализованные требования к раскрытию информации в области ESG делают принимаемые управленческие решения более прозрачными, что укрепляет доверие со стороны заинтересованных сторон);

– интеграция ESG-концепции в управление и инвестиционные процессы (стандарты предоставляют инструментарий для риск-менеджеров, советов директоров и финансовых аналитиков в части включения ESG-факторов в финансовые модели и систему стратегического планирования).

Важно отметить, что спектр вопросов, связанных с ESG-проблематикой, в последние годы является одним из самых широких в научных исследованиях по экономической и экологической тематикам и практике корпоративного управления. Так, базовым вопросом стало изучение сущности ESG-концепции и ее воздействия на инвестиционную активность участников финансового рынка. В частности, исследователей интересует влияние ESG-стратегии на повышение эффективности инвестиционной политики организации, преимущества ESG-стратегии по сравнению с традиционной политикой инвестирования[49]. Значимым является также вопрос изменения рыночной стоимости компании в контексте реализации ESG-повестки[50]. На протяжении последних 50-ти лет, начиная с 1970-х годов, было проведено более 2000 исследований, половина из которых определила положительную корреляцию между данными факторами[51].

Одним из обсуждаемых вопросов в части ESG, как в профессиональном, так и в научном сообществе, является вопрос введения требований обязательного составления нефинансовой отчетности[52]. Изначально формирование такой отчетности преимущественно носило добровольный

---

[49] 95. Margolis J. D., Walsh J. P. Misery loves companies: Rethinking social initiatives by business // Administrative Science Quarterly. – 2003. – Vol. 48, No. 2. – Pp. 268–305. – DOI: 10.2307/3556659; Richardson, B. J. (2009). Keeping ethical investment ethical: Regulatory issues for investing for sustainability. Journal of Business Ethics, 87(4), 555–572. https://doi.org/10.1007/s10551-008-9958-y.; De Bakker, F. G. A., Groenewegen, P., & Den Hond, F. (2005). A bibliometric analysis of 30 years of research and theory on corporate social responsibility and corporate social performance. Business and Society, 44(3), 283– 317. https://doi.org/10.1177/0007650305278086.; Федорова Е.А., Хрустова Л.Е., Демин И.С. (2020). Влияние качества раскрытия нефинансовой информации российскими компаниями на их инвестиционную привлекательность // Российский журнал менеджмента. Т. 18. № 1. С. 51–72.; Auer, B.R. 2016. Do socially responsible investment policies add or destroy European stock portfolio value? Journal of Business Ethics 135(2): 381–397.

[50] Ефимова О. В., Волков М. А., Королева Д. А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование // Финансы: теория и практика. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 82-97.; Micale, Joseph and Cheng, Mingying, ESG Risks and the Value Relevance of Current and Historical Earnings (May 12, 2022). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4108161.; Vitolla F. Salvi, A., Raimo, N., Petruzzella, F., & Rubino, M. The impact on the cost of equity capital in the effects of integrated reporting quality //Business Strategy and the Environment. – 2020. – Т. 29. – №. 2. – С. 519- 529. https://doi.org/10.1002/bse.2384

[51] Gunnar Friede, Timo Busch & Alexander Bassen. ESG and financial performance: aggregated evidence from more than 2000 empirical studies. Journal of Sustainable Finance & Investment. Received 22 Oct 2015, Accepted 09 Nov 2015, Published online: 15 Dec 2015. 210-233 p.

[52]Aghamolla C., An B.-J. Mandatory vs. Voluntary ESG Disclosure, Efficiency, and Real Effects. SSRN Working Paper. URL: https://ssrn.com/abstract=3975948 (дата обращения: 18.03.2025); Hummel, Katrin and Jobst, Dominik, The Current State and Future of Corporate Sustainability Reporting Regulations in the European Union (February 28, 2022). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=3978478 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3978478.; Ishikawa, Toru, The Effects of Mandatory Disclosure on Investment Efficiency (March 28, 2022). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4068082 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4068082.

характер и определялось спецификой международного регулирования, а также сложившейся практикой. Впоследствии роль, содержание и формы нефинансовой отчётности начали регулироваться на законодательном уровне, что дало определенный толчок новому витку развития нефинансовой отчётности и окончательно утвердило принцип, согласно которомупубличная нефинансовая отчётность (ESG отчетность) представляет собой отдельный институт отчетности, являясь значимой частью информационной среды компании и экономики в целом[53].

В 2004 году в докладе «Выигрывает тот, кто неравнодушен. Связь финансовых рынков с меняющимся миром» («Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World») было введено понятие «ESG-факторы»[54]. С тех пор данный термин начал развиваться параллельно термину «устойчивое развитие», являясь, с одной стороны, более узким понятием, с другой стороны – более конкретным и ориентированным на финансово-инвестиционные аспекты.

Феномен раскрытия ESG-факторов и их влияния в контексте концепции «двойной существенности»[55] (согласно которой в рамках «внешней существенности» проводится оценка того, как внешние экологические, социальные и управленческие факторы влияют на компании и их финансовое положение, при этом в рамках «внутренней существенности» оценивается степень реального воздействия деятельности компании на окружающую среду и общество) достаточно уникален. Запрос на формирование законодательных инициатив и рамок пошёл от самого бизнеса, который на протяжении двух десятилетий был активно вовлечен в ESG-повестку. Практика начиналась «снизу вверх»: компании (преимущественно крупные публичные акционерные

---

[53] Fiechter P., Hitz J.-M., Lehmann N. Real Effects of a Widespread CSR Reporting Mandate: Evidence from the European Union's CSR Directive // Journal of Accounting Research, Volume 60, Issue 4 (2022).

[54] Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World. [Электронный ресурс]. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/444801491483640669/pdf/113850-BRI-IFC-Breif-whocares-PUBLIC.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

[55] Информационное письмо Банка России о рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития от 16.12.2021 № ИН-06- 28/96. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404335/ (дата обращения: 15.01.2026).

общества) добровольно раскрывали информацию сверх законодательных требований, позиционируя взгляд на бизнес как часть общества, а не обособленную систему.

Особенности трансформации регулирования устойчивого развития и ESG-принципов из формы «мягкого» права в «жесткое» комплексно раскрыты в работе Д.В. Спициной[56]. В исследовании отмечается, что политика в области ESG со временем эволюционировала из нормативно не закрепленной идеологии устойчивости во влиятельную концепцию в сфере устойчивого развития, корпоративного управления и инвестиций.

Проделанный анализ позволяет заключить, что за последние несколько лет изменилось отношение к политике в области ESG, которая перестала быть факультативной. Дополнительным стимулом к институциональному закреплению политики в области ESG стало осознание финансовой материальности экологических и социальных рисков, в связи с этим в 2000-е годы начали появляться первые рамочные инициативы (Глобальный договор ООН, GRI). Политика в области ESG с того времени начинает формироваться как инструмент управления репутационными, операционными и юридическими рисками и становится более формализованной. Переломный момент наступил с принятием Парижского соглашения и формирования Целей устойчивого развития ООН, когда политика в области ESG эволюционировала из инструмента управления рисками в инструмент создания долгосрочной устойчивой стратегии развития.

1.3 Специфика европейских подходов к разработке концептуальных основ политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления

В настоящее время Европейский союз является одной из лидирующих юрисдикций в области разработки основ политики экологичного, социально

[56] Спицина Д.В. Методология «окна Овертона» в продвижении институтов устойчивого развития // Экономические науки. – 2023. – № 219. – С. 184-192. – DOI 10.14451/1.219.184.

ответственного и качественного корпоративного управления[57]. Особенность стратегического подхода Европейского союза в части достижения устойчивого развития – разработка стратегии как политического инструмента, имеющего всеобъемлющий характер и инкорпорируемого во все стратегические документы интеграционного объединения (в приложении В отражены документы Европейского союза, принятые для достижения ЦУР ООН).

Устанавливаемые наднациональным органом (которым выступает Европейская комиссия) направления утверждаются как целевые на национальных уровнях. В отличие от подходов, основанных на мягком праве и инициативах со стороны инвесторов (как, например, в США), ЕС делает ставку на жесткое законодательное закрепление требований[58]. Евросоюз требует от компаний раскрывать информацию не только о том, как ESG-риски влияют на их финансовое положение, но и о том, какое воздействие сама компания оказывает на людей и планету, что радикально расширяет сферу ответственности бизнеса, заставляя его учитывать внешние эффекты.

Принятый Европейским союзом в 2018 году План действий по устойчивому финансированию вывел европейский интеграционный блок на передовые позиции в разработке принципов глобальной политики в области устойчивого развития и ESG-политики[59]. Ключевым в данном контексте стал вопрос о том, как сделать инвестирование в экологические, социальные и управленческие проекты более прозрачным, и при этом улучшить социально-ответственное раскрытие информации. Это привело к принятию в 2019 году Положения о раскрытии информации об устойчивом финансировании (Sustainable Finance Disclosure Regulation), а в 2021 году – Регламента

[57] В данном разделе использованы материалы, опубликованные в статье «Европейские подходы к разработке концептуальных основ политики в области ESG» (Чернышева Т.К., 2024).

[58] An attempt to evaluate the level of sustainable development in European Union countries. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/355616150_An_attempt_to_evaluate_the_level_of_sustainable_development_in_European_Union_countries (дата обращения: 18.01.2026).

[59] Sustainable Finance: High-Level Conference Kicks EU's Strategy for Greener and Cleaner Economy into High Gear // European Commission: official site. – URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-2381_en.htm?locale=en (дата обращения 14.01.2026).

Европейского союза по раскрытию информации об устойчивом финансировании, разработанном во исполнение Положения[60].

Общий эколого-ориентированный консолидирующий вектор политики стран Евросоюза получил название «Европейский зелёный курс» (European Green Deal)[61], основная цель которого – сделать Европу «климатически нейтральной» (сократить количество выбросов CO_2 в Европейском союзе до нулевого уровня к 2050 году). Стимулировать усилия по борьбе с изменением экологических условий планируется за счет широкого круга мер.

К числу главных из них относится внедрение пограничного корректирующего углеродного механизма (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM, далее – ПКУМ ЕС)[62], а также обязательного раскрытия информации о том, в какой степени деятельность европейских компаний соответствует критериям устойчивого развития (Регламент 2020/852 от 18 июня 2020 г., или «Таксономия устойчивости Евросоюза»[63]). Последнее, по задумке функционеров, должно повысить прозрачность европейской экономики и направить потоки капитала в ее «устойчивые» сектора.

Таксономия устойчивости ЕС является частью реализации «Европейского Зеленого курса» и фокусируется на экологической устойчивости экономической деятельности. Две основные цели внедрения Таксономии устойчивости ЕС заключаются в содействии дальнейшему направлению средств на экологически значимые проекты и предотвращении «гринвошинга» (от англ. *«greenwashing»,* термин означает безосновательное

---

[60] Regulation (EU) 2019/2088 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 on sustainability-related disclosures in the financial services sector // European Union Law: official site. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019R2088 (дата обращения: 17.01.2026).

[61] European Commission. The European Green Deal : Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 17.01.2026).

[62] Варнавский В.Г. Трансграничное углеродное регулирование Евросоюза: новый инструмент глобального управления // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 1. – С. 5-15.

[63] Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation (EU) 2019/2088 // European Union Law: official site. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32020R0852 (дата обращения: 17.01.2026).

позиционирование компании, товара или услуги на рынке в качестве «экологичных»).

Подчеркнем, что деятельность компаний Евросоюза (согласно Таксономии устойчивости ЕС) может считаться устойчивой, если она вносит существенный вклад в достижение одной (или нескольких) из шести целей, которые отражены на рисунке 2.

Рисунок 2 – Климатические и экологические цели, установленные в рамках Таксономии устойчивости ЕС
Источник: составлено автором на основании[64]

В этом случае такая деятельность называется «eligible activity» (или «приемлемый вид деятельности»). Если помимо вклада в реализацию какой-либо из указанных целей деятельность европейской компании также:

– соответствует техническим критериям мониторинга («technical screening criteria»), установленным Европейской Комиссией в соответствующих нормативных актах;

– не наносит существенного вреда другим целям (принцип «DNSH» или «Do No Significant Harm»: для каждого вида деятельности установлены свои цели, закрепленные в нормативных актах);

[64] Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation (EU) 2019/2088 // European Union Law: official site. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32020R0852 (дата обращения: 17.01.2026).

– осуществляется с соблюдением минимально приемлемых социальных гарантий (в соответствии с Декларацией Международной организации труда (МОТ) об основополагающих принципах и правах в сфере труда, Всеобщей декларацией прав человека, Руководящими принципами предпринимательской деятельности в аспекте прав человека),

то она называется «aligned (sustainable) activity» (или «согласованная (устойчивая) деятельность»).

Таким образом, понятие «aligned activities» – уже, чем «eligible», поскольку один и тот же вид деятельности может, к примеру, служить минимизации климатических рисков, но негативно влиять на морские ресурсы: то есть не выполнять условие «DNSH» (быть «eligible», но не быть «aligned»).

С точки зрения реализации на практике соблюдение Таксономии устойчивости ЕС требует от компаний[65]:

1. анализа и категоризации всех видов деятельности компании (выявления «eligible activities»),

2. оценки их на предмет соответствия техническим критериям мониторинга, DNSH-критериям, социальным гарантиям (выявления «aligned activities»),

3. создания корпоративной системы консолидации и раскрытия финансовых данных в разрезе отдельных видов деятельности, определенных как «eligible» или «aligned».

Рассмотренные выше планы в части достижения климатической нейтральности на данный момент представляются довольно нереалистичными. Стремление Европейской Комиссии одновременно удовлетворить требования климатической повестки, обеспечить энергетическую и экономическую стабильность выглядит как попытка

[65] Zetzsche D. A., Bodellini M., Consiglio R. The EU Sustainable Finance Framework in Light of International Standards // Journal of International Economic Law. 2022. Vol. 25, No. 4. P. 659–679. DOI: 10.1093/jiel/jgac043.

«усидеть на двух стульях», что уже приводит к политическим дебатам и весьма напряженному диалогу между ключевыми заинтересованными сторонами.

Изменения, инициированные Евросоюзом, являются частью его глобальной политики по включению контроля за вопросами устойчивости в финансовое регулирование и отчетность. Данное условие предусматривает, в частности, деятельность Европейского управления по ценным бумагам и рынкам (European Securities and Markets Authority) в указанном направлении, и деятельность созданного в 2021–2022 годах Международного совета по стандартам устойчивого развития (International Sustainability Standards Board) по созданию связанных с устойчивостью стандартов финансовой отчетности для удовлетворения потребностей инвесторов в отчетности в области устойчивого развития[66] .

Поскольку Европейский союз тщательно подходит к разработке законодательства в области устойчивого развития и политики в области ESG[67], компаниям необходимо быть готовыми к представлению отчетности по возрастающему числу требований, изложенных во вступивших в силу Директиве о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (Corporate Sustainability Reporting Directive, CSRD) и Регламенте раскрытия финансовой информации в области устойчивого развития (SFDR). Рассмотрим содержание каждого из указанных актов более детально.

Директива Евросоюза по корпоративной отчетности в области устойчивого развития введена в рамках Европейского «Зеленого курса» и обязывает компании отчитываться по:

1. экологическим вопросам;
2. социальным вопросам;
3. вопросам в части соблюдения прав человека;

---

[66] New body to oversee global sustainability disclosure standards : официальный интернет-сайт газеты «Financial Times» [Электронный ресурс]. – URL: https/www.ft.com/content/3fb80e89-4ce6-4cc8-8472-ae4c8c99b12d (дата обращения: 18.04.2026)

[67] Зуева И.С. Конвергенция законодательства в области ESG // Эпомен. – 2022. – № 70. – С. 12-27.

4. аспектам, связанным с борьбой с коррупцией и взяточничеством[68].

Данная Директива была разработана взамен Директивы о нефинансовой отчетности (Non-Financial Reporting Directive, далее – NFRD). Она направлена на повышение уровня детализации информации, раскрываемой по ESG-критериям. Информация, раскрываемая в соответствии с NFRD, была сочтена недостаточной для обеспечения принятия управленческих решений инвесторов и других заинтересованных сторон.

В сравнении со предыдущим документом, Директива по корпоративной отчетности в области устойчивого развития расширила сферу вопросов, по которым компании будут обязаны отчитываться. Так, компании, зарегистрированные в Европейском союзе или осуществляющие деятельность в юрисдикциях Евросоюза, будут обязаны предоставлять отчетность по установленной форме для обеспечения комплексного раскрытия всех существенных параметров ESG (чего и намерены добиться европейские регуляторы за счет внедрения CSRD).

В 2021 году для повышения уровня прозрачности финансовой информации в области устойчивого развития Европейская комиссия ввела в действие Регламент раскрытия финансовой информации в области устойчивого развития (EU Sustainable Finance Disclosure Regulation, далее – SFDR)[69]. В Регламенте изложены конкретные требования к тому, каким образом и какая именно информация об устойчивом развитии должна раскрываться. Раскрытие информации в рамках SFDR должно повысить прозрачность экологических и социальных характеристик финансовых продуктов. Таким образом, Регламент направлен на предотвращение «гринвошинга», а также на поощрение дальнейших инвестиций в «устойчивые» компании, продукты и бизнес-проекты.

---

[68] Directive (EU) 2022/2464 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 amending Regulation (EU) No 537/2014, Directive 2004/109/EC, Directive 2006/43/EC and Directive 2013/34/EU, as regards corporate sustainability reporting // European Union Law: official site. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A32022L2464 (дата обращения: 18.01.2026).

[69] Regulation (EU) 2019/2088 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 on sustainability-related disclosures in the financial services sector // European Union Law: official site. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/2088/oj (дата обращения: 18.04.2026).

Помимо рассмотренных выше нормативных изменений в сфере требований к экологичному, социально ответственному и качественному корпоративному управлению европейские законодатели в июле 2023 года окончательно утвердили ряд законов, которые вошли в законодательный пакет «Fit for 55»[70]. В тот же период Европейская комиссия объявила об утверждении Европейских стандартов отчетности в области устойчивого развития (European Sustainability Reporting Standards, ESRS) для использования всеми компаниями, подпадающими под действие Директивы о корпоративной отчетности в области устойчивого развития.

Стандарты охватывают весь спектр вопросов в области ESG, включая изменение экологических условий, биоразнообразие и права человека. ESRS основаны на концепции «двойственной существенности», то есть обязывают компании сообщать как о своем воздействии на людей и окружающую среду, так и о том, как социальные и экологические проблемы создают финансовые риски и возможности для компании.

Между европейскими и международными стандартами наблюдается высокая степень согласованности, но есть и различия, которые продиктованы целевой аудиторией раскрытия: компании, которые обязаны отчитываться в соответствии с ESRS об изменении экологических условий, будут в значительной степени сообщать ту же информацию, что и компании, которые будут использовать стандарт ISSB для раскрытия информации, связанной с экологическими аспектами (т. е. стандарт МСФО S2). Раскрытие информации об изменении экологических условий в рамках ESRS предоставит дополнительную информацию о воздействии, актуальном для стейкхолдеров, не являющихся инвесторами (таких как бизнес-партнеры, профсоюзы, представители научного сообщества и другие).

---

[70] European Commission. “Fit for 55”: Delivering the EU’s 2030 Climate Target on the Way to Climate Neutrality: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0550 (дата обращения: 11.03.2026). Пакет мер «Fit for 55» относится к цели ЕС по сокращению нетто-нулевых выбросов парниковых газов «как минимум на 55% к 2030 году», что и заложено в его названии.

ESRS содержат актуальные стандарты, охватывающие весь спектр экологических, социальных и управленческих вопросов. Стандарты ISSB, напротив, сосредоточены в большей степени на том, как социальные и экологические проблемы создают финансовые риски или возможности для компании. В то же время Еврокомиссия оставила без внимания широкую критику проекта, связанную в значительной степени со смягчением итоговой версии ESRS по сравнению с проектом, подготовленным уполномоченной на его разработку Европейской консультативной группой по финансовой отчетности.

На основании проделанного анализа были систематизированы основные нормативные правовые акты в сфере управления процессами по реализации политики экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления (ESG) в Европейском союзе (таблица 4).

Таблица 4 – Ключевые документы в сфере управления процессами по реализации политики в области ESG в Европейском союзе

Год принятия документа	Наименование документа (на русском и английском языках)	Цель принятия документа	Ключевые положения документа
1	2	3	4
2018 г.	План действий Европейского союза по устойчивому финансированию (The European Union Sustainable Finance Action Plan)	Сделать инвестирование в экологические, социальные и управленческие проекты более прозрачным и улучшить раскрытие информации.	План устанавливает три основные цели: 1. Переориентировать потоки капитала на устойчивые инвестиции и сократить инвестиции в сектора экономики, способствующие глобальному потеплению. 2. Управлять финансовыми рисками, связанными с изменением экологических условий, истощением ресурсов и ухудшением состояния окружающей среды. 3. Способствовать большей прозрачности и долгосрочности финансовой и экономической деятельности в целях достижения устойчивого и инклюзивного роста.
2019 г.	Европейский «Зеленый курс» (European Green Deal)	Сформировать дорожную карту по обеспечению устойчивости экономики Евросоюза путем превращения климатических и экологических проблем в возможности, а также сделать Европу «климатически нейтральной» к 2050 г.	Глобальные задачи, которые могут быть достигнуты благодаря принятию документа: 1. более чистый воздух, вода и почва благодаря снижению загрязнения окружающей среды; 2.повышение продовольственной безопасности; 3. более пригодные для жизни и экологически чистые города; 4. снижение зависимости от ископаемого топлива.
2019 г.	Положение о раскрытии информации об устойчивом финансировании (SFDR)	Направить ЕС на путь перехода к «зеленой» экономике с конечной целью достижения климатической нейтральности к 2050 году.	Пакет включает инициативы, охватывающие климатические риски, энергетику, транспорт, промышленность, сельское хозяйство и устойчивое финансирование.

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4
2020 г.	Регламент ЕС по таксономии 2020/852, или Таксономия устойчивости ЕС (The EU Taxonomy Regulation)	Определить критерии для экономической деятельности, которые способствуют достижению климатически нейтральной экономики в ЕС к 2050 году (при этом должно быть произведено сокращение к 2030 году выбросов CO_2 не менее чем на 55% по сравнению с уровнями 1990-х гг).	Ключевые задачи, на решение которых направлен Регламент: 1. Переориентация потоков капитала с акцентом на устойчивые инвестиции. 2. Обеспечение устойчивости как компонента управления рисками. 3. Поощрение долгосрочных инвестиций и экономической активности.
2021 г.	Регламент Европейского союза по раскрытию информации об устойчивом финансировании (EU Sustainable Finance Disclosure Regulation)	Сформулировать конкретные требования к тому, каким образом и какая именно информация об устойчивом развитии должна быть раскрыта.	Ключевые цели, на достижение которых направлен Регламент: 1.Улучшить раскрытие информации, чтобы заинтересованные стороны могли понимать, сравнивать характеристики устойчивости финансовых продуктов и фирм. 2.Обеспечить равные «условия игры» внутри Евросоюза, чтобы европейские фирмы не подвергались недобросовестной конкуренции со стороны фирм за пределами ЕС. 3. Противостоять «гринвошингу».
2021 г.	Регламент раскрытия финансовой информации в области устойчивого развития (SFDR)	Создать равные условия для участников финансового рынка в отношении транспарентности факторов рисков устойчивого развития, учета воздействий на устойчивость в инвестиционных процессах.	Финансовые органы должны предоставлять предписанную и стандартизированную информацию о том, как факторы ESG интегрируются как на уровне компании, так и на уровне продукта.
2021 г.	Законодательный пакет документов («Fit for 55»)	Направить Евросоюз на путь достижения своих климатических целей справедливым, экономически эффективным и конкурентоспособным способом.	Пакет представляет собой набор предложений по пересмотру законодательства, связанного с климатом, энергетикой и транспортом, и внедрению новых законодательных инициатив для приведения законов ЕС в соответствие с целями ЕС в области климата.

Окончание таблицы 4

1	2	3	4
2021 г.	Стратегия Евросоюза по адаптации к изменению климата (EU strategy on adaptation to climate change)	Представить долгосрочное видение того, как ЕС станет устойчивым к изменению климата сообществом, полностью адаптированным к неизбежным последствиям изменения климата к 2050 году.	Стратегия направлена на укрепление адаптационного потенциала Евросоюза и минимизацию уязвимости к последствиям изменения климата в соответствии с Парижским соглашением и Европейским законодательством о климате, которое закрепляет изложенную в «Зеленом курсе» цель.
2022 г.	Директива о корпоративной отчетности в области устойчивого развития (Corporate Sustainability Reporting Directive).	Обеспечить прозрачность, которая поможет инвесторам, аналитикам, потребителям и другим заинтересованным сторонам лучше оценивать показатели устойчивого развития компаний ЕС, а также связанные с ними последствия для бизнеса и риски.	Отчетность в рамках Директивы основана на концепции «двойственной существенности»: организации должны раскрывать информацию о том, как их деятельность влияет на планету и ее людей, а также о том, как их цели, мероприятия и риски в области устойчивого развития влияют на финансовое состояние бизнеса.
2023 г.	Европейские стандарты отчетности в области устойчивого развития (ESRS).	Повысить прозрачность и сопоставимость корпоративной отчетности в области устойчивого развития и ESG.	Стандарты охватывают весь спектр вопросов в сфере ESG, включая изменение климата, биоразнообразие и права человека, и являются ключевым компонентом программы ЕС в области устойчивого развития.

Источник: составлено автором.

Можно констатировать, что текущая регуляторная политика Евросоюза не в полной мере соответствует постепенному отказу от ископаемых видов топлива в ближайшие десятилетия и нуждается в пересмотре, чтобы достичь установленных в нормативных документах целей. В этой связи в феврале 2025 года был принят «Комплексный пакет упрощений» («Simplification Omnibus package», далее – «Пакет Омнибус»)[71], который предполагает существенные изменения в подходах к:

1. отчетности об устойчивом развитии (директива CSRD): 4/5 компаний, прежде подпадавших под действие жёсткого декрета о нефинансовой отчётности CSRD, предлагается вывести за контур, а срок предоставления отчётов сдвинуть на 2 года.

2. проверке бизнесом цепочек поставок (директива CSDDD): для первой волны подпадающих под нее компаний (из неевропейских там те, у кого чистый оборот в ЕС превышает 1,5 млрд евро) она откладывается на год. При выявлении недобросовестных поставщиков компании не будут обязаны разрывать с ними контрактные отношения (как это предписывалось ранее). Несоблюдение Директивы не будет влечь за собой персональную гражданскую ответственность менеджеров и штрафы в размере от 5% глобального оборота).

3. Таксономии устойчивости ЕС (EU Taxonomy): повышается «порог входа» в обязательную отчетность (для не перешагнувших 450 млн евро оборота она будет добровольной). Кроме того, добровольно отчитывающиеся смогут раскрывать данные частично (не показывать доли операционных расходов, связанные с eligible и aligned activities).

Европейская комиссия отмечает, что изменения продиктованы тем обстоятельством, что после 2024 года условия реализации CSRD и CSDDD изменились в связи с обострением проблем в экономике ЕС, вызванных, прежде всего, энергетическим кризисом, а также увеличением военных расходов на фоне общего роста международной напряжённости.

---

[71] European Commission. Omnibus I : Package of Proposals of the European Commission. [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/publications/omnibus-i_en (дата обращения: 03.02.2026).

Общая цель вводимых изменений: повысить конкурентоспособность Европы на фоне отвергающих регуляторные стандарты ESG США и захватившего лидерство в энергопереходе Китая. Сделать это предлагается через снижение бюрократической нагрузки на малый и средний бизнес, обеспечивающий более половины европейского ВВП. Данные инициативы Европейской комиссии по снижению регуляторной нагрузки на бизнес должны пройти много бюрократических инстанций, однако будущее европейской конкурентоспособности уже меняется.

Также Еврокомиссия в рамках «Пакета Омнибус», направленного на снижение устойчивой нагрузки на бизнес, предложила:

1. отказаться об обязательного профессионального заверения (аудита) отчетности об устойчивом развитии, обеспечивающего «разумную уверенность» (reasonable assurance);

2. отложить срок разработки и принятия общеевропейских стандартов, прописывающих подход к аудиту ESG-данных[72].

Первый тезис означает более низкое положение ESG-данных в общей иерархии информации, снижение (отсутствие повышения) доверия к ней. В заверении информации есть два уровня: разумная и ограниченная уверенность. В первом случае аудитор подтверждает: раскрытия являются достоверными с высокой степенью уверенности. Этот вывод рождается после тщательной оценки внутренних процессов в компании, оценки рисков искажения в раскрываемых данных, сопоставления цифр с источниками и пр.

В случае «ограниченной уверенности» (limited assurance) аудитор заявляет, что ему не известно ни о чем, что указывало бы на существенное искажение данных. Такое утверждение основано на информации, которую аудитору предоставляет сам менеджмент компании, оно предполагает меньшее количество проверок.

[72] European Commission. Omnibus I: Package of Proposals of the European Commission. [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/publications/omnibus-i_en (дата обращения: 03.02.2026).

Очевидно, задача по обеспечению «разумной уверенности» требует от компании больше ресурсов (и финансовых, и временных) по сравнению с «ограниченной уверенностью». Отказываясь от более высокого уровня подтверждения качества нефинансовых данных, Еврокомиссия в определенном смысле понижает их статус по сравнению с данными финансовыми (в случае последних обеспечение «разумной уверенности» – сложившаяся практика).

В этой связи европейские компании отчасти смогут сократить расходы, но образ информации об устойчивом развитии как «разумно достоверной» не тиражирован в рамках мировой практики: за пределами ЕС обязательность «разумной уверенности» (в части раскрытия информации об экологических условиях) планируется ввести на данный момент лишь в Австралии, Малайзии и Гонконге.

Второй тезис означает фрагментированность подходов, отсутствие сопоставимости и сложность выстраивания процессов. До 2025 года планировалось, что Европейская комиссия примет в качестве общего правила проведения ESG-аудита недавно выпущенный IAASB (International Auditing and Assurance Standards Board) стандарт заверения информации об устойчивом развитии ISSA 5000 (International Standard on Sustainability Assurance)[73].

Но в настоящее время ситуация складывается так, что единых для всего Евросоюза правил не будет – обеспечение достоверности раскрытия ESG-информации, по сути, останется в руках государств-членов (сейчас соответствующие стандарты уже действуют в 18 странах Евросоюза: они схожи, но в каждой юрисдикции есть специфические требования). Иначе говоря, подходы к заверению ESG-отчетности в Европейском союзе как были, так и останутся отчасти разрозненными. Это создаст проблему как для поставщиков аудиторских услуг, так и для компаний, работающих в

[73] International standard on sustainability assurance 5000, general requirements for sustainability assurance engagements. [Электронный ресурс]. URL: https://www.iaasb.org/publications/international-standard-sustainability-assurance-5000-general-requirements-sustainability-assurance (дата обращения: 01.02.2026).

нескольких странах (неполная последовательность и сопоставимость процессов заверения).

Еврокомиссия также подчеркивает важность поэтапного отказа от использования ископаемого топлива в производстве энергии (особенно твердого ископаемого топлива). Кроме того, сохранение субсидий на ископаемое топливо во всех государствах-членах ЕС (в том числе, в сфере транспорта) может стать еще одним существенным препятствием на пути ЕС к достижению климатической нейтральности.

Отметим, что в 2023 году доля возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии на уровне ЕС достигла 23% (в сравнении с 2022 годом произошло увеличение на 1,1 п.п.). При этом в пересмотренной Директиве ЕС о возобновляемых источниках энергии целевой показатель ЕС по возобновляемой энергии на 2030 год был увеличен с 32% до 42,5% (с целью увеличения его до 45%)[74]. В этой связи странам ЕС необходимо активизировать свои усилия для коллективного достижения цели до 2030 года, которая требует увеличения доли возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии Евросоюза почти на 20 п.п.

В архитектуре европейского ESG-регулирования социальный («S») и управленческий («G») компоненты обладают не вспомогательной, а системообразующей функцией, выступая значимыми механизмами реализации глобальной цели ЕС – построения инклюзивной, справедливой и устойчивой рыночной экономики. Социальный компонент в ЕС трактуется как фундамент человеческого капитала и стратегический актив, обеспечивающий социальную сплоченность в рамках интеграционного объединения и, как следствие, политическую стабильность. Его значимость проявляется, в частности, в снижении системных социальных рисков.

Регулирование в данной области (например, через Директиву CSRD и стандарты ESRS S1, S2) направлено на минимизацию рисков, угрожающих

[74] Renewable Energy Directive (Directive - EU - 2023/2413 - EN - RED III - EUR-Lex) [Электронный ресурс]. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/renewable-energy/renewable-energy-directive-targets-and-rules/renewable-energy-directive_en (дата обращения: 01.02.2026).

стабильности цепочек создания стоимости и репутации компаний (в части нарушений прав человека, использования принудительного и детского труда, различных проявлений неравенства). Одновременно с этим различных экологические проявления в рамках компонента «E» неизбежно порождают социальные издержки: сокращение рабочих мест в «неэтичных» отраслях, рост цен. Компонент «S» (через такие инструменты как, к примеру, Европейский фонд справедливого перехода) призван смягчить эти последствия, обеспечить переподготовку работников и не допустить усиления неравенства, тем самым обеспечивая общественную поддержку реализации «Европейского зеленого курса».

Директива CSRD и Стандарты ESRS (в частности, стандарт ESRS S1 «Собственный персонал»[75] и ESRS S2 «Работники в цепочке создания стоимости компании»[76]) регулируют раскрытие информации в части соблюдения прав работников, охране труда, разнообразию, равенству вознаграждений. Говоря о компоненте «S» в рамках реализации политики в области ESG также отметим, что существует Директива об адекватной минимальной заработной плате (Directive on adequate minimum wages[77]), которая хоть и не позиционируется напрямую как ESG-инициатива, но формирует необходимый социальный контекст в части стандартов трудовых отношений, что является материальным фактором для отчетности по ESRS.

Управленческий компонент «G» является ключевым и делающим возможным эффективную реализацию целей как в рамках компонента «S», так и «E», поскольку без качественного управления экологические и социальные инициативы остаются декларативными. Нормативные требования (CSRD, ESRS G1 «Деловое поведение» и другие) выводят вопросы устойчивости на

---

[75] ESRS S1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.efrag.org/sites/default/files/sites/webpublishing/SiteAssets/ED_ESRS_S1.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

[76] ESRS S2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.efrag.org/sites/default/files/sites/webpublishing/SiteAssets/ESRS%20S2%20to%20S4%20Delegated-act-2023-5303-annex-1_en.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

[77] DIRECTIVE OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on adequate minimum wages in the European Union [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020PC0682&from=EN (дата обращения: 16.01.2026).

уровень советов директоров, что выражается в необходимости создания комитетов по устойчивости, увязки вознаграждения топ-менеджеров с достижением ESG-целей и их интеграции в корпоративную стратегию и систему управления рисками. Так, Стандарт ESRS G1 «Деловое поведение» напрямую регламентирует управленческие аспекты, требуя раскрытия информации о структуре органов управления и их полномочиях в области устойчивого развития, интеграции ESG-вопросов в систему вознаграждения руководства, а также борьбы с коррупцией и взяточничеством[78].

Гармонизация правил в части качественного корпоративного управления через директивы ЕС нивелирует риски регуляторного арбитража между государствами-членами, создает равные условия для компаний и снижает транзакционные издержки ведения бизнеса в рамках единого рынка[79]. Также происходит перераспределение ответственности на высший уровень управления: вопросы устойчивости перестают быть функцией PR- или КСО-департаментов и становятся предметом ответственности совета директоров, что отражается в системе их вознаграждения.

Таким образом, в Европейском союзе компоненты «S» и «G» являются не просто дополнением к экологической повестке, а стратегически значимыми элементами системы глобального управления с точки зрения социального капитала и институциональной устойчивости, без которых невозможна ни трансформация экономики интеграционного объединения, ни обеспечение долгосрочной конкурентоспособности[80].

Резюмируя, детальное рассмотрение опыта ЕС в части реализации политики в области ESG критически важно для понимания современного состояния проблемы по нескольким причинам. Европейский опыт доказывает,

---

[78] ESRS G1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.efrag.org/sites/default/files/sites/webpublishing/SiteAssets/ESRS%20G1%20Delegated-act-2023-5303-annex-1_en.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

[79] Афанасьев М. П., Шаш Н. Н. ESG-трансформация в корпоративном секторе: систематизация глобального подхода // Проблемы прогнозирования. 2022. № 6 (195). С. 185–197. DOI: 10.47711/0868-6351-195-185-197.

[80] Побываев С.А., Чернышева Т.К. Международная институционализация регулирования глобальных рисков и кризисных явлений в контексте устойчивого развития // Экономические науки. – 2024. – № 238. – С. 362-370. – DOI 10.14451/1.238.362.

что для преодоления системных провалов рынка и проблемы «безбилетника» («free-rider problem») добровольных инициатив недостаточно. ЕС де-факто задает глобальный нормативный стандарт, вынуждая транснациональные корпорации по всему миру адаптироваться под его правила (если они хотят иметь доступ к единому рынку ЕС).

Применяемые в ЕС подходы и разработанные стандарты становятся основой для дальнейшей гармонизации на международном уровне (например, стандарты раскрытия информации в области устойчивого развития Международного совета по стандартам устойчивого развития (International Sustainability Standards Board, ISSB), созданного при Фонде Международных стандартов финансовой отчетности (IFRS Foundation), которые, однако, пока фокусируются только на финансовых аспектах). ЕС в определенной степени конкретизирует концепцию устойчивого развития и переводит ЦУР ООН в конкретные, измеримые требования демонстрируя то, как глобальные цели операционализируются на уровне корпоративного управления.

Таким образом, Европейский союз выступает в роли главного регулятивного инноватора политики в области ESG. Европейский подход, основанный на обязательности соблюдения стандартов и системной интеграции их в национальные правовые системы, не только определяет современный этап развития политики в области ESG как фазы жесткого регулирования, но и важен для понимания будущих траекторий глобального управления, где устойчивость становится не выбором, а императивом.

Выводы по главе 1

1. Концепция устойчивого развития, формализованная в документах ООН (начиная с доклада «Наше общее будущее»), сформулировала фундаментальный вызов современности: необходимость обеспечения баланса между удовлетворением актуальных экономических потребностей общества, социальным благополучием и сохранением способности природных систем к воспроизводству для будущих поколений. Однако её непосредственное

значение для деловой практики заключалось в выявлении системных проблем, носящих преимущественно макроуровневый и декларативный характер.

2. Политика в области ESG приобретает свою смысловую и методологическую целостность в контексте решения фундаментальных проблем, приоритетных в рамках концепции устойчивого развития, и представляет собой важный инструмент для управления процессами реализации целей устойчивого развития на уровне стран, компаний и организаций. Показано, что политика в области ESG стала разрабатываться в целях ликвидации на корпоративном уровне вызовов, спровоцированных «нерегулируемой» экономической глобализацией, основными акторами которой выступали транснациональные (мультинациональные) компании, усиленно завоевывающие новые рынки, лоббирующие свою деятельность в условиях слабости национального государственного регулирования в странах, где функционируют дочки или филиалы этих компаний.

3. Политика в области ESG представляет собой регионально (и глобально) значимую регуляторную политику в макроэкономическом, финансовом, инвестиционном и энергетическом пространстве, которая выступает стратегически важным элементом для обеспечения устойчивого развития стран на государственном уровне. Таким образом, она демонстрирует эволюцию от теоретического императива к практическому решению выявленных проблем, делающему устойчивость измеримой, управляемой и интегрированной в механизмы принятия управленческих и финансовых решений. По мере того, как стандарты, нормативные акты и законодательство в целом по экологическим, социальным и управленческим вопросам продолжают развиваться и усложняться, растет осознание того, что обязательное раскрытие информации и прозрачность в рамках политики в области ESG также продолжат расширяться в будущем.

4. Рассмотренное в рамках исследования требование к качеству корпоративного управления в компоненте «G» является императивом, вытекающим из системной природы ESG-политики. Качественное

корпоративное управление преобразует разрозненные экологические и социальные инициативы в целостную стратегию, управляет связанными с ними рисками и возможностями, обеспечивает подотчетность и прозрачность. Не только надзорные органы демонстрируют переход от добровольного раскрытия информации к обязательным требованиям, но и инвесторы, потребители, партнеры, посредники ожидают конкретных действий и достоверной информации об уровнях достигаемой устойчивости и применения принципов ESG.

5. Специфика европейского подхода к формированию политики в области ESG заключается в его нормативно-регуляторном детерминизме и собственном понимании устойчивости, которые отличают его от более рыночно-ориентированных моделей (например, американской). «Европейский Зеленый курс» является политическим фундаментом для всего ESG-регулирования в рамках интеграционного объединения.

6. В рамках европейских подходов ESG-концепция эволюционировала от идеологии устойчивости экономической политики в сторону разработки регионально (и глобально) значимой регуляторной политики в инвестиционной, финансовой, энергетической сферах. При этом текущая регуляторная политика Евросоюза не в полной мере соответствует постепенному отказу от ископаемых видов топлива в ближайшие десятилетия и нуждается в корректировке, чтобы достичь установленных в ключевых нормативных документах амбициозных целей.

7. Рассмотренные в рамках исследования европейские директивы и стандарты подчинены стратегической цели ЕС – достижению углеродной нейтральности к 2050 году (промежуточные цели: сокращение выбросов CO_2 на 55% к 2030 году и на 90% к 2040 году), что делает экологический компонент триады («E») наиболее регламентированным. При этом компонент «G» создает организационные и управленческие механизмы, а «S» наполняет эти механизмы конкретным содержанием (защита прав работников, справедливая оплата труда, равные условия и т. д.).

ГЛАВА 2. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ ЭКОЛОГИЧНОГО, СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

2.1 Ресурсный потенциал реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза

В рамках настоящего раздела используется расширенный набор показателей, предназначенный для характеристики ресурсного потенциала и условий реализации ESG-политики в странах Европейского союза, тогда как в разделе 3.1 для построения интегрального индекса ESG-воздействия применяется более узкая выборка показателей, отобранных по критериям межстрановой сопоставимости, полноты и доступности данных. Поэтому количество показателей, рассматриваемых в главе 2 в качестве характеристики ресурсной и институциональной среды, не тождественно количеству индикаторов, непосредственно включенных в расчет интегрального индекса ESG-воздействия.

2.1.1. «E» - экологические аспекты ESG-концепции

Как было отмечено в Главе 1, изменение экологических условий и ухудшение состояния окружающей среды остаются одними из существенных проблем человечества текущего столетия. По итогам 27-й Международной конференции ООН по климату (ноябрь 2022 г.) было заявлено, что «борьбу с изменениями климата можно рассматривать в качестве битвы за выживание человечества»[81]. В последние десятилетия климатические изменения происходят очень быстро во многом под воздействием увеличения выбросов

[81] 27-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/ru/events/cop27 (дата обращения: 23.01.2026).

парниковых газов, что привело к увеличению частоты и интенсивности природных катастроф и стихийных бедствий[82].

Связь между экономическими показателями, непосредственно связанными с реализацией политики в области ESG в странах Европейского союза, довольно многогранна: именно она позволяет оценить совокупное влияние данной политики на экономическое развитие и изменения во всех сферах жизнедеятельности. Для достижения установленной в исследовании цели последовательно рассмотрим каждый из аспектов политики в области ESG, а также проанализируем отдельные показатели, являющиеся ключевыми в оценке эффективности реализации политики в области ESG в ЕС.

С экологической точки зрения (компонент «E») основным приоритетом является сдерживание глобального потепления в пределах потепления климата не больше на 1,5°C (согласовано в Парижском соглашении 2015 г.). Однако для того, чтобы достичь установленной цели, осталось не больше десяти лет: с высокой степенью вероятности можно утверждать, что в современных условиях это практически невозможно. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш охарактеризовал такое целеполагание как «быстрый путь к климатической катастрофе»[83]. По его мнению, крупные города «могут оказаться под водой, и значительная часть мира станет непригодной для проживания»[84].

В качестве основных параметров для анализа и оценки в разрезе стран ЕС в рамках данного компонента ESG-триады были взяты следующие показатели: ежегодный уровень выбросов CO_2 (диоксида углерода), доля энергии из возобновляемых источников в общем объеме потребления

---

[82] Современные правовые векторы развития климатической политики: опыт России и зарубежных стран / В. Б. Агафонов, Л. В. Андреева, Н. О. Ведышева [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 456 с

[83] Видеообращение по случаю презентации третьего доклада МГЭИК (Нью-Йорк, 4 апреля 2022 года): официальный интернет-сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/sg/ru/content/sg/vystupleniya/2022-04-04/secretary-generals-video-message-the-launch-of-the-third-ipcc-report-scroll-down-for-languages (дата обращения: 09.02.2026).

[84] UN climate report: It's 'now or never' to limit global warming to 1.5 degrees: официальный интернет-сайт Организации Объединенных наций [Электронный ресурс]. – URL: https://news.un.org/en/story/2022/04/1115452 (дата обращения: 09.02.2026).

электроэнергии, ставки налогов на выбросы CO_2, доходы от экологических налогов («environmental taxes»), инвестиции органов государственного управления в охрану окружающей среды в рамках природоохранной деятельности.

Наиболее показательной инициативой ЕС является введение пограничного корректирующего углеродного механизма (как одного из ключевых инструментов достижения углеродной нейтральности, постепенного отказа от использования углеводородов. На достижение цели по достижению климатической нейтральности к 2050 г. Евросоюз намерен израсходовать порядка триллиона евро к 2030 г.

В качестве определяющего фактора необходимости принятия данного механизма рассматривалось увеличение цены на выбросы CO_2 в рамках Европейской системы торговли выбросами (European Union Emissions Trading System, далее – EU ETS) и как следствие стремление не допустить перемещения углеродоемких производств из Европы в другие регионы. Между тем, процесс переноса таких производств из стран ЕС преимущественно в развивающиеся страны, по сути, в основном уже произошел, что во многом объясняет достижение высокой по сравнению с другими регионами энергоэффективности экономики Евросоюза.

Одним из важнейших критериев устойчивой реализации компонента «Е» в рамках политики в области ESG является внедрение и повсеместное распространение возобновляемых источников энергии для снижения уровня выбросов диоксида углерода. Будучи парниковым газом, углекислый газ удерживает тепло в атмосфере Земли, что приводит к постепенному потеплению. Доля влияния диоксида углерода на глобальные процессы изменения климата в рамках потепления достигает 64%[85].

[85] Всемирная метеорологическая организация. Концентрация парниковых газов достигла рекордного уровня. URL: https://wmo.int/ru/news/media-centre/koncentraciya-parnikovykh-gazov-dostigla-rekordnogo-urovnya-vnov (дата обращения: 28.01.2026).

Европейские ученые в своих работах отмечают, что «климатический риск – это инвестиционный риск»[86]: климатические риски рассматриваются как инвестиционные, поскольку изменение климатических условий непосредственно влияет на стоимость активов, стабильность финансовых потоков и долгосрочную доходность инвестиций. Исследователи подчёркивают, что климатические риски проявляются как в форме физических рисков, так и переходных рисков, связанных с политикой декарбонизации, изменением регуляторной среды и технологическими сдвигами. Совокупность указанных факторов ведёт к обесцениванию активов в углеродоёмких секторах, нарушению цепочек поставок и увеличению страховых выплат, что снижает рыночную стоимость компаний и инвестиционных портфелей.

Принимая во внимание экономические и социальные риски, которые влекут за собой изменения экологических условий, для минимизации подобных эффектов в рамках «Европейской Зеленой сделки» было принято решение о переходе на возобновляемые источники энергии (солнечную, ветровую и гидроэнергетику)[87]. Они используют естественную энергию солнца и погоды, не производя выбросов CO_2 в процессе производства электроэнергии. На данном исторического развития этапе отказ от ископаемого топлива приобрел глобальный масштаб – в рамках 28-ой конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата COP28 было принято соглашение, призывающее ускорить отказ от ископаемого топлива[88]. Указанный итоговый документ утвердил основную цель: достижение нулевого уровня чистых выбросов CO_2 к 2050 году.

Проведем анализ ежегодных выбросов CO_2 в расчете на ВВП среди европейских страны и выделим те из них, у которых уровень выбросов значительно превышает общий уровень выбросов по Евросоюзу (таблица 5).

---

[86] Business Strategy and the Environment: статья (DOI: 10.1002/bse.2937). URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/bse.2937 (дата обращения: 05.02.2026).

[87] A European Green Deal. Striving to be the first climate-neutral continent [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/select-language?destination=/node/1 (дата обращения: 08.02.2026).

[88] Emissions from Oil and Gas Operations in Net Zero Transitions. A World Energy Outlook Special Report on the Oil and Gas Industry and COP28. – URL: https://www.iea.org/reports/emissions-from-oil-and-gas-operations-in-net-zero-transitions (дата обращения: 22.01.2026)

Таблица 5 – Выбросы CO_2 на душу населения стран-членов ЕС 2010-2023 гг., т/чел.

Страна/год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Австрия	8,61	8,33	7,98	7,99	7,51	7,68	7,69	7,91	7,53	7,65	6,97	7,33	6,78	6,42	6,78
Бельгия	10,47	9,52	9,22	9,21	8,66	8,98	8,80	8,72	8,76	8,68	7,91	8,20	7,65	7,12	7,28
Болгария	6,44	7,21	6,61	5,88	6,27	6,72	6,37	6,72	6,20	6,06	5,29	6,17	6,88	5,31	6,88
Венгрия	5,21	5,04	4,71	4,40	4,43	4,73	4,80	5,05	5,05	5,03	4,83	4,98	4,63	4,15	4,67
Германия	10,23	9,95	10,06	10,26	9,74	9,76	9,64	9,44	9,12	8,50	7,75	8,11	7,99	7,05	7,94
Греция	8,75	8,51	8,27	7,45	7,22	6,92	6,62	6,96	6,69	6,13	5,19	5,44	5,58	5,39	5,53
Дания	8,87	7,94	7,13	7,44	6,66	6,18	6,44	6,01	5,97	5,32	4,85	5,05	4,82	4,58	4,93
Ирландия	9,17	8,31	8,31	8,06	7,91	8,23	8,49	8,12	8,01	7,57	7,05	7,47	7,18	6,63	7,18
Испания	6,04	6,04	5,91	5,38	5,44	5,80	5,56	5,84	5,70	5,28	4,44	4,80	4,91	4,63	4,90
Италия	7,24	7,02	6,67	6,09	5,76	5,96	5,92	5,84	5,79	5,65	5,05	5,63	5,71	5,27	5,70
Кипр	7,18	6,79	6,23	5,56	5,79	5,72	5,96	5,98	5,76	5,71	5,39	5,44	5,41	5,33	5,37
Латвия	4,08	3,79	3,70	3,66	3,60	3,67	3,68	3,71	4,08	4,00	3,68	3,84	3,52	3,46	3,51
Литва	4,47	4,62	4,71	4,46	4,39	4,50	4,59	4,71	4,81	4,90	4,85	4,96	4,56	4,37	3,58
Люксембург	22,05	21,38	20,45	19,00	17,63	16,39	15,56	15,51	15,71	15,72	12,80	12,80	11,13	10,29	10,46
Мальта	6,20	6,14	6,44	5,67	5,56	3,82	3,02	3,29	3,19	3,27	3,09	3,07	3,36	3,42	3,36
Нидерланды	10,87	10,04	9,79	9,71	9,24	9,57	9,57	9,36	9,07	8,69	7,75	7,88	7,11	6,56	7,12
Польша	8,77	8,73	8,52	8,41	8,09	8,17	8,46	8,80	8,79	8,31	7,92	8,70	8,21	7,46	8,20
Португалия	5,00	4,91	4,75	4,60	4,61	5,04	4,86	5,34	4,97	4,60	4,03	3,88	3,91	3,57	3,91
Румыния	4,13	4,55	4,45	3,92	3,96	3,92	3,86	4,02	4,06	3,92	3,80	4,01	3,81	3,57	3,82
Словакия	7,13	7,05	6,65	6,58	6,23	6,37	6,44	6,65	6,64	6,21	5,71	6,47	5,77	5,57	5,77
Словения	8,05	7,99	7,68	7,36	6,59	6,62	7,01	7,09	7,02	6,74	6,11	6,18	6,01	5,35	6,02
Финляндия	11,95	10,51	9,45	9,51	8,72	8,07	8,60	8,11	8,29	7,69	6,82	6,82	6,53	5,65	6,52
Франция	5,94	5,56	5,56	5,57	5,05	5,11	5,14	5,16	4,91	4,79	4,26	4,63	4,43	4,10	3,97
Хорватия	4,88	4,82	4,47	4,34	4,19	4,26	4,37	4,59	4,40	4,47	4,27	4,44	4,51	4,50	4,50
Чехия	11,23	10,98	10,59	10,15	9,91	9,98	10,13	10,22	10,08	9,57	8,69	9,18	8,91	7,92	8,90
Швеция	5,66	5,21	4,91	4,71	4,48	4,43	4,38	4,22	4,13	3,97	3,55	3,71	3,57	3,47	3,47
Эстония	14,24	14,28	13,43	14,90	14,29	12,00	13,25	14,13	13,47	9,26	6,92	7,80	8,71	7,33	8,86

Источник: составлено автором по данным[89]

[89] CO_2 and Greenhouse Gas Emissions. [Электронный ресурс]. URL: https://ourworldindata.org/co2-and-greenhouse-gas-emissions (дата обращения: 12.01.2026).

В 2010 г. выбросы CO_2 на душу населения в странах ЕС характеризовались выраженной межстрановой дифференциацией, отражающей различия в отраслевой структуре экономики, энергоёмкости производства и топливно-энергетическом балансе. Наиболее высокие значения наблюдались в странах с существенной долей углеродоёмких отраслей и (или) генерации на ископаемом топливе: Люксембург (22,05 т/чел.), Эстония (14,24 т/чел.), Финляндия (11,95 т/чел.), Чехия (11,23 т/чел.), Нидерланды (10,87 т/чел.), Бельгия (10,47 т/чел.), Германия (10,23 т/чел.). На противоположном полюсе находились страны с относительно меньшей энергоёмкостью и/или более низкой углеродной интенсивностью электроэнергетики: Латвия (4,08 т/чел.), Румыния (4,13 т/чел.), Литва (4,47 т/чел.), Хорватия (4,88 т/чел.), Португалия (5,00 т/чел.), Венгрия (5,21 т/чел.).

Динамика показателя за 2010-2024 гг. в целом указывает на устойчивую тенденцию к снижению выбросов CO_2 на душу населения в большинстве рассмотренных стран. В среднем по выборке стран, представленных в таблице 5, значение сократилось примерно с 8,25 т/чел. в 2010 г. до 5,89 т/чел. в 2024 г. (-28,6%). Наиболее выраженное относительное снижение за период 2010-2024 гг. продемонстрировали: Люксембург (с 22,05 до 10,46 т/чел.; -52,6%), Мальта (с 6,20 до 3,36 т/чел.; -45,8%), Финляндия (с 11,95 до 6,52 т/чел.; -45,4%), Дания (с 8,87 до 4,93 т/чел.; -44,4%), Швеция (с 5,66 до 3,47 т/чел.; -38,7%), Эстония (с 14,24 до 8,86 т/чел.; -37,8%). Таким образом, даже при сохранении различий в исходных уровнях, ряд стран добился значимого сокращения углеродной нагрузки в расчёте на одного жителя.

Структура распределения в 2024 г. указывает на сохранение неравномерного развития, хотя их амплитуда уменьшилась по сравнению с 2010 г. Максимальные значения в 2024 г. по-прежнему фиксируются в Люксембурге (10,46 т/чел.), а также остаются высокими в Чехии (8,90 т/чел.) и Эстонии (8,86 т/чел.), Польше (8,20 т/чел.), Германии (7,94 т/чел.). Минимальные значения в 2024 г. отмечаются на Мальте (3,36 т/чел.), в Швеции (3,47 т/чел.), Латвии (3,51 т/чел.), Литве (3,58 т/чел.), Румынии (3,82 т/чел.) и

Португалии (3,91 т/чел.). Отдельно следует подчеркнуть, что лидерство по минимальному уровню выбросов в 2024 г. переходит к Мальте (3,36 т/чел.), тогда как Швеция сохраняет стабильно низкие значения и демонстрирует одно из крупнейших относительных сокращений за весь период.

Для большинства стран заметен спад в 2020 г., что согласуется с краткосрочным снижением экономической активности, и частичное восстановление в 2021-2022 гг. В 2022-2024 гг. на динамику в значительной степени влияли перестройка энергетических рынков и ускорение мер по энергосбережению и развитию возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) на фоне резкого ухудшения внешних условий поставок энергоресурсов в Европе. При этом результаты за 2024 г. показывают не только продолжение долгосрочного нисходящего тренда, но и наличие «откатов» в отдельных странах: например, в Германии после снижения до 7,05 т/чел. в 2023 г. показатель в 2024 г. увеличился до 7,94 т/чел., а в Эстонии – с 7,33 до 8,86 т/чел., что указывает на чувствительность выбросов к краткосрочным изменениям в структуре генерации и спросе на энергию.

Наряду с общим снижением, представленные данные позволяют выявить страны, где прогресс ограничен или вовсе отсутствует. Так, Польша за 2010-2024 гг. сократила выбросы незначительно (с 8,77 до 8,20 т/чел.; -6,5%), а в Болгарии итоговое значение 2024 г. (6,88 т/чел.) превышает уровень 2010 г. (6,44 т/чел.; +6,8%), что свидетельствует о сохранении структурных ограничений декарбонизации. Аналогично, для ряда стран характерны сравнительно небольшие темпы снижения (например, Румыния: -7,5%; Хорватия: -7,8%; Венгрия: -10,4%), что может быть связано с сочетанием факторов: инерционностью энергетической инфраструктуры, ограничениями инвестиционных возможностей, а также меньшей скоростью обновления основных фондов и технологий.

В целом результаты за 2010-2024 гг. подтверждают, что в странах ЕС формируется долгосрочная тенденция снижения выбросов CO_2 на душу населения, однако скорость и устойчивость этого процесса существенно

различаются. Лидеры сокращения (Люксембург, Дания, Финляндия, Швеция, Мальта) демонстрируют значимое уменьшение показателя, тогда как в отдельных государствах (в частности, Болгария и Польша) сохраняются признаки замедленной трансформации, требующие дополнительных мер в области модернизации энергетики, повышения энергоэффективности и снижения углеродоёмкости промышленного производства.

Далее рассмотрим долю энергии из возобновляемых источников в общем объеме потребления электроэнергии, что в рамках исследования поможет установить, какую роль на данный момент занимает возобновляемая энергетика, а также отразит динамику использования данной энергии. Отметим, что энергетический переход предполагает переход от сложившейся в течение достаточно длительного времени схемы энергообеспечения к новому состоянию энергосистемы. Энергетический переход предполагает изменение баланса спроса и предложения, переход от централизованной к распределенной генерации в целях обеспечения надежности и гибкости работы энергосистемы, недопущения избыточного потребления энергии, что предусматривает принятие мер по энергосбережению и повышению энергоэффективности.

Термин «энергетический переход» был введен после нефтяного кризиса 1973 г. Впервые о необходимости его осуществления заговорили в США. 18 апреля 1977 г. президент США Дж. Картер заявил о необходимости в условиях ограниченных, с его точки зрения, национальных ресурсов нефти и газа, осуществить энергетический переход к более активному использованию угля и новых возобновляемых источников энергии, таких как солнечная энергия[90]. После нефтяного шока 1979 г. в ходе конференции ООН по новым и возобновляемым источникам энергии, состоявшейся в Найроби (Кения) в 1981 г., термин «энергетический переход» стал широко использоваться, означая глобальную трансформацию энергосистем, переход от одного вида топлива к

[90] The Powering Past Coal Alliance // UNFCCC Climate Action. [Электронный ресурс]. URL: https://climateaction.unfccc.int/Initiatives?id=Powering_Past_Coal_Alliance (дата обращения: 24.01.2026).

другому, более востребованному (трансформация энергосистем, как правило, занимает не одно десятилетие).

Происходящий в настоящее время глобальный энергетический переход на первом этапе представляет собой эволюционный переход от преимущественного использования угля и нефти к более чистому газообразному виду топлива[91]. Природный газ, выделяющий меньше парниковых газов, рассматривается в качестве переходного звена от угля к нефти, к безуглеродным возобновляемым видам энергии. Акцент на использовании природного газа объясняется возможностью его использования в качестве резервного источника в случае возникновения перебоев при производстве энергии из возобновляемых ресурсов.

На рисунке 3 отражена доля энергии из возобновляемых источников в общем объеме потребления электроэнергии за 2014 и 2024 гг. в разрезе стран-членов Европейского союза.

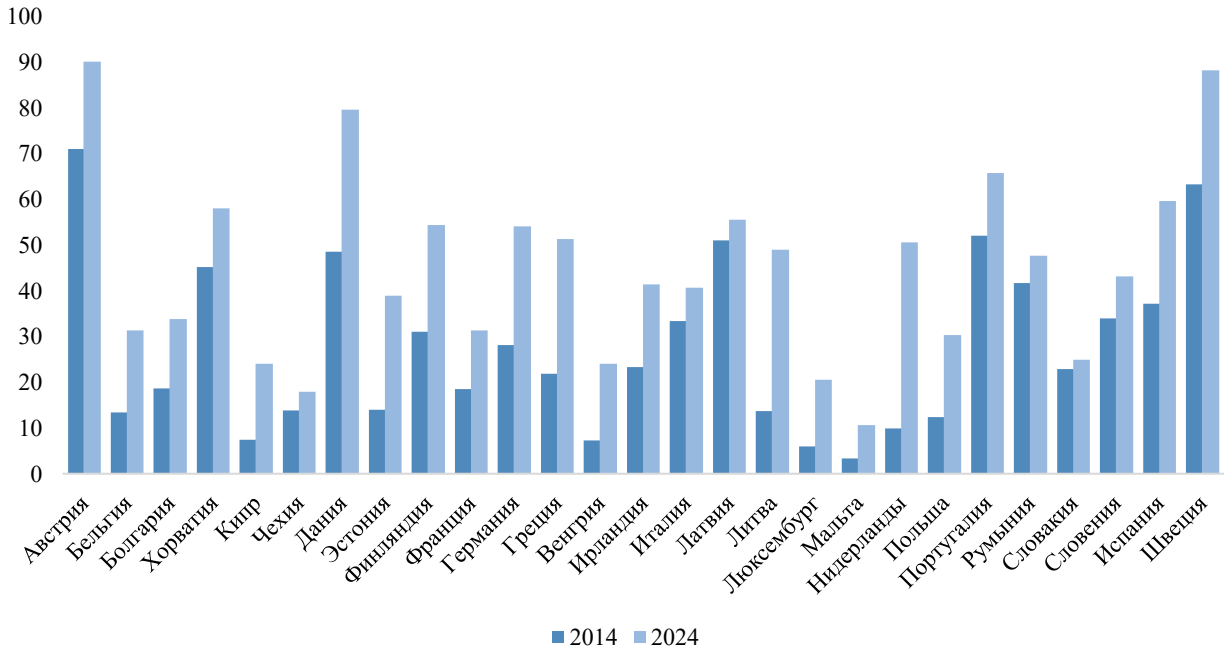

Рисунок 3 – Доля энергии из возобновляемых источников в общем объеме потребления электроэнергии в странах-членах ЕС
Источник: составлено автором по данным [92]

[91] Sustainable Human Capital Management, ESG, and Firm Performance: Moderating Role of ESG Disclosure / S. Jorgji, J. Teta, S. Mousa [et al.] // Journal of Human, Earth, and Future. – 2024. – Vol. 5, No. 2. – P. 260-278. – DOI 10.28991/HEF-2024-05-02-08.

[92] Renewable energy statistics // Eurostat: Statistics Explained. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Renewable_energy_statistics (дата обращения: 19.01.2026).

Можно заключить, что наблюдается устойчивый восходящий тренд и ускорение энергетического перехода в большинстве государств-членов ЕС. Если оценивать совокупную динамику по среднему значению по представленным странам, показатель увеличился с 21,0% в 2014 г. до 42,6% в 2023 г. и 45,1% в 2024 г.: тем самым за период 2014-2024 гг. прирост составил около +24,1 п.п., что отражает расширение установленной мощности ВИЭ, рост выработки ветровой и солнечной генерации, а также институциональное закрепление приоритетов декарбонизации.

По состоянию на 2024 г. группа стран-лидеров характеризуется очень высокой долей ВИЭ в электропотреблении. Максимальные значения зафиксированы в Австрии (90%) и Швеции (88%), далее следуют Дания (79%), Португалия (66%), Испания (60%), Хорватия (58,040%) и Латвия (55%). Высокие уровни также демонстрируют Финляндия (54%), Германия (54%), Греция (51%) и Нидерланды (50%). Для указанных стран характерны либо долгосрочная опора на гидроэнергетику (Австрия, Латвия, Португалия), либо раннее и масштабное развитие ветровой и солнечной генерации при активной государственной поддержке (Дания, Германия, Испания, Швеция). В результате доля ВИЭ становится не вспомогательным, а системообразующим элементом электроэнергетического баланса, снижая чувствительность к ценовым шокам на импортируемые ископаемые энергоресурсы.

Наиболее низкие значения в 2024 г. сохраняются у стран, где исторически доминировали традиционные источники генерации и (или) имеются инфраструктурные ограничения для быстрого наращивания ВИЭ: Мальта (11 %), Чехия (18%), Люксембург (20%), а также группа стран с близкими значениями около четверти потребления: Венгрия (24%), Кипр (24%), Словакия (25%). При этом важно отметить, что «низкий уровень» в 2024 г. не означает отсутствия прогресса: например, Мальта увеличила показатель с 0,0% в 2014 г. до 11% в 2024, а Кипр – с 1% до 24%, что указывает на поэтапную интеграцию ВИЭ даже в условиях ограниченной территории и специфики энергосистемы.

С точки зрения темпов трансформации наиболее заметный рост доли ВИЭ в 2014-2024 гг. демонстрируют страны, которые стартовали с относительно низкой базы и последовательно наращивали ветровую и солнечную генерацию: Дания (с 33% до 80%; +47,0 п.п.), Литва (с 7% до 49%; +41,6 п.п.), Нидерланды (с 10% до 50%; +40,9 п.п.), Греция (с 12% до 51%; +38,9 п.п.). Такая динамика, как правило, связана с комбинацией факторов: стимулирующими механизмами поддержки (аукционы, тарифные схемы, гарантии происхождения), модернизацией сетевой инфраструктуры и ростом инвестиционной активности в сегменте ВИЭ.

Согласно анализу конечного потребления энергии в ЕС, в 2022 году были выявлены доминирующие категории потребителей, которые вносят существенный вклад в выбор используемого источника энергии. Сектора, общая доля которых в конечном потреблении занимает около 83% – транспорт (31,0%), домашние хозяйства (26,9%) и промышленность (25,1%)[93]. С учетом представленных данных, для дальнейшего развития возобновляемых источников энергии в широком потреблении необходимо особый акцент делать именно на данных направлениях. Для этого используются такие инструменты, как налоговое регулирование (транспортный и энергетический налоги), перераспределение субсидий с ископаемых видов топлива на возобновляемые источники энергии, увеличение инвестиций (в том числе государственных) в возобновляемые источники.[94]

Важно отметить, что система налогообложения Европейского союза в части защиты окружающей среды включает в себя четыре основные категории налогов – энергетический (к которому в качестве отдельной подкатегории относятся налоги на выбросы CO_2, система ETS работает отдельно), транспортный и ресурсный налоги, а также налог на загрязнение.

---

[93] Energy statistics: an overview // Eurostat: Statistics Explained. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_statistics_-_an_overview (дата обращения: 19.01.2026).

[94] Renewable energy transition // United Nations. [Электронный ресурс].: https://www.un.org/ru/climatechange/raising-ambition/renewable-energy-transition (дата обращения: 03.02.2026).

Энергетический налог (включающий в себя сборы с энергоносителей – уголь, нефтепродукты, природный газ) является основным в рамках целой совокупности экологических налогов – доходы от данного налога составляют порядка 76% общей суммы экологических сборов. Далее идет транспортный налог, доходы от которого создают примерно 20% от всех экологических налогов. Около 4% занимают ресурсные налоги и налоги на загрязнение, налоговая база которых определяется в зависимости от добычи сырья, а также выбросов в атмосферу и воду.[95]

Рассмотрим динамику поступлений от экологических налогов в странах-членах ЕС в % от общего объёма доходов от налогов и социальных взносов (таблица 6). Поступления от экологических налогов в структуре совокупных налоговых доходов и социальных взносов являются релевантным ESG индикатором, поскольку отражают качество управленческих механизмов экологического регулирования и степень применения ценовых стимулов к снижению негативных внешних эффектов.

[95] Environmental tax statistics: detailed analysis // Eurostat: Statistics Explained. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Environmental_tax_statistics_-_detailed_analysis (дата обращения: 03.02.2026).

Таблица 6 – Поступления от экологических налогов в странах-членах ЕС за 2015-2024 гг., % от общего объёма доходов от налогов и взносов

Страна / год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Итого по ЕС	6,6	6,6	6,5	6,4	6,3	6,0	5,8	5,2	5,2	5,2
Австрия	6,0	6,2	6,2	5,8	5,6	5,4	5,5	4,4	4,6	4,4
Бельгия	5,4	5,7	5,7	5,7	5,8	5,5	5,4	4,9	5,2	4,9
Болгария	10,2	10,2	9,4	8,8	9,9	9,9	9,0	15,3	11,2	9,7
Венгрия	6,4	6,5	6,4	6,3	6,3	6,1	6,0	5,3	6,2	5,6
Германия	6,5	6,4	6,3	6,0	5,9	5,8	5,3	4,4	4,2	4,3
Греция	10,5	9,8	10,3	9,6	10,0	9,9	10,1	13,1	10,2	9,0
Дания	8,4	8,4	7,9	7,9	6,9	6,6	5,9	5,4	4,6	4,6
Ирландия	7,9	7,7	7,5	6,8	6,2	5,8	5,3	4,0	4,3	4,4
Испания	5,6	5,4	5,3	5,2	5,0	4,7	4,5	4,0	4,1	4,3
Италия	8,3	8,6	8,2	8,1	8,1	7,6	7,2	5,4	6,1	6,4
Кипр	9,4	9,4	9,3	8,9	7,7	7,3	7,0	6,0	5,5	5,5
Латвия	11,6	11,6	11,1	11,0	9,7	10,1	9,2	7,2	7,3	7,0
Литва	6,5	6,6	6,6	6,7	6,7	6,6	6,2	5,3	5,2	5,3
Люксембург	4,9	4,5	4,3	4,1	4,2	3,4	3,6	3,1	3,0	2,8
Мальта	8,6	7,9	7,6	7,5	7,8	7,2	5,9	5,6	5,6	4,6
Нидерланды	9,7	9,4	9,3	9,2	9,1	8,9	8,7	7,5	7,2	7,6
Польша	7,9	7,9	7,6	7,5	7,1	7,0	7,7	7,9	9,5	8,0
Португалия	6,5	7,1	7,0	6,8	6,9	6,3	6,2	5,0	5,4	5,5
Румыния	8,7	9,0	7,5	7,4	7,9	7,1	8,9	13,4	9,4	8,4
Словакия	7,6	7,5	7,4	7,3	7,2	7,0	6,7	6,0	6,1	5,3
Словения	11,4	11,4	11,0	10,2	9,8	8,8	8,3	7,7	7,6	7,3
Финляндия	6,6	7,0	6,9	6,9	6,6	6,5	5,8	5,6	5,3	5,1
Франция	4,5	4,7	4,8	4,9	4,9	4,5	4,6	4,3	4,0	4,1
Хорватия	11,1	11,3	11,3	11,2	11,0	10,7	10,5	9,1	9,0	8,7
Чехия	6,0	6,0	5,7	5,4	5,7	5,3	5,1	4,2	4,6	4,1
Швеция	5,0	5,0	4,7	4,7	4,7	4,6	4,4	4,5	4,8	3,8
Эстония	8,9	9,6	9,6	9,0	10,3	8,0	7,6	7,7	7,6	7,3

Источник: составлено автором по данным [96]

[96] Eurostat database: Environmental taxes by economic activity. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/env_ac_taxind2/default/table (дата обращения: 03.01.2026).

На уровне ЕС в 2015-2024 гг. доля экологических налогов последовательно снизилась с 6,6% до 5,2%, при этом наиболее заметное сокращение приходится на период 2020-2022 гг., когда показатель уменьшился с 6,0% до 5,2% и далее закрепился на этом уровне в 2023-2024 гг. В контексте реализации политики в области ESG это указывает на ослабление относительной роли экологического налогообложения в общей доходной базе при сохранении самого инструмента, что согласуется с тенденцией к комбинированию налоговых мер с иными регуляторными механизмами и программами поддержки в период энергетической и ценовой нестабильности.

Для интерпретации степени реализации политики в области ESG в странах-членах ЕС целесообразно сфокусировать внимание на странах, задающих контрастные режимы фискального экологического регулирования. В группе повышенных значений выделяются Болгария и Греция, где в 2022 г. зафиксированы резкие увеличения значений до 15,3% и 13,1% соответственно, после чего к 2024 г. происходит нормализация (доля снижается до 9,7% и 9,0%). Подобная динамика характеризует высокую чувствительность фискальных параметров к изменениям энергетической конъюнктуры и налоговой базы, а также демонстрирует, что в ряде стран экологические налоги остаются значимой частью бюджетной модели, что усиливает ценовой сигнал для производителей и домохозяйств.

В качестве противоположного полюса выступает Люксембург, где доля экологических налогов снижается до 2,8% в 2024 г., что отражает меньшую опору на данный фискальный канал при возможной компенсации через иные инструменты экологического управления. В «промышленном ядре» ЕС показательным является пример Германии, где доля поступлений сокращается с 6,5% в 2015 г. до 4,3% в 2024 г., что указывает на снижение фискальной значимости экологических налогов при одновременном сохранении управленческой рамки экологической трансформации, в том числе через регуляторные и рыночные механизмы.

Полученные результаты позволяют трактовать экологические налоги прежде всего как элемент управленческого контура, а не как доминирующий источник доходов. Стабилизация общеевропейского уровня на 5,2% в 2023-2024 гг. при наличии резких страновых колебаний (в Болгарии и Греции), и устойчивого снижения в доли поступлений в Германии формирует представление о гибкой модели политики в области ESG в ЕС, в которой ценовые инструменты дополняются комплексом мер энергетического перехода и социальной адаптации. Подобная ситуация согласуется с логикой ESG-управления, предполагающей баланс между экологическими стимулами и управлением социальными рисками, возникающими при реализации политики в области ESG.

Следует отметить, что различия в уровне углеродного налогообложения в странах Европейского союза оказывают непосредственное влияние на эффективность реализации климатической политики в целом. В государствах с более низкими ставками налога на выбросы CO_2 стимулы к сокращению данных выбросов и внедрению низкоуглеродных технологий остаются ограниченными. В частности, в таких странах, как Польша и Эстония, где уровень углеродного налогообложения остаётся сравнительно низким, потенциал использования данного инструмента для стимулирования декарбонизации экономики и ускорения энергетического перехода реализуется в меньшей степени по сравнению с государствами, применяющими более высокие ставки углеродного регулирования.

На рисунке 4 отражена динамика доходов от экологических налогов по Европейскому союзу в целом за период с 2015 по 2024 гг. Для полноты анализа необходимо также учитывать фактор волатильности национальной валюты (евро), поскольку ввиду нестабильности курса евро в 2015 году можно наблюдать снижение доходов.

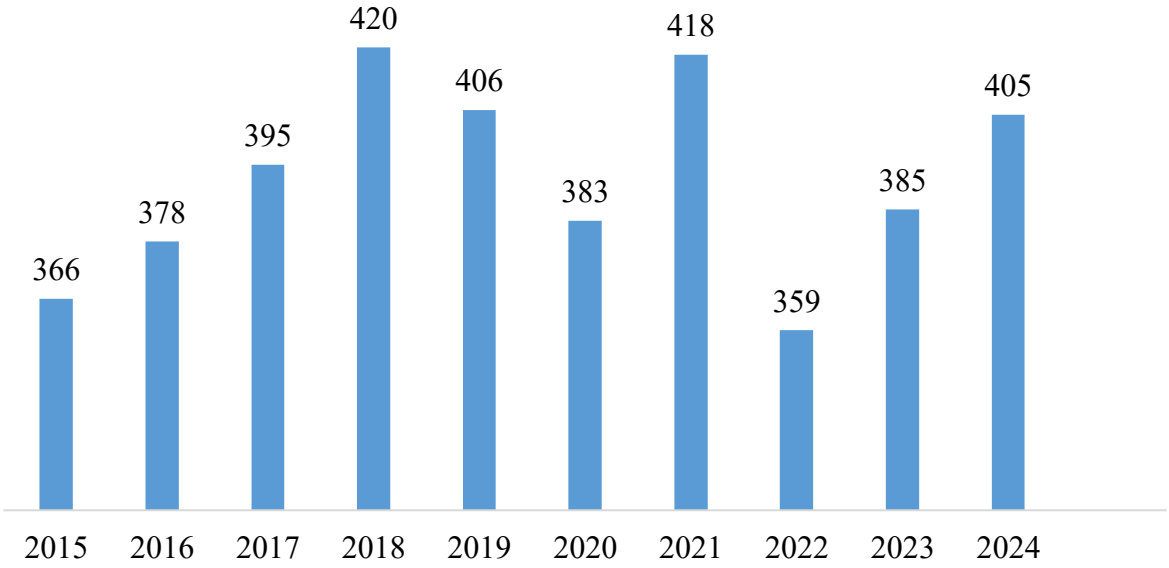

Рисунок 4 – Доходы ЕС от экологических налогов, млн долл. США

Источник: составлено автором по данным[97]

До 2018 г. наблюдался устойчивый рост показателя с 366 млрд долл. в 2015 г. до 420 млрд долл. в 2018 г., после чего фиксируется умеренное снижение до 406 млрд долл. в 2019 г. и 383 млрд долл. в 2020 г., что связано с замедлением экономической активности и сокращением потребления энергоресурсов. В 2021 г. поступления вновь увеличились до 418 млрд долл., однако уже в 2022 г. произошло заметное снижение до 359 млрд долл., что отражает влияние экономических и энергетических шоков на структуру экологического налогообложения.

В последующие годы наблюдается постепенное восстановление объёма поступлений: в 2023 г. показатель увеличился до 385 млрд долл., а в 2024 г. достиг 405 млрд долл., приблизившись к значениям докризисного периода. Такая динамика указывает на сохранение экологических налогов в качестве важного инструмента реализации экологического компонента ESG политики ЕС, направленного на регулирование потребления энергоресурсов, стимулирование экологически ответственного поведения экономических субъектов и формирование дополнительных источников финансирования

[97] Eurostat dataset: Environmental taxes by economic activity (duplicate entry). [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/env_ac_taxind2/default/table (дата обращения: 20.01.2026).

экологической трансформации экономики.[98] Следует отметить, что на уровне всего Евросоюза с 2022 года сохраняется тенденция увеличения поступлений экологического налога именно от корпораций (51,8%), а не от домохозяйств (44,9%)[99].

Особый интерес представляет рассмотрение элементов энергетического налога, а именно – налога на выбросы CO_2 и ETS. Основой углеродного ценообразования является налог на выбросы CO_2, который стимулирует компании сокращать выбросы CO_2, используя более экологичные источники энергии. Налоговая база – содержание CO_2 в выбросах, сопровождающих производство товаров и услуг, что отличает данный налог от других энергетических налогов. Первой страной, которая ввела налог на выбросы CO_2, была Финляндия в 1990 году. По данным Всемирного банка, в 2023 году в мире реализовывалось 73 инициативы углеродного ценообразования, которые покрывали 23% глобальных выбросов парниковых газов[100]. В рамках ЕС к 2023 году 12 стран реализовывали сбор налога на выбросы CO_2 в своей налоговой системе.

В странах Европейского союза наблюдается значительная дифференциация ставок налога на выбросы CO_2, что обусловлено различиями в национальной климатической политике, структуре энергетических систем и степени интеграции механизмов углеродного регулирования. Среди государств ЕС наиболее высокие ставки налога на выбросы CO_2 установлены в Швеции – 127,26 долл. за тонну CO_2, а также в Финляндии (100,02 долл.) и Нидерландах (71,51 долл.). В то же время минимальные значения наблюдаются в Польше (0,10 долл.) и Эстонии (2,18 долл.) (таблица 7).

---

[98] Ahlström H., Monciardini D. The Regulatory Dynamics of Sustainable Finance: Paradoxical Success and Limitations of EU Reforms // Journal of Business Ethics. 2022. Vol. 177, No. 1. P. 193–212. DOI: 10.1007/s10551-021-04763-x.

[99] Environmental tax statistics: detailed analysis (duplicate entry) // Eurostat. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Environmental_tax_statistics_-_detailed_analysis (дата обращения: 20.01.2026).

[100] Росконгресс. Официальный сайт: материалы форумов. [Электронный ресурс].: https://roscongress.org/ (дата обращения: 22.01.2026).

Таблица 7 – Ставки налога на выбросы CO_2 (долл. США/тонна CO_2)

Страна	Ставка налога на выбросы CO_2 в 2024 г., долл. за тонну CO_2	Доля покрытых выбросов парниковых газов в 2024 г., %	Год внедрения
Австрия	48,37	40%	2022
Венгрия	38,71	32%	2023
Германия	48,39	39%	2021
Дания	28,1	48%	1992
Ирландия	60,22	34%	2010
Испания	16,13	2%	2014
Латвия	16,13	2%	2004
Люксембург	49,92	72%	2021
Нидерланды	71,51	45%	2021
Польша	0,1	24%	1990
Португалия	60,48	40%	2015
Словения	18,6	46%	1996
Финляндия	100,02	45%	1990
Франция	47,96	40%	2014
Швеция	127,26	40%	1991
Эстония	2,18	10%	2000

Источник: составлено автором по данным[101]

Важно отметить, что налоги на выбросы CO_2 в странах ЕС могут распространяться на различные виды парниковых газов (включая углекислый газ, метан, закись азота и фторсодержащие газы). При этом масштаб охвата выбросов существенно различается. Например, в Испании налог применяется преимущественно к фторированным газам, вследствие чего под его действие подпадает лишь около 2% совокупных выбросов парниковых газов страны. Напротив, в Люксембурге налог распространяется примерно на 72% выбросов, что делает его более значимым инструментом национальной климатической политики.

Важно отметить, что корректировки ставок налогообложения происходят с учетом эффективности самого регулирующего инструмента – многие страны вводят данный налог точечно, начиная с невысоких ставок для

[101] Carbon Taxes in Europe // Tax foundation Europe. [Электронный ресурс]. URL: https://taxfoundation.org/data/all/eu/carbon-taxes-europe-2024/ (дата обращения: 05.01.2026).

того, чтобы дать время производствам, компаниям и людям адаптироваться к меняющимся условиям и минимизировать производственные убытки. Иллюстрацией данной ситуации может служить Франция, которая ввела налог на выбросы CO_2 в 2014 году (ставка в этот период времени составила 9,4 долл. США/т CO_2). Уже к 2018 году ставка увеличилась до 55,3 долл. США/т CO_2: рост составил около 470%. Но после такого резкого повышения последовали определенные корректировки, снижения ставок до 48,5 долл. США/т CO_2 в 2023 году.

Вторым вариантом углеродного ценообразования является система торговли квотами на выбросы Европейского союза (EU Emissions Trading System, далее – EU ETS). На данный момент все члены Европейского союза (а также Исландия, Лихтенштейн, Норвегия) являются частью ETS EU. Секторальное распространение системы торговли квотами на выбросы – морское дело, внутренняя авиация, промышленность. Кроме того, в некоторых странах используются несколько инструментов (налоги на выбросы CO_2, акцизы на энергоносители или механизмы торговли квотами), которые могут различаться по уровню ставок и охвату выбросов (в подобных случаях, как правило, учитывается максимальная применяемая ставка налогообложения)[102]. С экономической точки зрения наиболее эффективной считается модель, при которой налог на выбросы CO_2 применяется ко всем секторам экономики по единой ставке.

В последние годы ряд государств-членов ЕС внедрил новые налоговые механизмы:. так, Германия и Австрия ввели национальные углеродные налоги в 2021 и 2022 гг. соответственно, что стало частью расширения инструментов углеродного регулирования в рамках европейской климатической политики. Стоит отметить, что у некоторых государств-членов ЕС есть собственные национальные системы торговли квотами на выбросы. Они действуют совместно с общей системой EU ETS, но при этом охватывают те сферы,

[102] Дорохина К.М., Сахаров А.Г. Трансформация и имплементация природоохранных и климатических положений в торговых соглашениях Европейского союза // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 95-123.

которые наднациональная система еще не охватила. Так, Германия в 2021 году запустила национальную систему торговли выбросами для выбросов, связанных с отоплением и транспортом. По состоянию на начало 2026 года общий доход с начала программы составил 53,3 млрд евро. При этом, до 2025 года цена оставалась фиксированной (с учетом ежегодного пересмотра), а с 2026 предусмотрено введение ценового коридора[103].

Австрия также ввела собственную национальную ETS, включив в систему торговли квотами на выбросы ископаемое топливо (не включая CO_2), которое ранее не было охвачено традиционной ETS EU. Основными секторами, в которых действует данная система, являются транспорт и строительство. Общий доход с начала реализации программы составил 3,4 млрд евро. Цена по данной системе оставалась фиксированной до 2025 года (35,3 долларов США/т CO_2), а с 2026 года введены аукционы. В целом, учитывая постепенное снижение уровня выбросов парниковых газов, признается эффективность действующих инструментов, в том числе ETS и углеродного налога.

Особый интерес представляет рассмотрение другого существенного аспекта в рамках оценки влияния политики в области ESG на экономическое развитие стран Европейского союза. Данным аспектом являются инвестиции органов государственного управления в охрану окружающей среды в рамках природоохранной деятельности.[104] В указанное понятие входит инвестирование в предотвращение, сокращение и устранение загрязнения окружающей среды, управление отходами и сточными водами, защиту биоразнообразия.

В 2023 году Европейский союз (в рамках государственного и корпоративного инвестирования) вложил более 67 млрд евро в активы, которые являются необходимыми для предоставления услуг по охране

---

[103] ICAP ETS: Compare - EU, Austria, Germany // International Carbon Action Partnership. [Электронный ресурс]. URL: https://icapcarbonaction.com/en/compare/43/122/108 (дата обращения: 05.01.2026).

[104] Environmental protection expenditure accounts // Eurostat: Statistics Explained. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Environmental_protection_expenditure_accounts (дата обращения: 04.01.2026).

окружающей среды – инфраструктура для сточных вод (41,6%), услуги по управлению отходами (26,6%), охрана воздуха (10,4%), защита от радиации (8,4%), экологические НИОКР и другие виды деятельности по охране окружающей среды (13%).

На рисунке 5 представлены результаты оценки линейной взаимосвязи между объёмом инвестиций и уровнем валового внутреннего продукта. Подобная зависимость является эмпирически обоснованной: при высоком уровне ВВП предполагается, что у страны имеется больший объём располагаемых ресурсов для финансирования политики в области ESG[105]. Значение коэффициента детерминации (R^2), равное 0,875, свидетельствует о наличии тесной положительной корреляции между рассматриваемыми показателями.

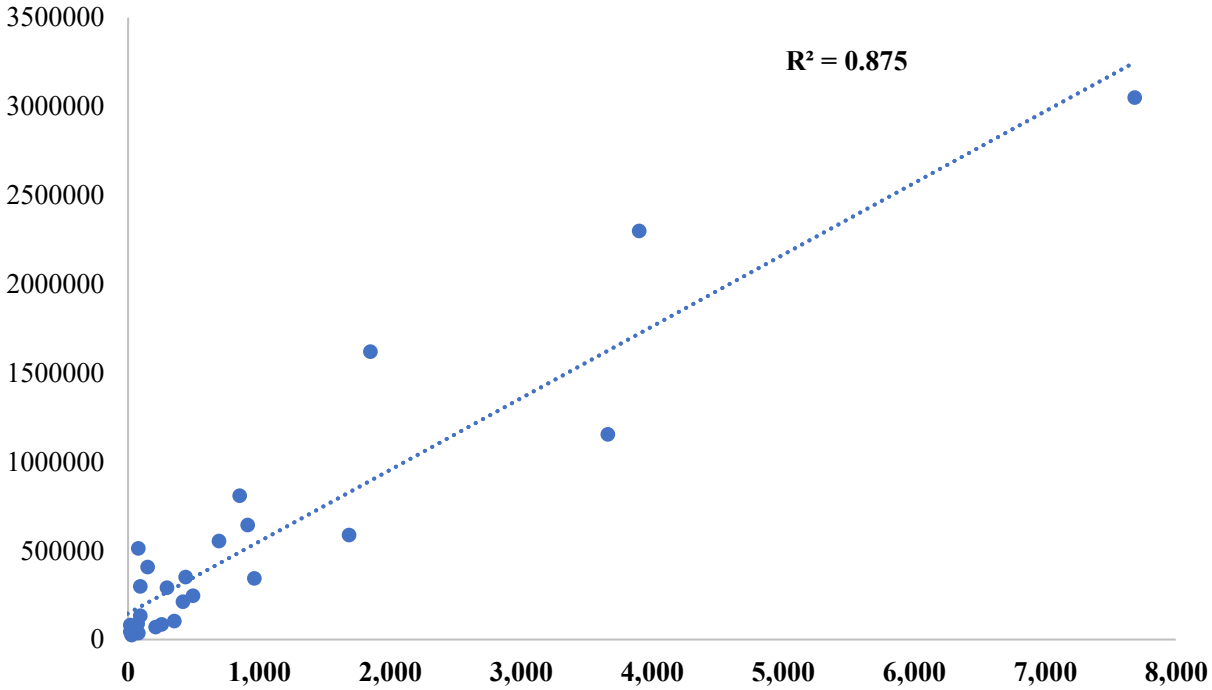

Рисунок 5 – Зависимость объема инвестиций на охрану окружающей среды от объема ВВП в Европейском союзе за 2023 год

Источник: расчеты автора на основании данных Евростата[106]

[105] Ho S.-H., Oueghlissi R., El Ferktaji R. Testing for Causality Between Economic Growth and Environmental, Social, and Governance Performance: New Evidence from a Global Sample // Journal of the Knowledge Economy. 2024. Vol. 15, No. 2. P. 7769–7787. DOI: 10.1007/s13132-023-01406-6.

[106] Eurostat database: National expenditure on environmental protection. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/env_ac_epigg1__custom_15589492/default/table (дата обращения: 04.01.2026).

Германия выделяется среди рассматриваемых стран по своим макроэкономическим показателям: объем валового внутреннего продукта данной страны составляет 4 338 млрд долл. США**,** в то время как объем инвестиций в охрану окружающей среды достигает 3,3 млрд долл. США. Данное обстоятельство следует рассматривать как закономерную часть распределения, обусловленную спецификой входных данных, включая экономические масштабы и экологическую политику государства. Дальнейший анализ позволит более детально рассмотреть факторы, влияющие на данное отклонение, а также выявить его значение в общем контексте распределения.

Германия отличается сильной региональной экономической и экологической дифференциацией. Промышленный, сельскохозяйственный и энергетический потенциал распределен по стране неравномерно, что обусловлено историческими особенностями развития. В то время как в западной Европе (и ФРГ) в середине XX века центр тяжести смещался в сторону производства товаров народного потребления и услуг, в Восточной Германии был взят курс на индустриализацию – производство средств производства, тяжелую промышленность. Восточная Германия продолжала развивать экологически грязную углехимию, в то время как на западной части переориентировались на нефтехимию, заключив союзы с крупными нефтяными концернами[107].

В настоящее время вместо того, чтобы направлять государственные средства на вопросы, связанные с окружающей средой и ее охраной, Германия привлекает частных инвесторов для решения подобных проблем. С учетом степени развитости промышленности и экономики в целом инвесторы готовы вкладывать собственные средства в инновационные проекты в рамках экологической проблематики, углеродной нейтральности в том числе[108]. В

[107] Плотникова Е.Н., Игнатенко В. Экологическая политика Германии в контексте концепции устойчивого развития // Россия в глобальном мире. – 2019. – №14-15. – С. 26-48.
[108] Чернышева Т.К. Влияние инноваций на достижение целей устойчивого развития в странах Европейского союза // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 5. – С. 78-81.

связи с перечисленными причинами значения показателя в Германии были оценены как выбросы в силу специфичности их возникновения, а также не были включены в рассматриваемую модель линейной регрессии.

В связи с вышеизложенным стоит отметить, что пропорционально расходы на охрану окружающей среды примерно равны по всему ЕС – средний показатель составляет 0,15% от ВВП. В случае серьезных экологических проблем государство не может не отреагировать – тогда инвестиции могут вырасти. К примеру, подобная ситуация наблюдалась в Болгарии в 2014-2015 гг. Именно в эти годы доля инвестиций в защиту окружающей среды достигла 1,6% от общего объема ВВП. Это было связано с увеличивающимися требованиями Европейского Парламента в рамках обязательств по сокращению выбросов после 2030 года. В дальнейшем, после достижения краткосрочных целей и снижения уровня выбросов до средних значений по ЕС, объем инвестиций вернулся к значениям 0,15% - 0,25% от общего объема ВВП.

Рассмотрим динамику общего объема инвестиций органов государственного управления в охрану окружающей среды по Евросоюзу в целом (рисунок 6).

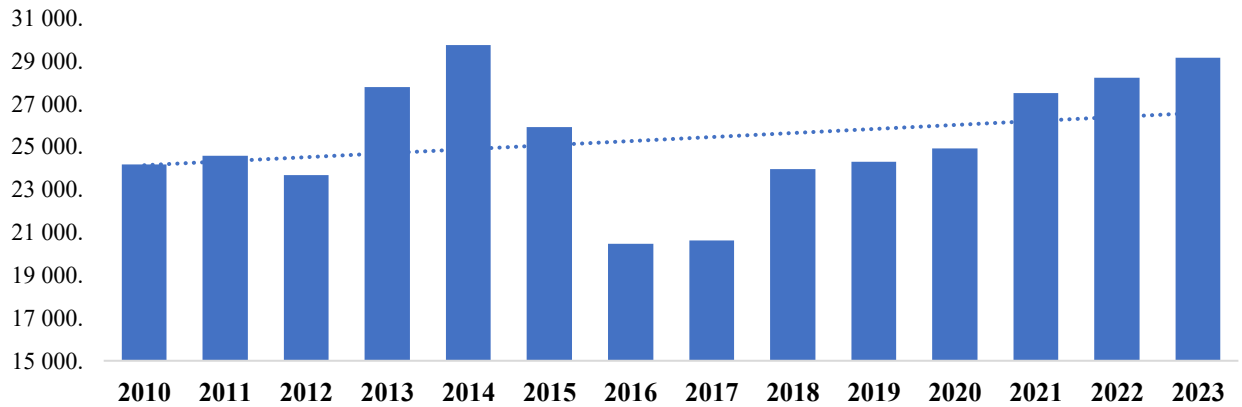

Рисунок 6 – Общий объем инвестиций органов государственного управления в охрану окружающей среды в рамках природоохранной деятельности ЕС (за период с 2010 по 2023 гг., млн долл. США)

Источник: составлено автором по данным[109]

[109] Eurostat database: National expenditure on environmental protection (duplicate entry). [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/env_ac_epigg1__custom_15589492/default/table (дата обращения: 05.01.2026).

За исследуемый период наибольший объем инвестиций зафиксирован в 2014 году – 29,7 млрд долл. США. Уже к 2016 году показатель снизился более, чем на 30%, а именно до рекордно минимальных значений – 20,4 млрд долл. США. Начиная с 2017 года инвестиции в охрану окружающей среды стали постепенно увеличиваться, достигнув к 2023 году 29,1 млрд долл. США. Показатель в настоящий момент остается ниже значений 2014 года, но сохраняет тенденцию к увеличению объемов. Наибольший вклад в общие государственные инвестиции в рамках ЕС вносят Франция (34% от общего объема в 2010 г., 26% - в 2023 г.), Италия (16% - 2010 г., 13% - 2023 г.), Германия (15% - 2010 г., 13% - 2023 г.), Нидерланды (0% в 2010 г., 13% - 2023 г.).

Необходимо подчеркнуть роль Германии в рамках текущего анализа – доля инвестиций в окружающую среду в общем объеме государственных инвестиций занимает менее 3%, когда в то же время у стран-лидеров по объему указанных инвестиций доходит до 9,8% (Нидерланды, 2021 г.). В абсолютном объеме инвестиции в Германии велики, но в относительном – по сравнению как с ВВП, так и с инвестиционными расходами, страна предпочитает расставлять иные приоритеты.

В том числе это обусловлено тем, что основная работа по стратегии достижения углеродной нейтральности уже проделана – разработана и внедрена соответствующая инфраструктура, уровень выбросов с каждым годом снижается, вредные для окружающей среды производства модернизируются или закрываются, а доля возобновляемой энергии в общем потреблении составляет более 50%. Основной акцент делается на налоговые инструменты стимулирования, в том числе через национальный ETS, а также внедрение ETS EU 2.

В целом можно констатировать, что прослеживается восходящий тренд в рамках финансирования экологических проектов, доли возобновляемой энергии при одновременном снижении уровня ежегодных выбросов CO_2 в атмосферу[110]. Ключевыми инструментами в рамках «зеленой экономики»

[110] Edmans A., Kacperczyk M. Sustainable Finance // Review of Finance. – 2022. – Vol. 26, No. 6. – P. 1309–1313.

европейских стран (при наличии значительной доли возобновляемой энергии и минимизации выбросов парниковых газов) являются налоговые инструменты и корпоративное инвестирование в области охраны окружающей среды[111]. Страны, которые находятся на переходном этапе к полному внедрению соответствующей инфраструктуры, практикуют постепенное введение углеродных налогов, значительную долю государственных инвестиций в рамках природоохранной деятельности.

2.1.2. «S» - социальные аспекты ESG-концепции

Особый интерес представляет анализ составляющих второго элемента политики в области ESG в Европейском союзе, а именно – социального компонента. В данном блоке будут проанализированы демографические показатели, включая уровень рождаемости, смертности и миграции, а также ожидаемой продолжительности жизни. Важными индикаторами в социальной сфере являются уровень безработицы, медианная почасовая заработная плата, коэффициент Джини, а также гендерный разрыв в оплате труда.

Естественный прирост населения отражает разницу между общей рождаемостью и общей смертностью, без учета фактора миграции, который является одним из немногих драйверов роста населения ЕС. Данный показатель непосредственно связан с социальным компонентом ESG-концепции, поскольку он отражает фундаментальные аспекты устойчивого социального развития: уровень рождаемости, смертности, доступность здравоохранения, социальную защищённость и качество жизни населения. Снижение естественного прироста требует пересмотра социальной политики в контексте ESG, включая меры по поддержке семей, демографическому воспроизводству и обеспечению долгосрочной трудовой устойчивости[112]. В

[111] Сенчакова П.Д. «Зелёная» экономика: новый виток развития // Хроноэкономика. – 2022. – № 2(36). – С. 117-122.
[112] Чернышева Т.К. Влияние демографических тенденций и инвестиционных дисбалансов на реализацию политики в области ESG в странах Европейского союза // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 7. – С. 107-110.

этой связи целесообразно отдельно рассматривать естественный прирост и чистую миграцию (рисунок 7).

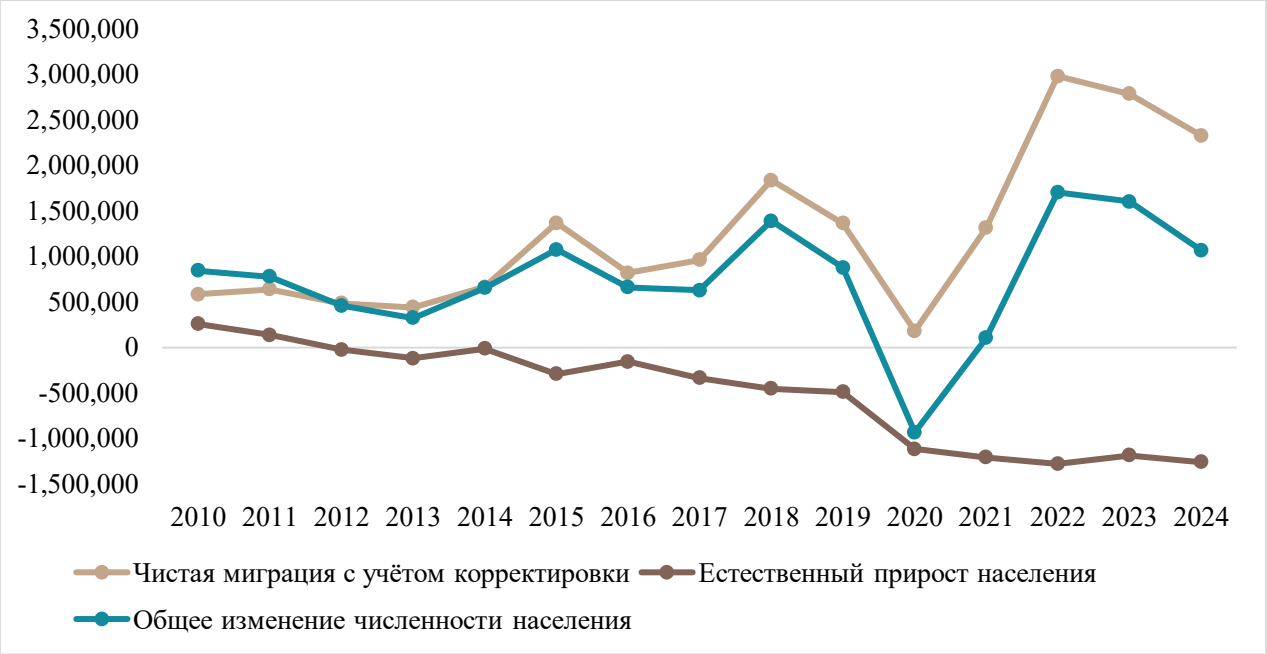

Рисунок 7 – Демографические показатели населения ЕС
Источник: составлено автором по данным [113]

Представленные данные отражают структуру факторов изменения численности населения в Европейском союзе и показывают возрастающую роль миграционных процессов в формировании демографической динамики. В течение рассматриваемого периода естественный прирост населения постепенно трансформируется в устойчивую естественную убыль. Если в 2010 г. прирост составлял 259 тыс. человек, то уже с 2012 г. показатель становится отрицательным и в дальнейшем последовательно увеличивается по масштабу убыли, достигнув минус 1,26 млн человек в 2024 г.

Наиболее резкое ухудшение демографического баланса наблюдается в 2020-2022 гг., когда естественная убыль превышала 1 млн человек ежегодно. Такая динамика отражает структурные демографические процессы в ЕС, связанные со снижением рождаемости и старением населения. На этом фоне ключевым фактором поддержания общей численности населения становится

[113] Eurostat: Population structure and ageing [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_ageing (дата обращения: 27.01.2026).

миграция. Чистая миграция увеличивается с 586 тыс. человек в 2010 г. до 2,33 млн человек в 2024 г., при этом максимальные значения фиксируются в 2022-2023 гг., когда показатель превышает 2,7-3,0 млн человек.

В результате именно миграционный приток компенсирует естественную убыль населения и формирует положительное общее изменение численности населения. Так, несмотря на значительную естественную убыль в 2024 г., общее население ЕС увеличилось на 1,07 млн человек. В контексте социальной составляющей политики в области ESG данная динамика указывает на растущую роль миграции как фактора поддержания трудовых ресурсов, демографической устойчивости и долгосрочной стабильности социально-экономических систем Европейского союза.

Естественный прирост населения (то есть ситуация, при которой рождаемость превышает смертность) в последний раз в ЕС был зафиксирован в 2011 году – тогда показатель составил прирост населения на 139,6 тыс. чел. После 2011 года сохраняется нисходящий тренд, при котором смертность населения превышает рождаемость. Ситуация усугубилась также после пандемии COVID-19: начиная с 2020 года, когда смертность составила более 5 млн чел. при рождаемости в 4 млн чел., значения естественной убыли начали ежегодно составлять более 1 млн чел. в год[114].

К 2023 году естественная убыль составила 1,17 млн чел., но катализатором в данной ситуации уже стала не пандемия, а демографическая особенность стран Евросоюза – старение населения. За период с 2014 по 2024 гг. медианный возраст увеличился во всех странах ЕС, за исключением Мальты и Германии, где он снизился (-0,7 и -0,1 года соответственно).[115] В 2010 году медианный возраст составлял 41,3 года, в 2023 году – 44,5 года. Можно говорить о наличии долгосрочной тенденции, которая требует имплементации

[114] Baneliene R. Evaluation of the efficiency of economic policy under the Europe-2020 strategy in small European Union countries // Ekonomika. – 2013. – Vol. 92, No. 2. – Pp. 7-19

[115] Eurostat: Population structure and ageing [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_ageing (дата обращения: 27.01.2026).

подходов социально ответственного управления в связи с тем, что она значительно трансформирует возрастную структуру населения ЕС.

По прогнозам Евростата, к 2100 году трудоспособное население (15 – 64 года) будет составлять лишь 55% (по сравнению с 2023 годом показатель уменьшится на 8 п.п.). В таблице 8 приведены данные по естественному приросту (убыли) населения в разрезе стран ЕС в 2014 и 2024 гг.

Таблица 8 – Естественный прирост (убыль) населения в разрезе стран ЕС (в 2014 и 2024 гг.)

Страна	2014 г.	2024 г.	Абсолютное изменение
Австрия	3 470	-11 248	-14 718
Бельгия	20 259	-2 818	-23 077
Болгария	-41 367	-47 308	-5 941
Венгрия	-33 013	-49 211	-16 198
Германия	-153 429	-330 641	-177 212
Греция	-21 591	-57 604	-36 013
Дания	5 530	8	-5 522
Ирландия	38 043	18 917	-19 126
Испания	32 342	-118 411	-150 753
Италия	-95 768	-280 665	-184 897
Кипр	3 834	3 190	-644
Латвия	-6 720	-13 774	-7 054
Литва	-10 888	-18 367	-7 479
Люксембург	2 229	1 988	-241
Мальта	921	193	-728
Нидерланды	35 958	-6 022	-41 980
Польша	-1 307	-156 722	-155 415
Португалия	-22 476	-33 732	-11 256
Румыния	-56 225	-101 830	-45 605
Словакия	3 687	-7 635	-11 322
Словения	2 279	-4 631	-6 910
Финляндия	5 046	-14 547	-19 593
Франция	259 893	17 336	-242 557
Хорватия	-11 273	-19 011	-7 738
Чехия	4 195	-27 900	-32 095
Швеция	25 931	7 183	-18 748
Эстония	-1 933	-6 066	-4 133

Источник: составлено автором по данным[116].

[116] Eurostat: Population and population change statistics. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DEMO_GIND__custom_20360206/default/table (дата обращения: 27.01.2026).

Указанные данные фиксируют усиление демографической убыли в ЕС за 2014-2024 гг. и отражают смещение большинства стран от положительного или умеренно отрицательного естественного прироста к более выраженным отрицательным значениям. В привязке к реализации политики в области ESG данная динамика относится к социальному измерению, поскольку естественное движение населения определяет воспроизводство трудовых ресурсов, нагрузку на системы здравоохранения и пенсионного обеспечения, а также воспроизводимость человеческого капитала. Наблюдаемые изменения согласуются с долгосрочными структурными факторами (включая снижение рождаемости и рост доли населения старших возрастов), что повышает риски социальной неустойчивости и усиливает требования к качеству государственного управления демографическими и социальными процессами в рамках ESG[117].

Наиболее значимое ухудшение сосредоточено в крупнейших экономиках ЕС, что усиливает масштаб общеевропейского эффекта. В Германии естественная убыль увеличилась с 153 429 человек в 2014 г. до 330 641 в 2024 г. (абсолютное изменение составило -177 212 человек). В Италии отрицательный баланс углубился с 95 768 до 280 665 человек (изменение составило -184 897 человек). Во Франции наблюдается резкое сокращение естественного прироста с 259 893 до 17 336 человек, что означает снижение на 242 557 человек и фактическое приближение к демографической стагнации. Испания демонстрирует разворот траектории, переходя от естественного прироста 32 342 человек в 2014 г. к убыли 118 411 человек в 2024 г.

Указанные сдвиги напрямую связаны с эффективностью реализации политики в области ESG, поскольку они ведут к сокращению демографической базы рынка труда и повышают долгосрочные обязательства государства в части социальных расходов, тем самым усиливая значимость мер по поддержке рождаемости и повышению экономической активности населения.

[117] Rapsikevicius J., Bruneckiene, J., Krušinskas R., Lukauskas M. The Impact of Structural Reforms on Sustainable Development Performance: Evidence from European Union Countries // Sustainability. – 2022. – Vol. 14, No.19.

На фоне общеевропейского ухудшения выделяются страны, сохраняющие положительное значение естественного прироста (однако с заметным снижением его уровня). Так, в Ирландии наблюдается сокращение естественного прироста населения с 38 043 до 18 917 человек, а в Швеции – с 25 931 до 7 183 человек, что указывает на ослабление демографического преимущества в данных странах. В совокупности контраст между углублением убыли в крупнейших странах и сокращением прироста в отдельных странах формирует в части реализации политики в области ESG приоритеты в части обеспечения социальной устойчивости, где демографический фактор становится одним из ключевых ограничений для долгосрочного роста, устойчивости публичных финансов и способности экономик поддерживать траекторию экологической трансформации без усиления социального напряжения.

Одним из ключевых факторов, определяющих наблюдаемую динамику, является снижение уровня рождаемости: в 2023 году общий коэффициент рождаемости в Европейском союзе составил 1,38 ребёнка на женщину, что значительно ниже уровня простого воспроизводства населения (2,1). Среди стран ЕС наиболее высокий показатель рождаемости был зафиксирован в Болгарии (1,81), Франции (1,66) и Венгрии (1,55), тогда как самые низкие значения наблюдались на Мальте (1,06), в Испании (1,12) и Литве (1,18).

Снижение рождаемости отражает долгосрочные социальные трансформации (включая изменение структуры занятости, урбанизацию и рост экономической неопределённости), что также является важным аспектом анализа социальной составляющей политики в области ESG. Дополнительное влияние на демографическую динамику оказала повышенная смертность, связанная в т.ч. с последствиями пандемии COVID-19. В странах-членах ЕС наблюдался значительный уровень смертности: около 578 тыс. дополнительных смертей в 2020 году, 658 тыс. в 2021 году, 515 тыс. в 2022 году, 206 тыс. в 2023 году и 129 тыс. в 2024 году по сравнению со средними значениями за 2016-2019 гг.

В глобальном масштабе значительная часть развитых европейских стран сталкивается с вышеизложенным вызовом. Упомянутую проблему необходимо учитывать в рамках планирования политики в области ESG на долгосрочный период, поскольку именно трудоспособное население является основой устойчивого социально-экономического развития страны. В условиях отрицательного естественного прироста населения, зафиксированного в большинстве крупнейших стран-членов ЕС, ключевым фактором стабилизации демографических показателей в контексте ESG является управление миграцией как инструментом компенсации дефицита трудовых ресурсов.

Таким образом, социальный компонент политики в области ESG включает обеспечение инклюзивной и справедливой социальной среды, доступ к базовым услугам, интеграцию уязвимых групп, включая мигрантов, а также формирование условий, способствующих устойчивой занятости и социальной адаптации[118]. Стратегии управления миграцией, рассматриваемые в контексте политики в области ESG, предполагают разработку национальных политик, направленных на привлечение квалифицированной рабочей силы, снижение социальной напряжённости и обеспечение равного доступа к социальной инфраструктуре.

Увеличение ожидаемой продолжительности жизни и расширение трудоспособного возраста являются ключевыми демографическими параметрами, непосредственно влияющими на устойчивость социально-экономических систем. В данном контексте ESG политика (особенно её социальный компонент) играет определяющую роль через институционализацию мер, направленных на обеспечение равного доступа к медицинской инфраструктуре, профилактике возрастных заболеваний и продвижению концепции «здорового старения». Безусловно, это является положительным фактором в рамках развития общества, но отрицать остроту

[118] Руцкий В.Н., Филиппов И. А. Взаимосвязь уровня бедности и факторов зеленой экономики в странах Европейского союза // Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 56-70.

вышеупомянутой демографической проблемы в странах Евросоюза нельзя. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в странах ЕС отражена на рисунке 8.

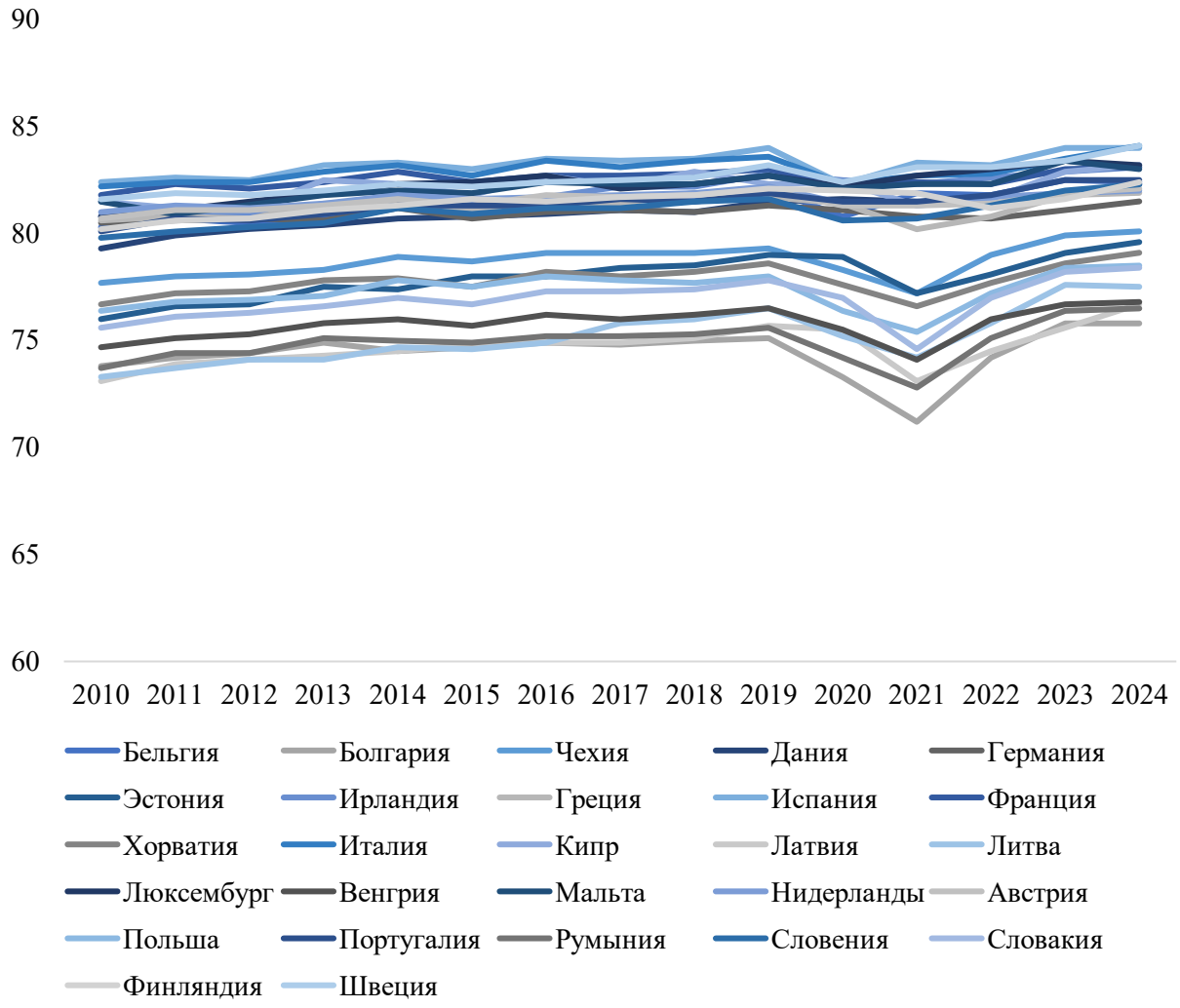

Рисунок 8 – Ожидаемая продолжительность жизни по странам-членам ЕС (за период с 2010 по 2024 гг., лет)
Источник: составлено автором по данным[119]

Представленные данные позволяют решить две задачи, а именно – определить общую динамику по ЕС и выделить две подгруппы стран, входящих в ЕС, по следующему признаку: значение ожидаемой продолжительности жизни выше или ниже 78 лет в 2010 г. (или в зависимости от общего уровня продолжительности жизни в ЕС). Так, с 2010 по 2019 гг. по

[119] Eurostat database: Life expectancy at birth. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_mlexpec__custom_15572982/default/table (дата обращения: 27.01.2026).

Евросоюзу в целом наблюдался стабильный восходящий тренд в рамках увеличения ожидаемой продолжительности жизни на 1,5 года. Пандемия COVID-19 скорректировала данный показатель в связи с возможными последствиями заболевания – в 2021 году ожидаемая продолжительность жизни составила 80,1 лет против 81,3 в 2019 году. К 2024 году показатель по ЕС достиг наивысшего значения в 84,1 лет, следуя новому восходящему тренду.

Разброс данных по странам в 2010 году составлял от 73,1 года (Латвия) до 82,4 лет (Испания). В первую группу входят такие страны, как Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Италия, Испания, Швеция. Во многом, это традиционно развитые страны со стабильными темпами экономического роста, большой численностью населения, развитой социальной инфраструктурой (в том числе и медицинской).

Вторая группа включает в себя Болгарию, Венгрию, Латвию, Литву, Польшу, Румынию, Словакию, иными словами – ряд стран бывшего советского блока. Волатильность показателя в условиях возникающих шоков гораздо выше у стран второй группы (ее наглядно можно проследить в 2021 году, когда исследуемый показатель в Болгарии упал на 5% по сравнению с 2019 годом). У стран первой группы, в свою очередь, изменения не превышали 0,7%. Также, отмечается четкий разрыв между первой и второй группой, составляющий около 1,6 лет в 2010 году (Дания – 79,3 лет, Чехия – 77,7 года), и 1,2 года в 2024 году (Германия – 81,5 года, Чехия – 80 лет).

В целом можно констатировать наличие устойчивого восходящего тренда в области социальной устойчивости и социального развития во всех странах-членах ЕС, что свидетельствует о прогрессе в реализации принципов ESG-повестки на уровне государственной политики. Такой тренд отражает растущее внимание к компоненту «S» в рамках реализации политики в области ESG, охватывающему вопросы социальной защиты, а также взаимодействия государства с уязвимыми группами населения. Это также коррелирует с глобальным трендом – гуманизацией, в рамках которой ключевой ценностью

признается человеческая жизнь и все сопутствующие инструменты для того, чтобы увеличивать ее продолжительность и повысить качество.

Анализ занятости является важнейшим при оценке динамики рынка труда. В соответствии с методологией Евростата, безработным считается человек в возрастном диапазоне от 15 до 74 лет (трудоспособный возраст), попадающий под следующие критерии: не трудоустроен в течение отчетной недели, в настоящее время готов к работе, был произведен активный поиск работы. Динамика уровня безработицы в ЕС отражена в таблице 9.

Таблица 9 – Уровень безработицы в странах-членах ЕС в 2010-2024 гг., %

Страна / год	2010	2014	2018	2020	2023	2024
Австрия	5,2	6,0	5,2	6,1	5,1	5,2
Бельгия	8,4	8,7	6,0	5,6	5,5	5,7
Болгария	11,3	12,4	6,2	6,0	4,3	4,2
Венгрия	10,8	7,5	3,5	4,1	4,1	4,4
Германия	6,6	4,7	3,2	3,7	3,1	3,4
Греция	12,9	26,6	19,8	17,6	11,1	10,1
Дания	7,8	6,9	5,1	5,6	5,1	6,2
Ирландия	14,6	11,9	5,8	5,8	4,3	4,3
Испания	19,9	24,5	15,3	15,5	12,2	11,4
Италия	8,5	12,8	10,6	9,4	7,7	6,6
Кипр	6,3	16,2	8,4	7,6	5,9	4,9
Латвия	19,5	10,8	7,4	8,1	6,5	6,9
Литва	17,8	10,7	6,2	8,5	6,8	7,1
Люксембург	4,6	6,0	5,5	6,7	5,2	6,3
Мальта	6,8	5,7	3,9	4,9	3,5	3,1
Нидерланды	6,1	8,3	4,9	4,9	3,6	3,7
Польша	10,0	9,2	3,9	3,2	2,8	2,9
Португалия	12,6	14,6	7,2	7,1	6,6	6,5
Румыния	9,0	8,6	5,3	6,0	5,6	5,5
Словакия	14,4	13,1	6,5	6,7	5,8	5,4
Словения	7,2	9,7	5,1	5,0	3,6	3,7
Финляндия	8,6	8,8	7,4	7,8	7,2	8,4
Франция	9,3	10,3	9,0	8,0	7,3	7,4
Хорватия	11,8	17,2	8,3	7,6	6,1	5,1
Чехия	7,3	6,1	2,3	2,6	2,6	2,7
Швеция	8,7	8,0	6,5	8,5	7,7	8,4
Эстония	16,5	7,3	5,4	6,9	6,4	7,6
Итого по ЕС	10,1	11,0	7,4	7,2	6,1	6,0

Источник: составлено автором по данным[120]

[120] Eurostat database: Unemployment rate [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/une_rt_m__custom_15556034/default/table (дата обращения: 29.01.2026).

На уровне ЕС за рассматриваемый период сформировалась устойчивая траектория снижения безработицы, относящаяся к социальному измерению политики в области ESG через показатели доступности занятости, качества рынка труда и устойчивости доходов домохозяйств. Совокупный уровень безработицы по ЕС снизился с 10,1% в 2010 г. до 6,0% в 2024 г. (при этом пик наблюдался в 2014 г. – 11,0%). В контексте политики в области ESG данная динамика отражает постепенную нормализацию рынка труда после кризисных эпизодов и усиление роли институциональных механизмов, поддерживающих занятость и адаптацию работников к структурным изменениям экономики (включая технологическую и экологическую трансформацию).

Ключевой вклад в общеевропейскую вариативность формируют страны с устойчиво более высоким уровнем безработицы, что повышает значимость адресных социальных мер и политики справедливого перехода. Наиболее показателен пример Греции, где безработица достигала 26,6% в 2014 г. и, несмотря на последующее снижение, сохранялась на уровне 10,1% в 2024 г., что указывает на длительный характер структурных ограничений занятости. Схожая конфигурация наблюдается в Испании, где после 24,5% в 2014 г. уровень безработицы составил 11,4% в 2024 г., оставаясь одним из максимальных значений в ЕС. С точки зрения социальной компоненты политики в области ESG это означает, что социальные риски распределены неравномерно и усиливаются в экономиках, где сохраняются сегментация рынка труда, чувствительность занятости к циклическим колебаниям и зависимость от отраслей с высокой волатильностью спроса.

На противоположном полюсе находятся страны, характеризующиеся устойчиво низкой безработицей и высокой способностью рынка труда к абсорбции шоков, что позволяет рассматривать их как ориентиры для управленческих практик в рамках политики в области ESG. Так, в 2024 г. минимальные значения были зафиксированы в Чехии 2,7%, Польше 2,9%, Германии 3,4%, на Мальте 3,1% и в Нидерландах 3,7% (у Чехии и Польши снижение за период носит системный характер). В контексте политики в

области ESG данный контраст между странами формирует предпосылку для выводов о двойной задаче социального трека: с одной стороны требуется поддержание общей устойчивости занятости на уровне ЕС, с другой – необходима концентрация инструментов переквалификации, повышения мобильности и создания качественных рабочих мест в странах с хронически повышенной безработицей, чтобы экологическая трансформация не сопровождалась углублением региональных социальных дисбалансов.

Отметим, что европейские органы власти направляют значительные ресурсы на переквалификацию работников и поддержку занятости в регионах, наиболее уязвимых к структурным изменениям. Дополнительно внедрение моделей «гибкой безопасности» (от англ. *«flexicurity»*) обеспечивает адаптивность рынка труда и снижает барьеры при переходе между секторами занятости. В совокупности эти процессы формируют благоприятные условия для снижения безработицы и укрепления социальной устойчивости в рамках реализации ESG-политики.

Далее рассмотрим показатель, позволяющий охарактеризовать диспропорции в рамках доходов населения ЕС. Коэффициент Джини является отображением меры неравенства: значение 0 отражает совершенное равенство, при котором все граждане страны имеют одинаковый доход, а значение 100 отражает максимальное неравенство, когда разрыв в доходах населения будет наиболее более выражен. Данные по Евросоюзу в разрезе стран-членов за период с 2014 по 2024 гг. представлены в таблице 10.

Таблица 10 – Значения Коэффициента Джини в странах-членах ЕС в 2014-2024 гг., п.п.

Страна / год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Итого по ЕС	30,9	30,8	30,6	30,3	30,4	30,1	30,0	30,2	29,6	29,6	29,4
Австрия	27,6	27,2	27,2	27,9	26,8	27,5	27,0	26,7	27,8	28,1	28,4
Бельгия	25,9	26,2	26,3	26,1	25,7	25,1	25,3	24,1	24,7	24,3	24,6
Болгария	35,4	37,0	37,7	40,2	39,6	40,8	40,0	39,7	38,4	37,2	38,4
Венгрия	28,6	28,2	28,2	28,1	28,7	26,8	28,2	27,4	26,9	28,6	28,0
Германия	30,7	30,1	29,5	29,1	31,1	29,7	30,5	31,2	29,0	29,4	29,5
Греция	34,5	34,2	34,3	33,4	32,3	31,0	31,4	32,4	31,4	31,8	31,8
Дания	27,7	27,4	27,7	27,6	27,8	27,5	27,3	27,0	27,7	28,2	28,6
Ирландия	31,0	29,7	29,6	30,6	28,9	28,0	27,6	26,6	26,9	27,4	26,4

Продолжение таблицы 10

Испания	34,7	34,6	34,5	34,1	33,2	33,0	32,1	33,0	32,0	31,5	31,2
Италия	32,4	32,4	33,1	32,7	33,4	32,8	32,5	32,9	32,7	31,5	32,2
Кипр	34,8	33,6	32,1	30,8	29,1	31,5	29,3	29,3	29,0	29,3	30,1
Латвия	35,5	35,4	34,5	34,5	35,6	35,2	34,5	35,7	34,3	34,0	34,2
Литва	35,0	37,9	37,0	37,6	36,9	35,4	35,1	35,4	36,2	35,7	35,3
Люксембург	28,7	28,5	29,6	29,2	31,3	32,3	31,2	29,6	29,1	30,6	30,1
Мальта	27,7	28,1	28,6	28,2	28,7	28,0	30,3	31,2	31,1	33,0	30,8
Нидерланды	26,2	26,7	26,9	27,1	27,4	26,8	28,2	26,4	26,3	26,5	25,9
Польша	30,8	30,6	29,8	29,2	27,8	28,5	27,2	26,8	26,3	27,0	26,0
Португалия	34,5	34,0	33,9	33,5	32,1	31,9	31,2	33,0	32,0	33,7	31,9
Румыния	35,0	37,4	34,7	33,1	35,1	34,8	33,8	34,3	32,0	31,0	28,0
Словакия	26,1	23,7	24,3	23,2	20,9	22,8	20,9	21,8	21,2	21,6	21,7
Словения	25,0	24,5	24,4	23,7	23,4	23,9	23,5	23,0	23,1	23,4	23,8
Финляндия	25,6	25,2	25,4	25,3	25,9	26,2	26,5	25,7	26,6	26,6	26,1
Франция	29,2	29,2	29,3	28,8	28,5	29,2	29,2	29,3	29,8	29,7	30,0
Хорватия	30,2	30,4	29,8	29,9	29,7	29,2	28,3	29,2	28,5	29,7	29,8
Чехия	25,1	25,0	25,1	24,5	24,0	24,0	24,2	24,8	24,8	24,4	23,7
Швеция	26,9	26,7	27,6	28,0	27,0	27,6	26,9	26,8	27,6	29,5	27,6
Эстония	35,6	34,8	32,7	31,6	30,6	30,5	30,5	30,6	31,9	31,8	30,8

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка и Евростата[121].

Динамика коэффициента Джини в 2014-2024 гг. отражает социальное измерение политики в области ESG, поскольку характеризует степень неравенства располагаемых доходов и, соответственно, устойчивость социальной структуры и инклюзивность экономического роста[122]. На уровне ЕС наблюдается постепенное снижение показателя с 30,9% в 2014 г. до 29,4% в 2024 г., что указывает на умеренное сокращение неравенства в среднем по Союзу. При этом траектория не является линейной, поскольку после достижения 30,0% в 2020 г. фиксируется временное повышение до 30,2% в 2021 г., а затем снижение до 29,6% в 2022–2023 гг. и 29,4% в 2024 г. В контексте реализации политики в области ESG такая динамика согласуется с ролью перераспределительных механизмов и социальной политики, которые смягчают влияние макроэкономических шоков на распределение доходов.

[121] World Bank Data: Gini index (EU) 2010–2021. [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=EU (дата обращения: 30.01.2026).; Eurostat database: Income distribution and inequality. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_di12__custom_15556354/default/table (дата обращения: 30.01.2026).

[122] Diaye M.-A., Ho S.-H., Oueghlissi R. ESG Performance and Economic Growth: A Panel Co-integration Analysis // Empirica. 2022. Vol. 49, No. 1. P. 99–122. DOI: 10.1007/s10663-021-09508-7.

Ключевой контраст формируют страны с устойчиво высоким уровнем неравенства и страны, демонстрирующие наиболее равномерное распределение доходов. Болгария сохраняет максимально высокие значения в выборке и в 2024 г. достигает 38,4%, что существенно превышает средний уровень ЕС и отражает устойчивые структурные дисбалансы в распределении доходов. В группе повышенных значений также выделяются Литва 35,3% и Латвия 34,2% в 2024 г.

На противоположной стороне находится Словакия, где показатель в 2024 г. составляет 21,7%, а также Словения 23,8% и Чехия 23,7%, что соответствует более высокой степени социальной связности и меньшим рискам социальной фрагментации. Для ESG-политики в ЕС данный разрыв между странами означает, что общеевропейская тенденция к снижению неравенства сосуществует с выраженной территориальной неоднородностью социальных результатов.

Наиболее показательны страны, демонстрирующие направленную корректировку неравенства в сторону сближения с более низкими уровнями. Польша снизила коэффициент Джини с 30,8% в 2014 г. до 26,0% в 2024 г., Ирландия с 31,0% до 26,4%, Румыния с 35,0% до 28,0%, что отражает усиление перераспределительных эффектов бюджетных инструментов. Одновременно в крупных экономиках ядра ЕС динамика более инерционна, например Германия сохраняет значения около 29,5% в 2024 г., а Франция демонстрирует увеличение до 30,0% в 2024 г. после более низких уровней в середине периода.

В рамках политики в области ESG совокупность данных наблюдений позволяет трактовать социальную политику ЕС как механизм, обеспечивающий умеренное снижение неравенства на агрегированном уровне при сохранении необходимости более адресной конвергенции результатов в странах с устойчиво высоким показателем Джини. Институционализация требований к раскрытию социальной информации (в частности, в рамках Директивы о корпоративной устойчивой отчетности (CSRD)), стимулирует

корпоративный сектор к формированию более сбалансированных и справедливых моделей распределения доходов.

Следующим показателем является выступает уровень почасовых затрат на оплату труда, позволяющий более точно оценить уровень жизни в странах-членах Евросоюза (таблица 11).

Таблица 11 – Почасовые затраты на оплату труда в странах членах-ЕС за 2012-2024 гг. (долл. США/час)

Страна / год	2012	2016	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение 2024 / 2023, %
Австрия	38,3	36,1	41,5	43,3	40,6	44,2	48,1	9%
Бельгия	49,0	42,8	46,2	48,4	45,7	50,9	52,1	2%
Болгария	4,4	5,0	7,5	8,4	8,6	10,0	11,4	14%
Венгрия	9,5	8,7	11,2	12,2	11,2	13,9	15,2	9%
Германия	39,3	36,4	42,0	44,0	41,6	44,7	46,9	5%
Греция	20,3	16,9	15,7	16,4	15,4	17,0	18,0	6%
Дания	50,8	45,8	51,2	54,2	49,5	52,2	54,1	4%
Ирландия	38,4	34,0	38,2	40,9	39,9	43,4	45,9	6%
Испания	27,2	23,5	26,2	27,0	24,5	26,5	27,5	4%
Италия	35,7	30,6	33,3	34,0	30,8	32,3	33,4	3%
Кипр	21,7	17,4	19,7	20,7	19,7	21,6	22,7	5%
Латвия	7,7	8,5	12,2	13,3	12,8	14,6	16,3	12%
Литва	7,6	8,2	11,7	13,7	13,8	15,9	17,6	11%
Люксембург	45,5	43,0	53,9	57,1	53,4	58,4	59,6	2%
Мальта	15,2	15,8	17,8	19,0	18,3	19,7	20,6	5%
Нидерланды	41,9	38,3	43,0	45,1	42,3	46,4	48,8	5%
Польша	10,2	9,7	12,4	13,6	13,1	15,7	18,7	19%
Португалия	17,2	15,1	17,2	18,2	16,9	18,4	19,7	7%
Румыния	5,3	5,9	9,3	10,0	10,0	11,9	13,5	14%
Словакия	11,5	11,3	15,6	17,0	16,5	18,6	20,0	8%
Словения	20,1	18,6	23,6	26,0	24,3	27,5	29,3	6%
Финляндия	40,4	37,4	38,8	41,4	37,7	40,1	40,7	2%
Франция	44,2	38,4	44,2	46,4	42,8	45,8	47,2	3%
Хорватия	12,3	10,5	12,9	13,7	13,2	15,6	17,8	15%
Чехия	12,9	11,4	16,6	17,8	17,0	19,4	19,7	1%
Швеция	48,1	41,8	43,3	48,1	42,2	41,8	43,5	4%
Эстония	11,1	12,0	16,1	17,7	17,2	19,8	21,2	7%
Итого по ЕС	31,5	28,4	32,4	34,0	31,8	34,5	36,2	5%

Источник: составлено автором по данным[123].

[123] Eurostat database: Labour cost levels. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lc_lci_lev/default/table?lang=en (дата обращения: 31.01.2026).

Анализ почасовых затрат на труд в странах Европейского союза показывает устойчивую тенденцию роста данного показателя в период 2012-2024 гг., что отражает постепенное повышение уровня оплаты труда и улучшение условий занятости в европейских странах. В среднем по ЕС почасовые затраты на труд увеличились с 31,5 долл. в 2012 году до 36,2 долл. в 2024 году, что соответствует росту на 5% по сравнению с 2023 годом. Такая динамика свидетельствует о постепенном укреплении социальных стандартов на рынке труда и росте стоимости рабочей силы.

Наиболее высокие значения почасовых затрат на труд наблюдаются в экономически развитых странах Западной и Северной Европы. В Люксембурге показатель достиг 59,6 долл. в 2024 году, что является максимальным значением среди стран ЕС. Высокий уровень затрат также характерен для Дании (54,1 долл.), Бельгии (52,1 долл.), Нидерландов (48,8 долл.), Австрии (48,1 долл.), Франции (47,2 долл.) и Германии (46,9 долл.). В этих странах уровень затрат на труд традиционно связан с высокой производительностью труда, развитой системой социальной защиты работников и значительной долей высококвалифицированной занятости.

В то же время в странах Центральной и Восточной Европы уровень почасовых затрат на труд остаётся существенно ниже, несмотря на заметные темпы роста. Например, в Болгарии показатель увеличился до 11,4 долл., в Румынии – до 13,5 долл., а в Венгрии – до 15,2 долл. Однако именно в этих странах наблюдаются наиболее высокие темпы прироста затрат на труд. Так, в Польше рост в 2024 году составил 19%, в Хорватии – 15%, в Болгарии – 14%, в Румынии –14%, а в Латвии – 12%. Подобная динамика отражает процессы экономической конвергенции внутри Европейского союза и постепенное сокращение разрыва в уровне оплаты труда между западными и восточными странами ЕС.

Одним из значимых индикаторов социальной устойчивости является уровень гендерного равенства, который прямо влияет на экономическую активность, качество социальных институтов и социальную сплочённость.

Таблица 12 отражает гендерный разрыв в оплате труда в странах-членах Европейского союза в период с 2010 по 2023 год. Показатель рассчитывается как разница между средней брутто-почасовой заработной платой мужчин и женщин в процентах от средней заработной платы мужчин. Данный индикатор позволяет оценить общий уровень гендерного неравенства в доходах, не учитывая структурные различия, такие как вид занятости, отрасль, стаж и образование.

Таблица 12 – Динамика гендерного разрыва в оплате труда в странах-членах ЕС за 2010-2023 гг., %

Страна / год	2010	2014	2018	2022	2023
Австрия	24,0	22,2	20,4	18,7	18,3
Бельгия	10,2	6,6	5,8	0,7	0,7
Болгария	13,0	14,2	13,9	12,6	13,5
Чехия	21,6	22,5	20,1	18,4	18
Дания	17,1	16,0	14,6	13,8	14
Германия	22,3	22,3	20,1	17,7	17,6
Эстония	27,7	28,1	21,8	21,1	16,9
Ирландия	13,9	13,9	11,3	9,3	8,6
Греция	15,0	12,5	10,4	13,5	13,6
Испания	16,2	14,9	11,9	9,2	9,2
Франция	15,6	15,5	16,7	12,8	12,2
Хорватия	5,7	8,7	11,4	7,7	7,4
Италия	5,3	6,1	5,5	3,8	2,2
Кипр	16,8	14,2	10,4	11,9	12,2
Латвия	15,5	17,3	19,6	18,9	19
Литва	11,9	13,3	14,0	10,5	11,5
Люксембург	8,7	5,4	1,4	-0,7	-0,9
Венгрия	17,6	15,1	14,2	17,5	17,8
Мальта	7,2	10,6	13,0	5,8	5,1
Нидерланды	17,8	17,0	14,7	14,0	12,5
Польша	4,5	7,7	8,5	7,8	7,8
Португалия	12,8	14,9	8,9	6,3	8,6
Румыния	8,8	4,5	2,2	1,5	3,8
Словения	0,9	7,0	9,3	6,8	5,4
Словакия	19,6	19,7	19,8	16,8	15,7
Финляндия	20,3	18,4	16,9	16,0	16,8
Швеция	15,4	13,8	12,1	10,4	11,2
Итого по ЕС	15,8	15,7	14,4	12,2	12,0

Источник: составлено автором по данным[124]

[124] Eurostat database: Gender pay gap, unadjusted. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_05_20/default/table (дата обращения: 31.01.2026).

Анализ представленных данных свидетельствует об устойчивой тенденции к снижению гендерного разрыва в оплате труда в Европейском союзе: если в 2010 году его значение составляло 15,8%, то к 2023 году оно сократилось до 12,0%. Такая динамика является следствием комплексных мер, реализуемых как на уровне Европейского союза, так и на уровне отдельных государств-членов, направленных на обеспечение равенства возможностей в сфере занятости и оплаты труда[125].

Наиболее выраженное сокращение разрыва наблюдается в ряде стран, демонстрирующих высокий уровень институционального и нормативного прогресса в вопросах обеспечения гендерного равенства. Так, в Бельгии показатель снизился с 10,2% в 2010 году до 0,7% в 2023 году, что отражает глубокую интеграцию принципов равной оплаты в национальную трудовую политику и систему отчетности. В Люксембурге зафиксирован не только полный паритет, но и обратный разрыв в размере –0,9%, указывающий на более высокие медианные значения почасовой оплаты среди женщин в отдельных секторах экономики.

В Италии, где начальный уровень гендерного разрыва был относительно низким (5,3% в 2010 году), снижение до 2,2% в 2023 году во многом связано с высокой долей женщин, занятых в госсекторе и в системе образования. В Испании снижение с 16,2% до 9,2% обусловлено внедрением национальных инициатив, направленных на повышение прозрачности оплаты труда и расширение доступа женщин к формальной занятости.

В то же время в ряде государств-членов ЕС сохраняется стабильно высокий уровень гендерного разрыва в оплате труда. В Эстонии, несмотря на снижение по сравнению с пиковыми значениями 2012 года (29,9%), в 2023 году он составил 16,9%, что указывает на сохраняющиеся структурные различия в распределении трудовых ресурсов по полу.

---

[125] Šimovičová S., Urbančíková N. Impact of Social, Economic and Gender Inequality on Prosperity in the European Union Countries // Quality Innovation Prosperity. – 2022. – Vol. 26, No. 3. – Pp. 66-87.

В Австрии, Германии и Чехии разрыв остаётся на уровне 17–18%, что объясняется высокой долей женщин в частичной занятости, а также их концентрацией в менее оплачиваемых секторах экономики. Нестабильная динамика наблюдается и в Латвии, Словакии и Венгрии, где значения показателя сохраняются на высоком уровне, что требует дальнейшего усиления национальных регуляторных механизмов и институциональной поддержки политики равной оплаты.

В рамках Европейского союза уровень гендерного неравенства рассматривается через Индекс глобального гендерного разрыва («Global Gender Gap Index»), ежегодно публикуемого Всемирным экономическим форумом (таблица 13). Индекс учитывает четыре субкомпонента: участие в экономической жизни страны, образовательные достижения, уровень здоровья, а также политическое участие.

Таблица 13 – Динамика Индекса глобального гендерного разрыва в странах Европейского союза в 2015–2024 гг.[126]

Страна / Год	2015	2016	2017	2018	2019	2021	2023	2024
Австрия	0,73	0,72	0,71	0,72	0,74	0,78	0,74	0,74
Бельгия	0,75	0,75	0,74	0,74	0,75	0,79	0,80	0,79
Болгария	0,72	0,73	0,76	0,76	0,73	0,75	0,72	0,72
Венгрия	0,67	0,67	0,67	0,67	0,68	0,69	0,69	0,69
Германия	0,78	0,77	0,78	0,78	0,79	0,80	0,82	0,81
Греция	0,69	0,68	0,69	0,70	0,70	0,69	0,69	0,71
Дания	0,77	0,75	0,78	0,78	0,78	0,77	0,78	0,79
Ирландия	0,81	0,80	0,79	0,80	0,80	0,80	0,80	0,80
Испания	0,74	0,74	0,75	0,75	0,80	0,79	0,79	0,80
Италия	0,73	0,72	0,69	0,71	0,71	0,72	0,71	0,70
Кипр	0,67	0,68	0,68	0,68	0,69	0,71	0,68	0,71
Латвия	0,75	0,76	0,76	0,76	0,79	0,78	0,79	0,77
Литва	0,74	0,74	0,74	0,75	0,75	0,80	0,80	0,79
Люксембург	0,74	0,73	0,71	0,71	0,73	0,73	0,75	0,74
Мальта	0,67	0,66	0,68	0,69	0,69	0,70	0,71	0,72
Нидерланды	0,78	0,76	0,74	0,75	0,74	0,76	0,78	0,78
Польша	0,72	0,73	0,73	0,73	0,74	0,71	0,72	0,74
Португалия	0,73	0,74	0,73	0,73	0,74	0,78	0,77	0,79

[126] Здесь и далее в представленных таблицах цветовая заливка ячеек отражает градацию значений показателей от наименьших, обозначенных красным цветом, к наибольшим, обозначенным зеленым цветом.

Продолжение таблицы 13

Румыния	0,69	0,69	0,71	0,71	0,72	0,70	0,70	0,72
Словакия	0,68	0,68	0,69	0,69	0,72	0,71	0,72	0,73
Словения	0,78	0,79	0,81	0,78	0,74	0,74	0,77	0,77
Финляндия	0,85	0,85	0,82	0,82	0,83	0,86	0,86	0,88
Франция	0,76	0,76	0,78	0,78	0,78	0,78	0,76	0,78
Хорватия	0,71	0,70	0,71	0,71	0,72	0,73	0,73	0,72
Чехия	0,69	0,69	0,69	0,69	0,71	0,71	0,69	0,68
Швеция	0,82	0,82	0,82	0,82	0,82	0,82	0,82	0,82
Эстония	0,75	0,75	0,73	0,73	0,75	0,73	0,78	0,77

Источник: составлено автором по данным[127]

Общая динамика Индекса глобального гендерного разрыва в странах Европейского союза за период 2015–2024 гг. характеризуется умеренным ростом значений в большинстве государств, что свидетельствует о поступательном прогрессе в направлении гендерного равенства в рамках социальной составляющей ESG-концепции.

Данные отражают устойчивое сближение уровней оплаты труда мужчин и женщин в ЕС как ключевой компонент социального аспекта политики в области ESG, связанный с равенством возможностей, качеством занятости и справедливостью распределения доходов. В среднем по ЕС гендерный разрыв сократился с 15,8% в 2010 г. до 11,1% в 2024 г., при этом снижение продолжилось и после 2022 г., когда показатель составлял 12,2%, до 12,0% в 2023 г. и 11,1% в 2024 г. Такая динамика согласуется с институциональным укреплением стандартов недискриминации и ростом требований к прозрачности практик оплаты труда в корпоративном секторе, что в логике ESG усиливает сопоставимость социальных результатов и повышает управляемость рисков неравенства на рынке труда.

Наиболее выраженная конвергенция наблюдается в странах, где разрыв приблизился к статистически минимальным значениям. Бельгия демонстрирует снижение до 0,7% в 2022–2024 гг., что указывает на закрепление практически паритетного режима оплаты. Люксембург фиксирует

[127] European Institute for Gender Equality (EIGE). Gender Equality Index. [Электронный ресурс]. URL: https://eige.europa.eu/gender-equality-index (дата обращения: 02.11.2025).

отрицательные значения, -0,9% в 2023 г. и -0,8% в 2024 г., что интерпретируется как обратный разрыв и может отражать отраслевую структуру занятости и распределение работников по уровням квалификации. Среди стран с устойчиво низкими значениями выделяется Румыния, где показатель составляет 1,5% в 2022 г. и 3,7% в 2024 г., а также Польша, где разрыв сокращается до 4,0% в 2024 г. по сравнению с 7,8% в 2022–2023 гг. В рамках ESG политики эти траектории характеризуют высокую результативность механизмов равной оплаты или структурные особенности занятости, которые снижают дифференциацию почасовой оплаты по полу.

Одновременно сохраняется группа стран с устойчиво высоким разрывом, что формирует социальный риск для цели инклюзивного роста и требует более адресных мер. Ряд стран удерживает двузначные значения на протяжении всего периода; например, в Чехия в 2024 г. он составлял 18,5%, в Австрии 17,6%, в Германии 15,6%, в Финляндии 16,3%, в Словакии 15,7%. Показательна также Эстония, где после 16,9% в 2023 г. наблюдается рост до 18,8% в 2024 г., что указывает на чувствительность разрыва к изменениям структуры занятости и оплаты по секторам.

В рамках реализации ESG-повестки на уровне всего Европейского союза акцент смещён на формирование равнодоступной среды занятости, устранение гендерных различий в оплате труда, повышение представленности женщин в органах управления и доступ к качественному образованию. Устойчивые улучшения по ряду стран (например, Португалия, Германия, Литва) могут быть связаны с имплементацией директив ЕС о гендерном балансе в советах директоров, развитием механизмов прозрачной отчётности в рамках ESG-отчётов, а также усилением гендерной компоненты в корпоративных стратегиях.

Влияние пандемии COVID-19, зафиксированное в 2021 году, привело к временному снижению индекса в ряде стран (в том числе в Люксембурге и Польше), что связано с ростом нагрузки на женщин в секторах здравоохранения и ухода, а также снижением занятости в «женских» секторах

экономики. В этом контексте важно подчеркнуть, что реализация политики в области ESG, в особенности ее социальной составляющей, способствует не только снижению уровня безработицы и выравниванию доходов, но и более широкому решению задач по обеспечению социальной справедливости. ESG-ориентированные инициативы направлены на устранение дискриминации, продвижение гендерного равенства и обеспечение равных возможностей на рынке труда, что прямо влияет на динамику таких показателей, как коэффициент Джини и гендерный разрыв в оплате труда.

Регуляторные инструменты ЕС, включая Директиву CSRD и Европейский индекс гендерного равенства (EIGE Gender Equality Index), стимулируют компании к прозрачному раскрытию информации о социальном воздействии, что, в свою очередь, повышает общественный контроль над вопросами социальной инклюзии.

Как показывают наблюдаемые в ряде стран ЕС положительные тенденции по снижению неравенства доходов и укреплению социальной защиты, именно интеграция ESG-принципов в корпоративную и государственную практику служит одним из факторов формирования более справедливых и инклюзивных моделей социально-экономического развития. Таким образом, социальный компонент политики в области ESG способствует не только улучшению макроэкономических показателей, но и решению структурных социальных проблем, актуальных для устойчивого развития Европейского союза.

2.1.3. «G» - аспекты корпоративного управления в ESG-концепции

В рамках управленческого компонента («G») политики в области ESG оцениваются такие ключевые показатели, как прозрачность институтов власти, качество корпоративного управления, борьба с коррупцией, данные о выпуске зеленых облигаций, а также уровень развития демократических институтов в странах-членах ЕС. Прозрачность является основой для создания эффективных и подотчетных государственных и частных структур,

обеспечивая открытость и доступность для граждан. Это критически важный элемент для функционирования как государственных органов, так и частных компаний, поскольку высокие стандарты управления способствуют устойчивому экономическому развитию, увеличению доверия к властям и снижению рисков коррупции. В условиях глобализации и роста общественного внимания к устойчивому развитию вопрос о прозрачности и эффективном управлении становится неотъемлемой частью корпоративной и государственной политики.

Зелёные облигации («green bonds») представляют собой специфический тип долговых ценных бумаг, эмиссия которых осуществляется исключительно для финансирования проектов, направленных на экологические цели. Эмитентами подобных бумаг в основном выступают как компании, которые реализуют подобные проекты, так и государственные учреждения или муниципалитеты. Правительства большинства стран-членов ЕС планируют увеличить финансирование экологически чистых проектов через государственные программы и частные инвестиции, что будет способствовать дальнейшему развитию рынка зелёных облигаций. Европейские инвесторы также проявляют активный интерес к данному типу ценных бумаг, поскольку они обеспечивают диверсификацию портфеля, а также становятся выгодными в долгосрочном периоде благодаря государственным субсидиям, налоговым льготам и растущему спросу на продукцию с низким углеродным следом.

Стоит отметить, что зеленые облигации существовали и до 2014 года, но выпускали их лишь в таких высокоразвитых странах, как Австрия, Германия, Нидерланды, Франция и Швеция. В дальнейшем к данному списку начали добавляться уже другие страны, с менее высокими экономическими показателями, но с активным продвижением ESG-политики среди компаний. В таблице 14 отражены данные, характеризующие выпуск зеленых облигаций за период с 2014 по 2023 гг. в разрезе стран-членов Евросоюза.

Таблица 14 – Выпуск зеленых облигаций с 2014 по 2023 гг. в разрезе стран-членов ЕС

Страна / Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Австрия	626,95	0,00	0,00	363,01	711,50	944,75	1 707,72	2 726,61	7 651,70	14 986,16
Бельгия	0,00	44,77	0,00	0,00	6 252,89	2 686,83	3 811,72	4 329,00	7 912,49	4 992,23
Болгария	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Хорватия	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Кипр	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	5,61
Чехия	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	1 015,82	485,30	1 469,12
Дания	0,00	585,68	0,00	2 033,80	876,52	5 604,19	2 310,11	8 002,18	10 953,79	10 097,51
Эстония	0,00	55,76	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	97,59
Финляндия	0,00	0,00	500,00	743,36	113,88	3 025,88	3 308,92	3 896,10	5 002,85	7 838,00
Франция	7 825,20	6 178,99	5 543,96	25 358,12	14 744,64	31 148,66	38 030,00	41 504,16	25 033,08	29 966,29
Германия	4 183,33	5 551,74	5 020,43	10 004,93	7 617,28	18 717,24	42 409,01	62 461,61	63 215,65	67 512,68
Греция	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	832,35	665,45	1 182,40	230,97	0,00
Венгрия	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	2 196,79	971,20	2 780,41	1 057,56
Ирландия	0,00	0,00	10,89	0,00	3 459,00	2 775,54	2 709,42	4 596,65	3 489,22	8 962,62
Италия	697,70	0,00	406,72	3 384,12	2 971,14	6 827,39	4 533,32	25 938,55	16 240,47	30 335,84
Латвия	0,00	84,93	28,45	23,69	0,00	0,00	0,00	176,95	105,68	53,27
Литва	0,00	0,00	0,00	342,27	376,24	22,32	52,93	28,27	24,91	42,17
Люксембург	0,00	0,00	267,82	0,00	997,76	1 720,55	2 176,85	6 973,02	3 759,42	799,64
Мальта	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Нидерланды	1 715,37	4 194,90	7 541,11	5 008,80	8 295,84	16 073,55	18 331,11	29 085,57	27 109,72	20 593,22
Польша	0,00	0,00	779,10	154,00	1 244,20	2 470,23	0,00	2 037,71	671,44	7 006,43
Португалия	0,00	0,00	0,00	0,00	695,10	1 923,71	2 987,93	2 743,02	1 299,08	2 406,93
Румыния	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	117,19	235,38	884,55
Словакия	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	156,53	603,57	318,06

Источник: составлено автором по данным[128].

[128] CBonds ESG-платформа. Статистика рынка зеленых облигаций и еврооблигаций. [Электронный ресурс]. URL: https://cbonds.ru/esg/ (дата обращения: 12.01.2026).

К 2023 году совокупный объем зеленых облигаций накопленным итогом по ЕС составил около 1,1 трлн долларов США. В разрезе стран наибольший совокупный объем за 2023 г. зафиксирован во Франции (30 млрд долл. США, 1% от ВВП), Италии (30 млрд долл. США, 1,3% от ВВП) и Германии (67,5 млрд долл. США, что составляет около 1,5% от ВВП за 2023 год). В трех странах-членах ЕС анализируемый показатель равен нулю ввиду того, что на их территориях не выпускались зеленые облигации, а именно – Болгария, Хорватия, Мальта. В целом, подобная ситуация может быть обусловлена таким фактором, как невысокий уровень развития финансового рынка.

Если в 2014 году лишь в 7 странах обращались зеленые облигации, то к 2023 году это число выросло до 24 (произошло увеличение в 3,5 раза). Ежегодный выпуск зеленых облигаций, согласно данным за 2023 год, составляет 245 млрд долларов США (для сравнения, значение данного показателя в 2014 году составляло 17 млрд долларов США). Наиболее внушительные результаты в рамках изменений можно заметить в 2017 году, когда общий объем зеленых облигаций вырос на 134%. Основной вклад внесли Франция (с 5 до 25 млрд долларов США, увеличение в 5 раз) и Германия (с 5 до 10 млрд долларов США, увеличение в 2 раза).

Наибольшее число эмитентов к 2023 году было зафиксировано в Швеции (37 шт.), Германии (38 шт.), Италии (27 шт.), Франции (21 шт.), Нидерланды (17 шт.). Совокупное число эмитентов в указанном году составило 197 шт., в то время как в 2014 году показатель фиксировался на уровне 27 шт.

Рост объёмов выпуска зелёных облигаций в странах ЕС непосредственно отражает степень распространения ESG-концепции, поскольку выпуск таких инструментов требует прозрачности, подотчётности и соблюдения установленных стандартов раскрытия информации о целевом использовании средств, что способствует укреплению практик ответственного управления. Участие в рынке зелёных облигаций предполагает наличие у эмитентов эффективных механизмов внутреннего контроля, процедур устойчивого финансового планирования и соответствия нормативным требованиям, что

отражает зрелость управленческих структур и интеграцию принципов добросовестного корпоративного управления.

Далее рассмотрим индекс восприятия коррупции (составной индекс, основанный на комбинации опросов и оценок коррупции из 13 различных источников, а также оценок и ранжирования стран)[129]. Полученная сводная оценка основана на том, насколько коррупционным воспринимается государственный сектор той или иной страны. Соответственно, чем ниже оценка – тем выше уровень коррупции в стране, согласно проведенному ранжированию. В таблице 15 приведены данные по данному показателю в разрезе стран-членов Европейского союза с 2014 по 2023 гг.

Таблица 15 – Индекс восприятия коррупции по странам-членам ЕС (за период с 2014 по 2023 гг.)

Страна / Год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Австрия	72	76	75	75	76	77	76	74	71	71
Бельгия	76	77	77	75	75	75	76	73	73	73
Болгария	43	41	41	43	42	43	44	42	43	45
Хорватия	48	51	49	49	48	47	47	47	50	50
Кипр	63	61	55	57	59	58	57	53	52	53
Чехия	51	56	55	57	59	56	54	54	56	57
Дания	92	91	90	88	88	87	88	88	90	90
Эстония	69	70	70	71	73	74	75	74	74	76
Финляндия	89	90	89	85	85	86	85	88	87	87
Франция	69	70	69	70	72	69	69	71	72	71
Германия	79	81	81	81	80	80	80	80	79	78
Греция	43	46	44	48	45	48	50	49	52	49
Венгрия	54	51	48	45	46	44	44	43	42	42
Ирландия	74	75	73	74	73	74	72	74	77	77
Италия	43	44	47	50	52	53	53	56	56	56
Латвия	55	56	57	58	58	56	57	59	59	60
Литва	58	59	59	59	59	60	60	61	62	61
Люксембург	82	85	81	82	81	80	80	81	77	78
Мальта	55	60	55	56	54	54	53	54	51	51
Нидерланды	83	84	83	82	82	82	82	82	80	79

[129] Индекс восприятия коррупции рассчитывается организацией Transparency International, которая признана нежелательной в Российской Федерации. Соответствующие данные используются в настоящей диссертации исключительно применительно к странам Европейского союза для их сравнения между собой ввиду отсутствия адекватных статистических альтернатив.

Продолжение таблицы 15

Польша	61	63	62	60	60	58	56	56	55	54
Португалия	63	64	62	63	64	62	61	62	62	61
Румыния	43	46	48	48	47	44	44	45	46	46
Словакия	50	51	51	50	50	50	49	52	53	54
Словения	58	60	61	61	60	60	60	57	56	56
Испания	60	58	58	57	58	62	62	61	60	60
Швеция	87	89	88	84	85	85	85	85	83	82

Источник: составлено автором по данным [130]

Страны-члены ЕС можно сгруппировать на три группы согласно ранжированию по индексу восприятия коррупции: высокий (75 – 100), средний (50 – 74) и низкий показатель индекса (0 – 49). В группу с высоким значением индекса входят такие страны, как Дания (среднее значение индекса – 90 п.), Финляндия (среднее значение индекса – 88 п.), Люксембург (среднее значение индекса – 81 п.), Нидерланды (среднее значение индекса – 83 п.), Швеция (среднее значение индекса – 87 п.). В «среднюю» группу включены следующие страны – Кипр, Литва, Польша, Португалия, Словения, Испания. В «группу риска» попадают страны с низким индексом, поскольку это говорит о проблематичности вопроса коррупции в стране (в данную группу входят Греция, Румыния, Болгария, Хорватия).

Проделанный анализ позволяет заключить, что наблюдается корреляция между индексом восприятия коррупции и уровнем экономического развития, при котором страны-члены ЕС с высокими темпами экономического роста и уровня социально-экономического развития в целом имеют высокое значение данного индекса. Стоит отметить, что в динамике индекс довольно стабилен, претерпевая в основном изменения не более, чем на 10 пунктов за период с 2014 по 2023 гг.

[130] Statbase: Corruption Perceptions Index (dataset). [Электронный ресурс]. URL: https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/corruption-perceptions-index/ (дата обращения: 15.01.2026). Данный источник опирается на базу данных организации Transparency International, которая признана нежелательной в Российской Федерации. Соответствующие данные используются в настоящей диссертации исключительно применительно к странам Европейского союза для их сравнения между собой ввиду отсутствия адекватных статистических альтернатив.

В целом, изменения незначительны в рамках всего Европейского союза, однако выделим две страны, в которых за указанный период был зафиксирован рост индекса на 17 пунктов – Италия (с 43 до 56) и Латвия (с 55 до 60). Также выделим страны, которые продемонстрировали негативную динамику в рамках индекса восприятия коррупции – Кипр (с 63 до 53, - 10 п.), Швеция (с 87 до 82, -5 п.), Нидерланды (с 83 до 79, -4 п.).

Корреляция между индексом восприятия коррупции и реализацией политики в области ESG в странах-членах Европейского союза носит характер взаимно усиливающейся институциональной зависимости. Высокие значения индекса ИВК являются индикатором сильных, прозрачных и подотчетных институтов, что создает необходимые предпосылки для успешной реализации политики в области ESG (развитая судебная система, высокий уровень доверия между бизнесом, государством и обществом и др.).

В свою очередь, Базельский индекс «Anti-Money Laundering» («Basel AML Index») является показателем, отражающим уязвимость стран к отмыванию денег и связанным с ним финансовым преступлениям. Он рассчитывается на основе 17 индикаторов, сгруппированных в пять областей:

1. качество системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма;
2. уровень взяточничества и коррупции,
3. уровень финансовой прозрачности,
4. уровень общественной прозрачности и подотчетности,
5. оценка правовой ситуации и политических рисков.

Индекс оценивает не объем отмывания денег, а институциональные и нормативные предпосылки риска, варьируясь от 0 (низкий риск) до 10 (высокий риск). В таблице 16 отражены значения Базельского индекса в разбивке по странам-членам Евросоюза.

Таблица 16 – Значения Базельского индекса в странах-членах ЕС за 2015-2024 гг.

Страна / год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Австрия	5,45	5,02	4,65	4,34	4,64	4,38	4,42	4,01	4,10	4,35
Бельгия	4,58	4,65	4,09	4,46	4,29	3,98	3,94	4,01	4,13	4,48
Болгария	3,79	3,83	3,84	3,53	3,51	3,12	#Н/Д	5,16	5,16	4,99
Хорватия	4,13	4,15	4,11	3,83	3,82	3,95	#Н/Д	4,74	4,66	4,53
Кипр	5,00	5,12	4,26	5,01	5,01	4,81	4,95	4,61	4,67	4,81
Чехия	4,55	4,66	3,65	4,12	4,15	4,29	4,28	3,81	3,82	3,85
Дания	4,23	4,08	2,98	4,11	3,95	3,46	3,46	3,56	3,36	3,50
Эстония	3,19	3,82	2,73	2,73	2,68	2,36	#Н/Д	#Н/Д	3,00	3,16
Финляндия	2,53	3,05	1,78	2,57	3,17	2,97	3,06	2,88	2,96	3,07
Франция	4,79	5,03	3,95	4,12	4,09	3,92	#Н/Д	3,52	3,58	3,86
Германия	5,48	5,33	4,40	4,44	4,49	4,42	#Н/Д	4,21	4,29	4,63
Греция	5,83	5,53	4,21	4,56	4,56	3,73	3,67	3,71	3,70	3,66
Венгрия	4,06	4,15	4,56	4,92	4,90	4,99	5,04	4,98	4,94	5,06
Ирландия	4,27	4,54	4,02	4,58	4,55	4,46	4,45	4,00	4,01	4,23
Италия	5,23	5,36	4,64	5,09	4,99	4,61	4,57	4,55	4,56	4,80
Латвия	4,98	4,91	3,64	3,98	4,89	4,62	4,61	3,96	4,00	4,08
Литва	3,67	3,62	3,67	3,12	3,55	3,51	3,51	3,43	3,47	3,54
Люксембург	5,93	5,89	5,14	5,11	4,82	4,74	#Н/Д	#Н/Д	3,67	3,99
Мальта	4,03	4,49	3,66	3,96	3,94	5,48	5,45	4,83	4,65	5,18
Нидерланды	5,02	4,99	4,30	4,90	4,86	4,56	#Н/Д	4,06	4,15	4,52
Польша	3,99	4,40	3,62	4,38	4,34	4,36	#Н/Д	4,39	4,46	4,34
Португалия	4,12	4,21	3,95	4,66	4,10	3,66	3,85	4,00	4,08	4,09
Румыния	4,58	4,46	4,49	4,75	4,76	4,79	#Н/Д	#Н/Д	4,90	4,99
Словакия	4,66	4,88	3,95	4,13	4,04	3,95	4,37	4,35	4,22	4,39
Словения	3,41	4,06	2,78	3,75	3,70	3,35	3,30	3,37	3,57	3,54
Испания	5,02	4,94	4,00	4,45	4,42	3,66	3,59	3,88	3,96	4,29
Швеция	3,99	4,32	3,40	3,75	3,51	3,32	3,36	3,12	3,20	3,45

Источник: составлено автором по данным[131]

Изменения значений Базельского индекса по странам Европейского союза в период с 2015 по 2024 год позволяют выявить ключевые тенденции в части реализации антимонопольной политики и в борьбе с финансовыми преступлениями, а также оценить влияние реформ и внешних факторов на уровень системного риска.

[131] Basel AML Index: Public Ranking // Basel Institute on Governance. [Электронный ресурс]. URL: https://index.baselgovernance.org/ranking (дата обращения: 20.01.2026).

Одним из наиболее показательных примеров положительной динамики является Эстония: 2015 году значение индекса составило 3,19, но к 2020 году оно снизилось до 2,36, что является одним из самых низких уровней в ЕС за весь рассматриваемый период. Подобное снижение было обусловлено внедрением передовых цифровых решений в государственном управлении и активизацией мер по финансовому мониторингу после скандала с отмыванием денег через эстонское подразделение «Danske Bank». Несмотря на отсутствие данных в 2021–2022 гг., к 2024 году индекс Эстонии составил 3,16, что указывает на устойчивость проведённых реформ и способность страны адаптироваться к возникающим рискам.

Финляндия также продемонстрировала значительное улучшение показателей: с уровня 2,53 в 2015 году индекс снижался с колебаниями и достиг 3,07 в 2024 году. Улучшения в финской системе были связаны с развитием механизмов публичной прозрачности, активным участием в международных инициативах по борьбе с финансовыми преступлениями и усилением контроля за корпоративными структурами. Похожую динамику показывает Дания, где снижение индекса с 4,23 в 2015 до 3,50 в 2024 году во многом объясняется институциональными мерами по усилению комплаенс-контроля, что стало ответом на имевшие место критические инциденты в банковской системе[132].

В то же время Франция, начавшая с относительно высокого уровня риска (5,03 в 2016 году), продемонстрировала устойчивое снижение индекса до 3,86 к 2024 году. Такое снижение стало результатом институциональных преобразований, в частности усиления роли финансовой разведки «Tracfin» и внедрения более строгих регламентов по выявлению бенефициарных владельцев. Существенное влияние оказала и реализация Пятой директивы ЕС

[132] Bruno M., Lagasio, V. An Overview of the European Policies on ESG in the Banking Sector // Sustainability. – 2021. – Vol. 13.

по противодействию отмыванию денег, которая способствовала повышению прозрачности финансовых операций[133].

Некоторые страны, напротив, за рассматриваемый период демонстрировали тенденцию к росту рисков в данной области: в Венгрии, например, увеличилось значение индекса с 4,06 в 2015 г. до 5,06 в 2024 г. Подобное ухудшение связано с ослаблением независимости антикоррупционных институтов, политизацией судебной системы и ограничениями в доступе к информации о государственных закупках. Похожая ситуация наблюдается и в Болгарии, где значения Базельского индекса выросло с 3,12 в 2020 году до 5,16 в 2022–2023 гг. Факторами роста риска стали политическая нестабильность, частая смена правительств, а также недостаточная эффективность в реализации реформ, направленных на усиление институционального контроля и борьбу с коррупцией.

Особый случай представляет Мальта, чьи значения индекса значительно возросли (с 4,03 в 2015 году до 5,18 в 2024 году). Причинами стали системные проблемы в регулировании финансового сектора, злоупотребления в программе предоставления гражданства за инвестиции, а также ряд коррупционных скандалов, вызвавших критику со стороны ЕС и Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF). Несмотря на последующие шаги по реформированию надзорной системы, общественное и экспертное восприятие уровня риска осталось на высоком уровне.

Италия, в свою очередь, сохранила относительно высокий уровень риска на протяжении всего периода, несмотря на постепенное снижение индекса с 5,36 в 2016 году до 4,80 в 2024. Это свидетельствует о структурных проблемах, в том числе сохраняющемся влиянии организованной преступности в южных регионах страны и трудностях в обеспечении надлежащего контроля над

[133] Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/843/oj/eng (дата обращения: 16.01.2026).

теневым сектором экономики. В Греции, аналогично, несмотря на сокращение индекса с 5,83 в 2015 году до 3,66 в 2024, существует определённый уровень риска, связанный с институциональной нестабильностью и необходимостью дальнейшего усиления комплаенс-практик.

Таким образом, ключевые изменения в динамике Базельского индекса AML среди стран-членов ЕС отражают не только общий тренд на усиление нормативного регулирования, но и существенные различия в эффективности национальных стратегий по противодействию отмыванию денег. Факторы, определяющие успех этих стратегий, включают институциональную независимость, политическую волю, прозрачность финансовой среды и способность адаптироваться к новым формам экономических преступлений.

Рассмотрим далее значения Индекса свободы прессы, публикуемого организацией «Репортеры без границ» (RSF).[134] Этот индекс представляет собой комплексный показатель, оценивающий степень свободы, доступной журналистам в 180 странах. Он формируется на основе качественного анализа экспертных анкет по шести ключевым критериям (плюрализму, независимости СМИ, медиасреде и самоцензуре, законодательной базе, прозрачности и инфраструктуре), а также количественных данных о злоупотреблениях и насилии в отношении представителей СМИ. Итоговый балл, варьирующийся от 0 до 100, интерпретируется по пяти шкалам: от «очень плохо» до «хорошо» (таблица 17).

Таблица 17 – Значения Индекса свободы прессы в странах-членах Евросоюза в 2015-2024 гг.

Страна / год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Австрия	89,15	86,82	86,53	85,96	84,67	84,22	83,66	76,74	77,3	74,69
Бельгия	88,02	85,82	87,25	86,84	87,93	87,43	88,31	78,86	76,47	81,49
Болгария	67,09	65,54	64,99	64,78	64,89	64,94	62,71	59,12	62,98	65,32
Венгрия	72,56	71,83	70,99	70,89	69,56	69,16	68,24	59,8	62,96	62,98
Германия	88,53	85,2	85,03	85,61	85,4	87,84	84,76	82,04	81,91	83,84

[134] Организация «Репортеры без границ» признана нежелательной в Российской Федерации. Составляемый ею Индекс свободы прессы используется в настоящей диссертации исключительно применительно к странам Европейского союза для их сравнения между собой ввиду отсутствия адекватных статистических альтернатив.

Продолжение таблицы 17

Греция	68,99	69,65	69,11	70,81	70,92	71,2	70,99	55,52	55,2	57,15
Дания	91,76	91,11	89,64	86,01	90,13	91,87	91,43	90,27	89,48	89,6
Ирландия	88,8	87,6	85,92	85,41	85	87,4	88,09	88,3	89,91	85,59
Испания	80,05	80,08	81,31	79,49	78,01	77,84	79,56	76,71	75,37	76,01
Италия	72,06	71,07	73,74	75,88	75,02	76,31	76,61	68,16	72,05	69,8
Кипр	83,48	81,74	80,21	80,15	78,26	79,55	80,15	65,97	68,62	63,14
Латвия	81,88	82,62	81,38	80,37	80,47	81,44	80,74	79,17	83,27	82,9
Литва	81,2	80,05	78,63	77,8	77,94	78,81	79,85	84,14	86,79	81,73
Люксембург	86,39	85,57	85,28	85,28	84,34	84,54	82,44	79,81	81,98	83,8
Мальта	75,84	76,16	75,24	72,56	70,26	69,84	69,54	61,55	59,76	60,96
Нидерланды	90,78	91,24	88,72	89,99	91,37	90,04	90,33	77,93	87	87,73
Польша	87,29	76,11	73,53	73,41	71,11	71,35	71,16	65,64	67,66	69,17
Португалия	82,89	82,73	84,23	85,83	87,37	88,17	89,89	87,07	84,6	85,9
Румыния	75,1	75,71	75,54	76,35	74,33	74,09	75,09	68,46	69,04	68,45
Словакия	88,34	86,74	84,49	79,74	76,42	77,33	76,98	78,37	83,22	76,03
Словения	79,45	77,74	78,3	78,31	77,69	77,36	76,9	68,54	70,59	72,6
Финляндия	92,48	91,41	91,08	89,74	92,1	92,07	93,01	88,42	87,94	86,55
Франция	78,85	76,17	77,76	78,13	77,79	77,08	77,4	78,53	78,72	78,65
Хорватия	73,88	72,09	70,41	71,06	70,97	71,49	72,05	70,42	71,95	68,79
Чехия	88,38	83,34	83,09	78,11	75,11	76,43	76,62	80,54	83,58	80,14
Швеция	90,53	87,67	91,73	91,69	91,69	90,75	92,76	88,84	88,15	88,32
Эстония	88,81	85,69	86,45	85,92	87,73	87,39	84,75	88,83	85,31	86,44

Источник: составлено автором по данным[135]

Анализ динамики Индекса свободы прессы в странах Европейского союза за период с 2015 по 2024 гг. позволяет выявить как общие тенденции, так и существенные колебания в отдельных государствах. В ряде стран, таких как Финляндия, Швеция и Дания, наблюдается устойчиво высокая оценка, что свидетельствует о стабильной и благоприятной среде для работы СМИ. Например, Финляндия в течение всего периода сохраняла одни из самых высоких показателей (выше 90 баллов), подтверждая статус страны с самым свободным медийным пространством в ЕС, несмотря на небольшое снижение

[135] Reporters Without Borders. World Press Freedom Index. [Электронный ресурс]. URL: https://rsf.org/en/index (дата обращения: 18.01.2026). Данный электронный ресурс принадлежит организации, признанной нежелательной в Российской Федерации. Соответствующие данные используются в настоящей диссертации исключительно применительно к странам Европейского союза для их сравнения между собой ввиду отсутствия адекватных статистических альтернатив.

после 2021 года, что связано с глобальным усилением давления на СМИ (в том числе в контексте необходимости обеспечения цифровой безопасности).

В то же время Германия демонстрировала относительную стабильность до 2020 года, после чего наблюдалось снижение до 82,04 балла в 2022 году, что объясняется ростом актов насилия на демонстрациях и усилением протестных движений, сопровождавшихся нападениями на журналистов. Восстановление показателя в 2023–2024 годах указывает на адаптацию правовой системы и медиасреды к новым вызовам.

Страны Восточной Европы демонстрируют более сложную и подверженную колебаниям динамику. Так, в Польше индекс резко снизился после 2015 года (с 87,29 до 73,41 в 2018-м, достигнув минимума в 2022 году – 65,64), что связано с политическим давлением на общественные СМИ, изменениями в законодательстве, ограничивающими редакционную независимость, и усилением роли государственных органов в медиапространстве.

Схожие тенденции наблюдаются и в Венгрии, где с 2015 по 2024 год индекс снизился с 72,56 до 62,98 балла, что отражает централизацию медиапейзажа вокруг провластных структур, ограничение доступа к независимой информации и рост самоцензуры в профессиональной среде. Аналогичным образом в Болгарии и Румынии, несмотря на эпизодические улучшения, уровень свободы прессы остаётся в диапазоне «проблематично», что указывает на сохраняющиеся структурные проблемы, в том числе слабую защиту журналистов от давления и ограниченную прозрачность медиаинститутов.

Отдельного внимания заслуживает Греция, где после относительной стабильности до 2021 года произошел резкий спад в 2022 году (55,52 балла), который свидетельствует о глубоком кризисе доверия к СМИ, а также росте насилия и слежки в отношении журналистов, что было подтверждено международными расследованиями в связи с использованием программ

шпионажа против репортёров (слабое восстановление в последующие два года не компенсировало этот спад).

Интересным представляется опыт Литвы, где наблюдается рост индекса с 77,8 баллов в 2018 году до пика в 2023 году (86,79), что связано с активной трансформацией информационной политики на фоне региональной напряжённости и попытками укрепления информационного суверенитета. Повышенное внимание к прозрачности и улучшению законодательной базы обеспечило значительное улучшение условий для работы журналистов.

Ситуация в Нидерландах, несмотря на высокий начальный показатель, претерпела резкий спад в 2022 году до 77,93, что объясняется резонансным убийством криминального журналиста Питера де Вриса и усилением угроз в отношении представителей медиа. Однако быстрый рост в последующие два года указывает на успешную реакцию государства на вызовы, включая усиление мер защиты журналистов.

Таким образом, динамика Индекса свободы прессы в странах-членах ЕС демонстрирует, с одной стороны, стабильность и высокий уровень свободы в странах Северной и Западной Европы, а с другой – уязвимость институтов свободы прессы в государствах Центральной и Восточной Европы. Основные колебания индекса обусловлены как политическими вмешательствами в медийную сферу, так и ростом физической угрозы журналистам (особенно в условиях социальных протестов, кризисов и международной нестабильности).

В свою очередь, Индекс верховенства права («World Justice Project») является комплексным инструментом для оценки соблюдения принципов верховенства права в различных странах. Он охватывает разнообразные аспекты правового государства (включая независимость судебной власти, прозрачность государственных институтов, защиту прав человека, контроль за уровнем коррупции и доступность системы правосудия). Одним из важнейших параметров индекса является «Прозрачность институтов власти», который оценивает степень открытости правительства и доступности

правительственной информации для граждан и включает в себя несколько ключевых аспектов.

Во-первых, он оценивает общедоступность законов и правительственных данных, что предполагает доступность информации о законах и правах, представленных на понятном языке и в различных форматах, включая печатные издания и интернет-ресурсы. Во-вторых, демонстрирует право граждан на получение информации, оценивая эффективность удовлетворения запросов граждан о предоставлении информации, ее полноту, актуальность и доступность без коррупционных барьеров. Третий аспект заключается в гражданском участии, который анализирует эффективность механизмов вовлечения граждан в процесс принятия решений, включая свободу выражения мнений, свободу собраний и право на подачу петиций. Наконец, он включает оценку механизмов подачи жалоб, что показывает, насколько свободно граждане могут обращаться с жалобами на действия государственных органов и как эффективно власти реагируют на эти жалобы и принимают меры для исправления нарушений.

С 2021 года наблюдается расширение охвата стран-членов Европейского союза в рамках Индекса верховенства закона, что выразилось в увеличении числа исследуемых государств с 20 до 27. Одной из главных причин этого расширения является стремление Европейской комиссии и других профильных органов обеспечить более полный и всеобъемлющий мониторинг правовых стандартов в пределах всего Европейского союза. До 2021 года ряд исследовательских инициатив (включая пилотные выпуски «Отчета о верховенстве права», «*Rule of Law Report*»[136]) и отдельные аналитические отчеты, охватывали не все государства-члены ЕС, что ограничивало возможности для полноценного сопоставительного анализа и объективной оценки общей ситуации с верховенством закона на уровне Европейского союза.

---

[136] Rule of Law Report. [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/annual-rule-law-cycle_en (дата обращения: 10.01.2026).

С 2021 года Европейский союз активизировал усилия по мониторингу соблюдения этих принципов в государствах-членах, особенно в контексте растущего напряжения в вопросах правового порядка в некоторых странах, таких как Польша и Венгрия. В частности, Европейская комиссия начала регулярную ежегодную публикацию «Отчетов о верховенстве права», который охватывает все 27 государств-членов (таблица 18).

Таблица 18 – Прозрачность институтов власти в странах-членах ЕС в 2015-2024 гг.

Страна / год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Австрия	0,76	0,75	0,72	0,72	0,72	0,71	0,7	0,71	0,7	0,68
Бельгия	0,74	0,73	0,75	0,75	0,77	0,76	0,78	0,78	0,76	0,76
Болгария	0,59	0,58	0,55	0,55	0,54	0,56	0,56	0,56	0,57	0,6
Венгрия	0,54	0,52	0,49	0,49	0,46	0,46	0,44	0,44	0,45	0,45
Германия	0,79	0,79	0,79	0,79	0,79	0,79	0,8	0,79	0,79	0,79
Греция	0,61	0,57	0,6	0,6	0,61	0,61	0,61	0,6	0,61	0,6
Дания	0,87	0,86	0,86	0,86	0,86	0,88	0,87	0,87	0,86	0,86
Ирландия	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	0,8	0,8	0,79	0,81
Испания	0,68	0,68	0,69	0,69	0,7	0,71	0,7	0,7	0,7	0,69
Италия	0,64	0,63	0,64	0,64	0,63	0,63	0,63	0,63	0,63	0,64
Кипр	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	0,61	0,6	0,6	0,6
Латвия	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	0,74	0,72	0,72	0,73
Литва	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	0,73	0,75	0,75	0,76
Люксембург	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	0,79	0,79	0,82	0,81
Мальта	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	0,63	0,63	0,64	0,63
Нидерланды	0,85	0,85	0,84	0,84	0,82	0,82	0,82	0,83	0,83	0,81
Польша	0,72	0,72	0,66	0,66	0,63	0,6	0,59	0,6	0,58	0,65
Португалия	0,68	0,67	0,68	0,68	0,67	0,66	0,66	0,65	0,64	0,63
Румыния	0,66	0,67	0,66	0,66	0,62	0,61	0,62	0,63	0,63	0,62
Словакия	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	0,69	0,69	0,69	0,71
Словения	0,65	0,66	0,67	0,67	0,65	0,65	0,65	0,65	0,66	0,66
Финляндия	0,84	0,85	0,86	0,86	0,87	0,86	0,87	0,86	0,86	0,86
Франция	0,77	0,77	0,8	0,8	0,79	0,78	0,76	0,76	0,75	0,74
Хорватия	0,61	0,59	0,62	0,62	0,61	0,61	0,6	0,61	0,61	0,6
Чехия	0,7	0,69	0,66	0,66	0,66	0,67	0,68	0,69	0,69	0,72
Швеция	0,88	0,84	0,85	0,85	0,86	0,86	0,86	0,85	0,84	0,84
Эстония	0,81	0,81	0,79	0,79	0,8	0,81	0,8	0,8	0,81	0,81

Источник: составлено автором по данным[137]

[137] World Justice Project. Rule of Law Index. [Электронный ресурс]. URL: https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index (дата обращения: 18.01.2026).

Динамика показателей прозрачности институтов власти в странах-членах Европейского союза в период с 2015 по 2024 год иллюстрирует существенные изменения в уровне доверия к государственным институтам и их функционированию, что связано с политическими, социальными и экономическими изменениями.

В странах Северной Европы, таких как Финляндия, Швеция и Дания, индекс прозрачности оставался на стабильно высоком уровне в рассматриваемый период. Финляндия, в частности, сохраняла один из лучших показателей, с небольшими колебаниями от 0,84 в 2015 году до 0,86 в 2024 году. Это свидетельствует о высокой степени доверия граждан к институтам власти, что объясняется как высокими стандартами управления и низким уровнем коррупции, так и активно развивающейся прозрачной политической и законодательной системой.

В то же время страны Западной Европы, такие как Германия, Франция и Бельгия, демонстрировали стабильность, но с некоторыми знаковыми падениями, отражающими растущее недовольство граждан политическими элитами и проблемы с коррупцией на уровне местных властей. Германия, имея индекс прозрачности на уровне 0,79 в 2024 году, сохранила высокий уровень, несмотря на повышение общественного внимания к случаям коррупции, связанным с региональными властями и финансовыми скандалами.

Франция, напротив, показала небольшой спад, с 0,77 в 2015 году до 0,74 в 2024 году, что связано с несколькими факторами, включая усиливающееся недовольство в обществе по поводу политической элиты и некоторых коррупционных дел, которые привели к падению уровня доверия к государственным институтам. В Бельгии индекс также показал незначительные колебания, но оставался стабильным в пределах 0,74–0,76, что демонстрирует умеренное доверие к политической системе, хотя коррупционные скандалы и изменения в законодательстве, направленные на усиление контроля над политическими процессами, оказывали давление на прозрачность институтов власти.

Центрально- и Восточноевропейские страны, такие как Венгрия, Польша и Болгария, испытывали более значительные изменения. В Венгрии индекс снизился с 0,54 в 2015 году до 0,45 в 2024 году, что является ярким примером падения прозрачности институтов власти. В Польше индекс также снизился с 0,72 в 2015 году до 0,65 в 2024 году, что отражает схожие процессы, связанные с политическими реформами, направленными на увеличение контроля над судебной системой и вмешательство в работу независимых медиа.

В Румынии, несмотря на небольшие улучшения, индекс остался относительно стабильным на уровне 0,62–0,63, что свидетельствует о длительных проблемах с коррупцией и недостаточной реформаторской активностью в управлении государственными институтами. С другой стороны, Словакия показала более положительную динамику, с ростом индекса с 0,69 в 2021 году до 0,71 в 2024 году, что связано с усилением законодательных инициатив, направленных на борьбу с коррупцией, а также с более высокими стандартами прозрачности в институтах власти, особенно в сфере управления финансами.

Латвия и Литва, также показали улучшение показателей прозрачности. Латвия, например, увеличила свой индекс с 0,72 в 2022 году до 0,73 в 2024 году, что можно объяснить укреплением демократических институтов и активной борьбой с коррупцией. Литва продемонстрировала аналогичные улучшения, с ростом показателя с 0,75 до 0,76, что отражает положительные изменения в госуправлении и законодательной сфере.

Стоит отметить, что динамика прозрачности институтов власти в странах-членах ЕС показывает, что в странах Северной и Западной Европы уровень прозрачности остается высоким, однако в Центральной и Восточной Европе, особенно в странах, переживающих политические и экономические реформы, наблюдаются более значительные колебания, часто связанные с ухудшением политической ситуации, усилением коррупции и ограничением демократических свобод.

Резюмируя, анализ показателей качественного управления в странах-членах Европейского союза демонстрирует разнообразные значения в зависимости от региона и конкретной страны. В странах с развитыми демократическими институтами (таких как Дания, Финляндия и Швеция), уровень прозрачности и качества управления оставался стабильно высоким, что способствовало поддержанию доверия граждан к институтам власти и успешному развитию экономики. Данные страны внедряли передовые стандарты корпоративного управления и активно работали над повышением прозрачности государственных органов, что позволило минимизировать коррупционные риски и улучшить общий инвестиционный климат.

Однако в странах Центральной и Восточной Европы, таких как Венгрия, Польша и Болгария, ситуация с качественным управлением и прозрачностью институтов власти носит более сложный характер. В этих странах наблюдается тенденция к снижению показателей, что связано с усилением политического контроля над СМИ, вмешательством в работу судебных органов и ростом коррупционных рисков. Так, Венгрия и Польша в последние годы демонстрируют явное ухудшение ситуации с уровнем управления, что отражается на снижении доверия к их институтам. Проблемы с коррупцией и недостаточная реформа правовых механизмов, направленных на борьбу с коррупцией, остаются серьезным препятствием для достижения устойчивого развития и привлечения иностранных инвестиций в эти страны.

Негативные изменения в индексе управления также наблюдаются в ряде стран Южной Европы, таких как Греция и Италия, где коррупционные скандалы и политическая нестабильность оказали давление на качество управления и прозрачность государственных институтов. В этих странах проблемы с коррупцией, слабая борьба с финансовыми преступлениями и низкий уровень публичной отчетности остаются важными вызовами, требующими комплексных реформ.

В то же время, такие страны как Латвия и Литва демонстрируют положительные изменения, что свидетельствует о стремлении к улучшению

государственного управления и большей прозрачности. Эти страны успешно реализуют реформы, направленные на улучшение качества демократических институтов, что помогает улучшить положение с управлением в их экономиках.

В целом, результаты анализа показателей в рамках компонента «G» в странах ЕС показывают, что достижение качественного управления зависит от ряда факторов, включая политическую волю, наличие независимых институтов и способность стран адаптироваться к глобальным вызовам. Прозрачность и качество управления остаются ключевыми компонентами для достижения долгосрочного экономического роста и повышения уровня доверия среди граждан и инвесторов.

Резюмируя все вышеизложенное, можно заключить, что наличие у стран Европейского союза достаточного ресурсного потенциала по состоянию на 2025 год предопределяет восприятие ESG-повестки как эволюционного процесса институциональной модернизации[138]. Тем самым реализация целей устойчивого развития опирается на уже сформированный комплекс взаимодополняющих ресурсов и механизмов, обеспечивающих масштабирование «зелёного» перехода при сохранении макроэкономической устойчивости.

Прежде всего, в рамках европейского блока сформирован финансовый контур: расширяющийся рынок «устойчивого» долга (т.е. долговых обязательств, направленных на финансирование устойчивого развития) в сочетании с фискальными источниками (углеродное ценообразование, экологические налоги, целевые программы) обеспечивает предсказуемость и длительность инвестиционных циклов, тем самым снижая стоимость капитала для качественных проектов и повышая устойчивость финансирования в средне- и долгосрочной перспективе. В то же время глубина финансовых рынков остаётся неоднородной, поскольку ключевые центры устойчивого

[138] Tutak M., Brodny J., Siwiec D., Ulewicz R., Bindzár P. Studying the Level of Sustainable Energy Development of the European Union Countries and Their Similarity Based on the Economic and Demographic Potential // Energies. – 2020. – Vol. 13.

финансирования сосуществуют с юрисдикциями ограниченной финансовой ёмкости, что предполагает востребованность трансграничных площадок и участия наднациональных институтов развития. Следовательно, для выравнивания доступа к «зелёным» финансовым инструментам необходимы механизмы снижения издержек раскрытия и стандартизации практик.

Европейский человеческий капитал также демонстрирует адаптивность к структурным сдвигам: усиливаются механизмы переквалификации и обучения в течение всей жизни, растёт занятость в секторах ВИЭ, циркулярной экономики и предоставления экологических услуг[139]. Соответственно, уменьшаются социальные барьеры перехода и укрепляется кадровый потенциал база для внедрения технологически и организационно сложных ESG-решений. Одновременно наличие задела по низкоуглеродным и ресурсосберегающим технологиям, а также по системам мониторинга и отчётности ускоряет диффузию лучших практик между странами-членами ЕС и отраслями, снижая транзакционные издержки внедрения и повышая воспроизводимость результатов.

Энергетическая база Евросоюза характеризуется полиэнергетической специализацией. На союзном уровне институционально увязаны цели декарбонизации и безопасность поставок, тогда как на страновом уровне сочетаются модели ускоренного развития ветро- и солнечной генерации, поддержка низкоуглеродной базовой мощности, модернизация сетей и накопителей. Вследствие этого возрастают требования к межсетевой и рыночной интеграции, обеспечивающей надёжность и гибкость энергоперехода.

В ходе анализа выявлено, что инфраструктурные вложения концентрируются в «твёрдых» экосистемах (обращение с отходами, очистка сточных вод, охрана воздуха, радиационная безопасность) и сопутствующих цифровых решениях. Тем самым формируются возможности для дальнейшего

[139] Су Ф., Осипов В.С. Перспективы декарбонизации черной металлургии в контексте становления циркулярной экономики // Проблемы теории и практики управления. – 2025. – № 7. – С. 6-21.

масштабирования проектов: от локальных ВИЭ-кластеров до индустриальных программ повышения ресурсоэффективности.

Таким образом, ресурсный потенциал ЕС в целом следует оценивать как достаточный для поддержания целевой траектории в части реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления. Однако внутрисоюзная неоднородность в части структуры экономик, стоимости капитала и энергоёмкости предопределяет необходимость:

– ускоренного внедрения технологически сложных проектов в развитых финансовых центрах;

– расширения доступа к наднациональным инструментам и стандартизации раскрытий в странах-членах ЕС с ограниченной финансовой глубиной;

– синхронизации инфраструктурной модернизации с программами переквалификации и адресной социальной поддержкой в более энергоёмких экономиках.

Подобный подход обеспечит конвертацию накопленных ресурсов в устойчивый экономический рост при одновременном снижении экологических и социальных рисков.

2.2 Приоритетные направления реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза

Наличие рассмотренных выше финансовых, кадровых, технологических, энергетических, инфраструктурных и правовых ресурсов позволяет перейти от констатации ресурсного потенциала стран Европейского союза к изучению практических аспектов их применения в ходе реализации политики в области ESG. Соответственно, необходимо выявить то, каким образом ресурсный потенциал трансформируется в управляемые

инвестиционные потоки, институциональные стимулы и операционные решения на уровне стран-членов ЕС. Ключевым звеном такой трансформации выступает общеевропейская нормативная архитектура. Связка корпоративных стандартов (CSRD/ESRS), финансовых стандартов (SFDR) и классификации устойчивых видов деятельности (EU Taxonomy) формирует единую логическую цепочку: «производство сопоставимых нефинансовых данных на уровне компаний»; «стандартизация информации о финансовых продуктах»; «аллокация капитала в приоритетные виды деятельности».

Национальные энергетико-климатические планы, рассмотренные ранее в исследовании, и отраслевые стратегии операционализируют данную рамку на страновом уровне, задавая последовательность реализации проектов по ВИЭ, сетевой инфраструктуре, энергоэффективности и декарбонизации европейской промышленности.

Рассмотрение аспектов, связанных с практической реализацией политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза, позволяет выявить четкую связь «проблема – приоритет». Так, в странах с ограниченным фискальным потенциалом экологического налогообложения (таких как Румыния, Болгария и Польша) ограниченность бюджетного софинансирования повышает значимость экологической налоговой реформы, адресных программ энергоэффективности и ускоренного ввода установок на основе возобновляемых источников энергии. В Польше высокий уровень углеродоемкости электро- и теплоснабжения усиливает значение приоритета модернизации сетевой инфраструктуры, диверсификации генерации и реализации программ справедливого перехода в угольных регионах.

В государствах с низкой долей возобновляемой генерации (включая Венгрию, Люксембург, Чехию и Мальту) доминирует инфраструктурная проблема. Соответственно, приоритетами в контексте реализации политики в области ESG становятся быстрое развертывание ветровых и солнечных мощностей, внедрение систем накопления, повышение пропускной

способности и межсетевой интеграции, а также снятие разрешительных барьеров подключения. В Чехии дополнительную актуальность приобретает согласование инвестиционных и фискальных мер для устойчивого финансирования проектов. В странах-лидерах по ВИЭ (таких как Дания, Швеция и Португалия) проблемное поле смещается от экстенсивного наращивания мощностей к обеспечению системной гибкости.

В юрисдикциях, где существенная часть выбросов формируется вне классической системы торговли квотами, приоритет получают национальные механизмы ценообразования на углерод как инструмент адресной декарбонизации конечного потребления. В Германии с 2021 года и в Австрии с 2022 года такие режимы последовательно увязываются с корпоративными раскрытиями и продуктовыми требованиями финансового сектора, что обеспечивает перенаправление капитала в проекты повышения энергоэффективности и снижает регуляторную неопределенность для инвесторов.

Текущее состояние реализации политики ESG в Европейском союзе может быть охарактеризовано как «продвинутая фаза институционализации», при которой все ресурсы, описанные в параграфе 2.1, уже встроены в регуляторно-инвестиционную конфигурацию, а проблемы стран-членов ЕС напрямую транслируются в приоритеты и инструменты их решения. Дальнейший прогресс зависит от ускорения сетевых и разрешительных процедур, повышения гибкости энергосистем и улучшения качества исходных данных, при одновременном сохранении сопоставимости раскрытий и прозрачности распределения капитала.

В основу проведенной автором идентификации приоритетных направлений реализации политики в области ESG заложено определение ключевых элементов с точки зрения ресурсной базы, необходимой для успешной реализации данной политики на уровне Европейского союза и стран – членов ЕС (таблица 19).

Таблица 19 – Ресурсный потенциал для реализации политики в области ESG в разбивке по странам-членам ЕС

Страна	Ключевые ресурсы	Соответствующие приоритеты политики в области ESG
1	2	3
Австрия	Высокая доля гидроэнергии; развитые сети передачи и распределения; сильные регуляторные институты; квалифицированные кадры	Ускорение ввода ВИЭ и систем накопления; распространение углеродного ценообразования на здания и транспорт; адресная защита уязвимых потребителей; повышение сопоставимости корпоративных раскрытий
Бельгия	Потенциал морской ветроэнергетики; портово-логистические кластеры; межсистемная интеграция; развитый финансовый сектор	Расширение морских ветропарков и водородных коридоров; модернизация и цифровизация сетей; переподготовка кадров в портовых экосистемах; масштабирование корпоративных договоров купли-продажи электроэнергии
Болгария	Существенная доля угольной генерации; высокий солнечный и ветровой ресурс; низкая эффективность экологического налогообложения	Поэтапный вывод угольной генерации; глубокая реновация зданий и повышение энергоэффективности; программы «справедливого перехода» в угольных регионах; совершенствование экологического налогового дизайна
Хорватия	Гидрологические ресурсы; развитые межсистемные соединения; доступ к фондам ЕС	Реализация ВИЭ-проектов на островных территориях; повышение климатической устойчивости туристической и коммунальной инфраструктуры; укрепление устойчивости критически важных объектов; повышение прозрачности закупок
Кипр	Высокий солнечный ресурс; слабая межсетевая интеграция; ограниченность земельных площадей	Развёртывание распределённой солнечной генерации с накопителями; электрификация транспорта; снижение энергетической бедности; повышение надёжности и управляемости сетей
Чехия	Сильная индустриальная база; наличие ядерной генерации; низкая доля ВИЭ	Увеличение доли ВИЭ и системной гибкости; модернизация теплоэлектроцентралей и сетей; поддержка занятости и переподготовка в энергоёмких отраслях; улучшение данных по цепочкам поставок
Дания	Лидерство в морской ветроэнергетике; высокие инженерные компетенции; глубокая рыночная интеграция	Развитие инструментов обеспечения адекватности и гибкости мощности; формирование экспортноориентированных водородных цепочек; опережающая подготовка кадров; расширение корпоративных договоров купли-продажи электроэнергии

Продолжение таблицы 19

1	2	3
Эстония	Историческая зависимость электроэнергетики от горючих сланцев; растущий портфель проектов ВИЭ; цифровая готовность	Ускоренное сворачивание генерации на горючих сланцах; ввод ВИЭ и накопителей; программы занятости для соответствующих регионов; усиление ценовых сигналов углеродного регулирования
Финляндия	Лесная биоэкономика; ядерная генерация; развитые НИОКР и аккумуляторная индустрия	Промышленная электрификация и развитие циркулярной экономики; формирование водородной и аккумуляторной цепочек; непрерывное повышение квалификации; углубление практик отчётности по ESRS
Франция	Низкоуглеродная базовая мощность за счёт атомных электростанций (АЭС); глубокие рынки капитала; строгие регуляторные стандарты	Продление ресурса АЭС при параллельном ускорении ВИЭ; декарбонизация теплоснабжения; адресная тарифная поддержка уязвимых групп; повышение качества нефинансовой отчётности
Германия	Крупная промышленная база; развитые сети; национальное углеродное ценообразование для конечного сектора	Модернизация сетей и декарбонизация теплоснабжения; развитие водородной инфраструктуры для индустриальных кластеров; программы «справедливого перехода» в регионах реструктуризации; повышение сопоставимости корпоративных раскрытий информации
Греция	Высокий ветровой и солнечный потенциал; фрагментированные островные сети	Ускорение ввода ВИЭ; повышение энергоэффективности зданий; сокращение энергетической бедности; оптимизация разрешительных процедур
Венгрия	Низкая доля ВИЭ; промышленная специализация	Быстрый ввод солнечной генерации и накопителей; модернизация и усиление пропускной способности сетей; переподготовка кадров; повышение качества исходных данных для раскрытий
Ирландия	Значительный ветроэнергетический потенциал на суше и на море; развитый сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)	Устранение сетевых ограничений; развитие морской ветроэнергетики и накопителей; механизмы распределения выгод для местных сообществ; совершенствование управления рисками
Италия	Высокий солнечный ресурс; значимый вклад зданий и транспорта в выбросы	Масштабирование солнечной генерации и систем накопления; повышение энергоэффективности МСП и жилищного фонда; снижение энергетической бедности; повышение прозрачности корпоративных раскрытий

Продолжение таблицы 19

1	2	3
Латвия	Гидрогенерация и биомасса; небольшой внутренний рынок; периферийные сети	Введение балансирующих и резервных мощностей; усиление межсистемных связей; поддержка сельских территорий в переходе; стандартизация данных и индикаторов
Литва	Проект синхронизации энергосетей с континентальной Европой; потенциал морской ветроэнергетики	Синхронизация с Европейской сетью операторов систем передачи электроэнергии (European Network of Transmission System Operators for Electricity, ENTSO-E) и повышение устойчивости электросетей; ввод морских ветропарков; тарифная справедливость для уязвимых групп населения; прозрачность цепочек поставок
Люксембург	Финансовый центр ЕС; высокая трансграничная интеграция	Импорт и долгосрочное контрактование «зелёной» электроэнергии; устойчивые транспортные решения для приграничных трудовых потоков; институциональное лидерство в устойчивом финансировании
Мальта	Низкая доля ВИЭ; пространственные ограничения; низкие абсолютные выбросы	Развёртывание распределённой солнечной генерации на зданиях и накопителей; электрификация транспорта; защита уязвимых потребителей; улучшение статистического учёта
Нидерланды	Портовые и индустриальные хабы; потенциал морской ветроэнергетики; развитый финансовый сектор	Декарбонизация индустриальных кластеров; развитие водородной инфраструктуры и внешнеторговых терминалов; подготовка кадров для технологических цепочек; стандартизация рынков устойчивого долга
Польша	Высокая доля угольной генерации; повышенная углеродоёмкость; сетевые ограничения	Ускоренный ввод ВИЭ и расширение сетей; управляемый вывод угольной генерации; программы «справедливого перехода» в Силезии; модернизация налогово стимулов
Португалия	Высокая доля ВИЭ; перспективы «зелёного» водорода; потребность в повышении гибкости сетей	Повышение системной гибкости и развитие накопителей; цифровизация и умные сети; формирование занятости в низкоуглеродных отраслях; усиление качества раскрытий
Румыния	Ограниченная фискальная база экологических налогов; значимый потенциал ВИЭ; потребность в модернизации сетей	Энергоэффективность зданий и ввод ВИЭ; социальная защита потребителей; усиление фискальных и ценовых стимулов; ускоренное развитие сетевой инфраструктуры

Окончание таблицы 19

1	2	3
Словакия	Промышленная специализация; ядерная генерация; ограниченная глубина финансового рынка	Модернизация ядерных и возобновляемых мощностей; переподготовка кадров; улучшение корпоративной отчётности; расширение доступа МСП к устойчивому финансированию
Словения	Гидроресурсы; малый внутренний рынок; сложная орография	Ввод ВИЭ и систем накопления; развитие устойчивого транспорта; климатически устойчивая модернизация инфраструктуры; повышение прозрачности и эффективности госзакупок
Испания	Крупные кластеры солнечной и ветровой генерации; значительные сетевые мощности	Ввод накопителей и средств балансировки; ускорение разрешительных процедур; формирование занятости в цепочках ВИЭ; повышение качества данных проектного цикла
Швеция	Высокая доля ВИЭ; низкая углеродоёмкость; развитые НИОКР	Электрификация энергоёмкой промышленности; развитие сетевой и зарядной инфраструктуры; согласование проектов с местными сообществами; углубление практик отчётности по устойчивости

Источник: составлено автором.

Несмотря на временный рост потребления угля в отдельных странах-членах ЕС (Германия, Нидерланды, Польша) как меры экстренного реагирования, в долгосрочной перспективе наблюдается укрепление позиций ядерной энергетики (Франция, Чехия, Финляндия) и интенсивное развитие водородных технологий (Дания, Испания, Португалия) как ключевых направлений декарбонизации. Отметим, что энергетическая безопасность стала приоритетным направлением политики всего Европейского союза, что обусловило ускоренную реализацию стратегии «REPowerEU»[140], инициированную в 2022 году в ответ на энергетический кризис и рост геополитической нестабильности. Основной целью данной программы является снижение зависимости от импорта российских энергоносителей, расширение использования возобновляемых источников энергии и повышение энергоэффективности.

Кризис глобальных цепочек поставок, усугубившийся после 2022 года, обусловил принятие Закона о критически важных сырьевых материалах (Critical Raw Materials Act), направленного на снижение зависимости ЕС от импорта стратегически значимых ресурсов, включая редкоземельные металлы. Одновременно страны-члены ЕС усилили меры по развитию циркулярной экономики (экономики замкнутого цикла), акцентируя внимание на переработке отходов, в частности редкоземельных металлов и аккумуляторных компонентов, что наиболее активно реализуется в Германии, Швеции и Бельгии.

После начала специальной военной операции в 2022 году страны-члены Европейского союза столкнулись с интенсификацией миграционных потоков, что обусловило необходимость адаптации социальной политики в целях обеспечения эффективной интеграции прибывающих групп населения. В ряде стран-членов ЕС (Германия, Польша, Чехия) были введены упрощенные

[140] European Commission. REPowerEU Plan : Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repowereu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (дата обращения: 17.01.2026).

процедуры трудоустройства для вынужденных мигрантов, а также расширены программы социального обеспечения, включающие доступ к жилищным ресурсам и медицинскому обслуживанию. Значительное внимание было уделено образовательной интеграции детей мигрантов, что рассматривается как ключевой элемент долгосрочной стратегии социальной инклюзии и предотвращения маргинализации.

Несмотря на тот факт, что одни страны-члены ЕС лидируют в части экологической трансформации, другие являются лидерами с позиции социального равенства и корпоративной отчетности, в долгосрочной перспективе ЕС стремится к единому знаменателю ESG-политики. В таблице 20 представлены результаты распределения стран-членов ЕС по основным направлениям реализации политики в области ESG в зависимости от географической специфики.

Таблица 20 – Основные направления реализации политики в области ESG в разбивке по регионам ЕС

Регион ЕС	Страна	Ключевые направления реализации ESG-политики
1	2	3
Северная Европа	Дания	Системная гибкость энергосистемы и управление переменной генерацией; масштабирование морской ветроэнергетики; развитие водородной инфраструктуры для экспортных и внутренних нужд
	Швеция	Электрификация энергоёмкой промышленности; развитие сетей и зарядной инфраструктуры; институционализация участия местных сообществ в проектах
	Финляндия	Промышленная электрификация и циркулярная экономика; формирование аккумуляторных и водородных цепочек; непрерывное повышение квалификации кадров
Балтийские страны	Эстония	Поэтапный отказ от генерации на горючих сланцах; ввод ВИЭ с накопителями; программы занятости и диверсификации в затронутых регионах
	Латвия	Введение балансирующих мощностей; усиление межсистемных связей; поддержка устойчивого развития сельских территорий
	Литва	Синхронизация с континентальной сетью и повышение устойчивости; развитие морской ветроэнергетики; тарифная справедливость для уязвимых групп

Продолжение таблицы 20

Бенилюкс	Бельгия	Расширение морских ветропарков и водородных коридоров; цифровизация и модернизация сетей; переподготовка кадров в портово-логистических кластерах
	Нидерланды	Декарбонизация индустриальных хабов; развитие водородной логистики и импортных терминалов; стандартизация рынков устойчивого долга
	Люксембург	Лидерство в устойчивом финансировании; долгосрочное внедрение «зелёной» электроэнергии; устойчивые транспортные решения для приграничных трудовых потоков
Западная Европа	Франция	Сочетание низкоуглеродной базовой мощности и ускорения ВИЭ; декарбонизация теплоснабжения; повышение качества нефинансовой отчётности
	Ирландия	Устранение сетевых «узких мест»; развитие морской ветроэнергетики и накопителей; механизмы распределения выгод для местных общин
Центральная Европа (индустриальное ядро)	Германия	Модернизация сетей и теплоснабжения; формирование водородного «каркаса» для промышленности; повышение сопоставимости корпоративных раскрытий
	Австрия	Использование гидроресурса для системной гибкости; развёртывание накопителей; распространение углеродного ценообразования на здания и транспорт
Центральная и Восточная Европа	Польша	Ускоренный ввод ВИЭ и расширение сетей; управляемый выход из угольной генерации; «справедливый переход» в угольных регионах
	Чехия	Рост ВИЭ и системной гибкости; модернизация теплоэлектроцентралей и сетей; поддержка занятости в энергоёмких отраслях
	Словакия	Модернизация ядерных и возобновляемых мощностей; расширение доступа МСП к устойчивому финансированию; развитие компетенций
	Венгрия	Быстрый ввод солнечной генерации и накопителей; повышение пропускной способности сетей; совершенствование данных для раскрытий
	Румыния	Энергоэффективность зданий и развитие ВИЭ; защита уязвимых потребителей; ускорение сетевых инвестиций
	Болгария	Поэтапный вывод угольной генерации; реновация зданий и ВИЭ-проекты; настройка фискально-ценовых стимулов
	Словения	Развёртывание ВИЭ и накопителей; развитие устойчивого транспорта; повышение прозрачности госзакупок
	Хорватия	ВИЭ-проекты на островных территориях; климатически-устойчивая инфраструктура

Продолжение таблицы 20

Южная Европа	Испания	Ввод накопителей и средств балансировки; ускорение разрешительных процедур; формирование занятости в цепочках ВИЭ
	Португалия	Повышение гибкости энергосистемы; цифровизация и «умные» сети; совершенствование практик раскрытий
	Италия	Масштабирование солнечной генерации и систем накопления; энергоэффективность МСП и жилищного фонда; снижение энергетической уязвимости
	Греция	Развитие ВИЭ; повышение энергоэффективности зданий; адресная поддержка домохозяйств
	Кипр	Распределённая солнечная генерация с накопителями; электрификация транспорта; повышение надёжности сетей
	Мальта	Солнечные установки и накопители; транспортная электрификация; улучшение статистического учёта

Источник: составлено автором.

Можно заключить, что реализация политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза носит регионоспецифический характер (таблица 21).

Таблица 21 – Группировка приоритетных направлений реализации политики в области ESG в ЕС

Группа стран	Приоритетные направления реализации политики в области ESG
Северная Европа (Дания, Швеция, Финляндия)	«E»: развитие морской ветроэнергетики, производства и хранения низкоуглеродного водорода; электрификация энергоёмкой промышленности; повышение гибкости энергосистем за счет накопителей и управления спросом. «S»: переподготовка кадров, вовлечение местных сообществ; адаптация занятости в энергоёмких отраслях к низкоуглеродной трансформации. «G»: стандартизация нефинансовой отчетности, развитие устойчивого финансирования и поддержка НИОКР в низкоуглеродных технологиях.
Балтийские страны (Эстония, Латвия, Литва)	«E»: сокращение использования угля и нефтепродуктов, интеграция энергосистем стран Балтии с континентальной европейской синхронной зоной, развитие ветровой и солнечной генерации. «S»: поддержка занятости и переподготовка работников в углеродоёмких и сельских регионах; адресная поддержка уязвимых домохозяйств. «G»: повышение прозрачности тарифообразования, стандартизация данных, расширение представительства женщин в органах корпоративного управления.

Продолжение таблицы 21

Бенилюкс (Бельгия, Нидерланды, Люксембург)	«E»: декарбонизация портов и промышленных кластеров; расширение пропускной способности электрических сетей и развитие низкоуглеродной транспортной инфраструктуры. «S»: переподготовка специалистов в логистике и промышленности; адаптация городского транспорта и рынка труда к структурным изменениям. «G»: стандартизация «зелёных» финансовых инструментов, повышение качества раскрытия и сопоставимости ESG-данных.
Атлантические страны (Франция, Ирландия)	«E»: сочетание атомной генерации во Франции с развитием ветровой и солнечной генерации; повышение энергоэффективности теплоснабжения и расширение сетевой инфраструктуры. «S»: адресная поддержка домохозяйств с высокой энергетической нагрузкой; участие местных сообществ в выгодах от проектов ВИЭ; создание рабочих мест в низкоуглеродных секторах. «G»: повышение качества раскрытия нефинансовой информации и совершенствование систем оценки ESG-рисков.
Индустриальное ядро (Германия, Австрия)	«E»: цифровизация электрических и тепловых сетей, декарбонизация промышленности с использованием низкоуглеродного водорода и аккумуляторных технологий, повышение энергоэффективности. «S»: программы социально приемлемой структурной трансформации индустриальных и угледобывающих регионов; переподготовка работников и повышение энергоэффективности жилья и транспорта. «G»: развитие углеродного ценообразования и стандартизация корпоративных раскрытий.
Центральная и Восточная Европа (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Словения, Хорватия)	«E»: поэтапное сокращение угольной генерации, развитие солнечных и ветровых электростанций, повышение энергоэффективности и обновление транспортной инфраструктуры. «S»: поддержка занятости, переподготовка работников угледобывающих и энергоёмких отраслей, адресная поддержка сельских территорий и уязвимых групп населения. «G»: стандартизация раскрытия данных и контроля цепочек поставок; развитие электронных закупок; расширение инструментов финансирования модернизации МСП и экологических проектов.
Южная Европа (Испания, Португалия, Италия, Греция, Кипр, Мальта)	«E»: расширение солнечной генерации; развитие накопителей и межсистемных соединений; повышение пропускной способности сетей; реализация проектов производства низкоуглеродного водорода; развитие низкоуглеродного городского транспорта. «S»: снижение энергетической бедности через адресные тарифные и бюджетные меры; создание рабочих мест в секторах возобновляемой энергетики и энергоэффективности. «G»: повышение качества корпоративной и экологической отчетности, прозрачности закупок и раскрытия данных о выбросах.

Источник: составлено автором.

На основании проведенного анализа правовых документов и статистических данных установлено, что к числу приоритетных направлений

политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления на уровне Европейского союза в целом относятся:

1. декарбонизация и переход на возобновляемые источники энергии,
2. развитие экономики замкнутого цикла,
3. охрана биоразнообразия и водных ресурсов,
4. обеспечение равноправия и инклюзии,
5. улучшение условий труда,
6. развитие системы здравоохранения и социальных гарантий,
7. ужесточение требований к корпоративной отчетности,
8. устойчивое и зеленое финансирование,
9. борьба с коррупцией и повышение прозрачности бизнеса.

Сопоставление национальных приоритетов показывает, что наличие единой наднациональной нормативной архитектуры ESG в Европейском союзе не формирует однородной траектории ее реализации на уровне государств-членов. Общие цели в части декарбонизации, социальной устойчивости и повышения качества управления реализуются через различающиеся национальные повестки, содержание которых определяется структурой энергетики и промышленности, уровнем экономического развития, инвестиционными возможностями, состоянием инфраструктуры конкретных стран. Тем самым межстрановая неоднородность выступает не отклонением от общей политики ЕС, а ее структурной характеристикой, вследствие чего результативность общеевропейских инструментов зависит от степени их адаптации к национальным ресурсным и институциональным ограничениям.

Полученные результаты показывают, что регуляторное лидерство Европейского союза на наднациональном уровне сочетается со значительной неоднородностью национальных возможностей и результатов реализации политики в области ESG. Для стран Северной и Западной Европы характерна концентрация на технологическом усложнении энергоперехода, управлении переменной электрогенерации и стандартизации корпоративных раскрытий,

тогда как для государств Центральной и Восточной Европы ключевое значение имеют модернизация углеродоёмких производств, повышение энергоэффективности и социальная адаптация сотрудников, занятых в «традиционных» отраслях.

Для государств с развитой финансовой и технологической базой характерен переход от количественного наращивания «зеленых» проектов к повышению их технологической сложности, эффективности и управляемости. Для стран с более энергоёмкими экономиками приоритеты в большей степени связаны с расширением пропускной способности энергетической инфраструктуры, обновлением производственных мощностей, переподготовкой работников и адресной поддержкой территорий, наиболее чувствительных к структурной трансформации.

Одновременно наблюдается активизация мер по борьбе с коррупцией и отмыванием капитала. Так, к примеру, в рамках новой стратегии финансового мониторинга во Франции, Германии и Нидерландах усилены механизмы отслеживания транзакций и контроля за источниками финансирования. Расширение санкционной политики ЕС требует от бизнеса тщательной проверки партнеров и усиления механизмов комплаенса, что создает дополнительные регуляторные барьеры для компаний, работающих в глобальных цепочках поставок.

2.3 Потенциальные риски при реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза и механизмы управления ими

Несмотря на амбициозные цели Европейского союза, на практике реализация политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления сталкивается с экономическими, политическими, технологическими и социальными барьерами. Данные

факторы замедляют процесс достижения установленных целей и требуют дополнительных механизмов для их преодоления[141].

В рамках настоящего исследования сдерживающие факторы (барьеры) были разделены две группы. К первой группе относятся экономические и финансовые факторы, и в рамках данной группы первым барьером выступает высокая стоимость обеспечения процессов ESG-трансформации. Реализация ESG-проектов и инициатив зачастую сопряжена с необходимостью масштабных финансовых вложений и инвестиций. Не все страны-члены ЕС и европейские компании могут позволить себе быстрое внедрение ESG-инициатив (в частности, с данным фактором на практике сталкиваются Испания, Италия, Греция, Румыния, Болгария). В качестве потенциального решения обозначенной проблемы можно отнести увеличение ESG-финансирования через механизмы «зеленых» облигаций и фондов ЕС, а также посредством стимулирования частных инвестиций в устойчивые проекты[142].

Вторым барьером в рамках данной группы является распространение «зеленого» протекционизма. Жестко регламентированные ESG-стандарты Евросоюза создают барьеры для внешних производителей (введение ПКУМ), а также возрастает вероятность обострения возможных торговых конфликтов с США, Китаем и странами Глобального Юга[143]. Наиболее чувствительными в данном отношении являются такие страны как Германия, Франция, Нидерланды. Потенциальным решением обозначенной проблемы может выступить поддержка локализации производства «устойчивых» товаров в ЕС.

Еще одним барьером выступает низкая рентабельность ряда ESG-инвестиций. Данное обстоятельство возникает в связи с тем, что «зеленые» проекты в начальной стадии реализации часто бывают убыточными, а инвесторы при этом могут быть не готовы к долгосрочным вложениям.

---

[141] Покровская Н. Н., Молодькова Э. Б., Снисаренко С. О., Онуфриева А. М. Экономические факторы социально-экологической повестки в концепции ESG // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 22-34.

[142] Чернышева Т.К., Лозовский Д.С. Влияние политики устойчивого развития Европейского Союза на рынок зелёного финансирования // Вестник Академии знаний. – 2024. – №2(61). – С. 551-555.

[143] Ровинская Т.Л. Европейское зеленое движение в условиях кризиса: новые подходы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2021. – № 4. – С. 24-33.

Страны Восточной Европы (Польша, Чехия, Венгрия) в наибольшей степени подвержены воздействию данного фактора. Потенциальным решением может быть предоставление государственных гарантий по ESG-инвестициям, а также упрощение доступа к ESG-кредитованию для бизнеса.

Ко второй группе относятся политические и законодательные факторы. Так, различия в национальных ESG-стратегиях выступают одним из ключевых факторов, влияющих на реализацию ESG политики. Одни страны-члены ЕС (Германия, Франция) лидируют в части реализации политики в области ESG, другие (Польша, Венгрия) демонстрируют невысокие темпы проводимых реформ. Предлагаемым вариантом для устранения обозначенного барьера является формирование гибкой ESG-политики, учитывающей специфику стран-членов ЕС, а также введение дополнительных финансовых стимулов для стран-аутсайдеров.

Наблюдается также и политическое сопротивление: в некоторых странах-членах ЕС правительства и ведущие партии защищают «традиционные» отрасли (угольную, нефтегазовую, металлургическую) посредством различных мер поддержки. Популистские партии также используют ESG-реформы в рамках своей деятельности как инструмент политической борьбы. Решением может стать поиск мер и средств, направленных на улучшение диалога между бизнесом и государством, а также проведение информационных и образовательных кампаний о долгосрочных выгодах ESG.

В рамках настоящего исследования были выявлены потенциальные риски, которые могут возникнуть при реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза.

Ранее отмечалось, что одной из ключевых целей реализации ESG-политики выступает достижение углеродной нейтральности. Социально-приемлемыми источниками энергии выступают электроэнергия от солнечных и ветряных электростанций и тепло, полученное от сжигания природного

газа/водорода. Однако в силу технических особенностей обозначенные ВИЭ при их внедрении оказывают негативное воздействие на энергосистему той или иной страны. Переход на получение большей части тепловой энергии с использованием электричества или метана также усиливает данный риск в силу отсутствия значительной локальной добычи природного газа на территории Евросоюза, что усиливает зависимость союза от импорта энергоресурсов.

Следующим риском выступает высокая стоимость внедрения ESG-инициатив. Реализация политики в области ESG сопряжена со значительными инвестициями в области, зачастую не имеющие приемлемых сроков окупаемости (включая «зелёную» энергетику, переработку отходов и улучшение условий труда населения). Также был выявлен риск, связанный с политическими противодействиями реализации ESG-политике. Часть стран-членов ЕС не располагает должными ресурсами (финансовыми, политическими и иными), которые могут быть первоочередно направлены на реализацию ESG-политики (к примеру, Польша, Венгрия, Чехия). В данных странах наблюдается существенное лоббирование консервативной повестки со стороны бизнеса при отсутствии активной поддержки экологических и устойчивых инициатив со стороны населения. А обязанность политических лидеров придерживаться наиболее распространенного мнения приводит к возникновению конфликтов между национальными и общеевропейскими программами.

Реализация политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления неизбежно влечёт за собой изменения в экономической динамике всего Европейского союза. Повышение цен на энергоносители ввиду переориентации энергетических систем стран на режим углеродной нейтральности, а также повышение расходов на оплату труда персонала и рост издержек за счёт необходимости соответствовать принципам экономики замкнутого цикла могут создать неблагоприятные условия для ведения бизнеса в ЕС.

Отдельно выделим риск расширения «зелёного» протекционизма. Так, текущее усиление нормативного регулирования со стороны правительств стран-членов Евросоюза в части реализации ESG-политики ограничивает конкуренцию и способно оказать негативный эффект на темпы экономического развития стран, а также непосредственно на реализацию политики в области ESG. Примером может служить Германия: ядерная энергетика страны была фактически уничтожена, что повысило зависимость от импорта энергоресурсов и негативно сказалось на промышленности страны.

Все вышесказанное позволило систематизировать потенциальные риски, которые могут возникнуть при реализации политики в области ESG в странах Европейского союза (таблица 22).

Таблица 22 – Систематизация рисков при реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза

Проблема, препятствующая реализации политики в области ESG	Потенциальные риски	Характеристика и эмпирическое подтверждение рисков	Наиболее подверженные риску страны-члены ЕС
1	2	3	4
Высокая углеродоёмкость экономики (зависимость от ископаемого топлива и энергоёмких отраслей)	Переходные риски (в части низкоуглеродной экономики)	Риск финансовых потерь в процессе регулирования, технологических сдвигов и изменения рынка при переходе к экологически устойчивой экономике[144]. Проявляется через удорожание выбросов (углеродный налог, ETS), обесценение «углеродных» активов (например, закрытие шахт), изменение спроса на продукцию. *Эмпирическое подтверждение:* страны с высокой долей ископаемой энергетики сталкиваются с наиболее резким повышением издержек при ужесточении климатической политики[145]. Например, экономики, зависящие от экспорта нефти/газа, и промышленные высокоэмиссионные страны имеют высокий переходный риск. В крупных экономиках ЕС потенциальные потери от запоздалого перехода различаются: оценочно для Италии около 17,5 трлн евро (примерно 4,5% кумулятивного ВВП до 2050 г.) против 7,1 трлн евро (3,2%) для Германии, что отражает более	Восточная Европа (угольнозависимые экономики) – Польша, Чехия, Болгария и др.; Южная Европа – Италия, Испания, Греция (высокая энергоёмкость, автотранспорт). Индустриально развитые страны с высоким уровнем выбросов (Германия, Польша, Италия) сталкиваются с повышенным регулированием (эти страны входят в топ-5 по потенциальным убыткам при неблагоприятном климатическом сценарии[146]).

[144] Grant Thornton. ESG: Climate and environmental risks (duplicate entry). [Электронный ресурс]. URL: https://www.grantthornton.ie/insights/publications/esg---climate-and-environmental-risks/ (дата обращения: 12.01.2026).
[145] EIB Economics Working Paper 2025/06. Climate change, exposure and macroeconomic vulnerability. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20250135-120625-economics-working-paper-2025-06-en.pdf (дата обращения: 15.01.2026).
[146] Scope Ratings. ESG/Climate stress test: case study. June 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.scopegroup.com/dam/jcr:a1cb0e07-a378-47db-b357-12d1c5a4de2c/Scope%20ESG_Climate%20stress%20test%20case%20study_June2023.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

		высокую уязвимость итальянской экономики. В целом наиболее уязвимы страны с угольной энергетикой (Польша, Чехия и др.), а также южноевропейские страны с энергоёмкой промышленностью (Италия, Испания), где при отсроченном переходе фиксируются наибольшие потери доходов. Высокоразвитые страны с крупными промышленными выбросами (Германия, Нидерланды) также подвержены данному риску, хотя активные инвестиции могут его смягчить.	
Усиление проявлений изменения экологических условий (частые экстремальные погодные явления, деградация экосистем)	Физические риски (в части экологических изменений)	Риск прямого ущерба активам, инфраструктуре, здоровью людей и экономикам от последствий изменения климата может привести к разрушению или обесценению активов, снижению урожайности и продуктивности, перебоям в цепочках поставок[147]. *Эмпирическое подтверждение:* совокупные потери ЕС от погодных бедствий в 1980-2022 гг. оцениваются в €650 млрд (около 4% ВВП); при этом острый риск неравномерно распределён по регионам[148]. Сейчас наибольший урон от климатических катастроф отмечается в Южной, Центральной и Восточной Европе (там зафиксирована наибольшая доля незастрахованных убытков). К странам повышенного риска относятся Греция, Италия, Португалия, Испания, Венгрия.	Южная Европа – страны Средиземноморья (Испания, Греция, Италия, Португалия) страдают от засух, пожаров и тепловых волн; Центрально-Восточная Европа – Румыния, Болгария, Венгрия, Хорватия (участились наводнения и жара). Северная Европа (Скандинавия, Прибалтика) пока наименее подвержена острым климатическим угрозам, хотя долгосрочные изменения (например, оттаивание вечной мерзлоты, лесные пожары) могут усилиться[149].

[147] Grant Thornton. ESG Climate and environmental risks (duplicate entry). [Электронный ресурс]. URL: https://www.grantthornton.ie/insights/publications/esg---climate-and-environmental-risks/ (дата обращения: 12.01.2026).

[148] ABN AMRO Research. Which EU countries will suffer the most from extreme climate? [Электронный ресурс]. URL: https://www.abnamro.com/research/en/our-research/esg-economist-which-eu-countries-will-suffer-the-most-from-extreme-climate (дата обращения: 19.01.2026).

[149] ABN AMRO Research. Which EU countries will suffer the most from extreme climate? [Электронный ресурс]. URL: https://www.abnamro.com/research/en/our-research/esg-economist-which-eu-countries-will-suffer-the-most-from-extreme-climate (дата обращения: 19.01.2026).

		Напротив, северные страны ЕС (Скандинавия, Прибалтика) исторически страдали меньше. Физический риск возрастает с ростом температуры: при глобальном потеплении >2 °C экономический ущерб экспоненциально растет, угрожая макростабильности стран.	
Ужесточение правового ESG-регулирования и требований заинтересованных сторон	Регуляторные и нормативно-правовые риски	Риск повышения юридической ответственности, убытков или санкций из-за несоблюдения всё более строгих экологических и социальных норм. Включает риск судебных исков (от граждан, некоммерческих организаций (НКО) за климатический ущерб или неисполнение обязательств, а также риск штрафов/потерь из-за новых законов. *Эмпирическое подтверждение:* в последние годы суды ряда развитых стран устанавливают юридическую обязанность сокращать выбросы.: Верховный суд Нидерландов обязал правительство снизить выбросы CO_2 не менее чем на 25% к 2020 г. для защиты прав граждан, а Конституционный суд Германии признал Закон о защите климата недостаточно строгим и постановил ужесточить цели ради защиты будущих поколений. Таким образом, невыполнение климатических целей оборачивается для правительств юридическими рисками и обязанностями. Для бизнеса правовой риск проявляется через новые директивы (например, обязанность надлежащей проверки цепочек поставок на предмет устойчивости) и угрозу судебных исков за экологический ущерб или «гринвошинг». Согласно анализу Базельского комитета, климатические факторы увеличивают	Страны с развитой правовой системой и амбициозными климатическими целями – Нидерланды, Германия, Франция и др., где активно действуют экологи и прецедентные решения судов (эти страны стали лидерами по количеству климатических судебных дел). Европейские компании, обязанные раскрывать ESG-информацию, несут ответственность за соблюдение стандартов. Отрасли с высоким углеродным следом (нефть и газ, уголь, тяжелая промышленность) – особенно подвержены риску судебных исков и регуляторных ограничений.

		комплаенс-риски: растут требования к соблюдению законов и вероятность юридических санкций для инвестиций, затрагивающих экологические изменения[150].	
Повышенное внимание инвесторов и общества к устойчивости (ESG-имидж)	Репутационные риски	Риск утраты доверия, ухудшения деловой репутации и снижения стоимости компаний или даже суверенных эмитентов из-за несоответствия их поведения ожиданиям по устойчивому развитию. Проявляется в виде оттока инвесторов, бойкота со стороны потребителей, а также падения рыночной капитализации после эко-скандалов. *Эмпирическое подтверждение:* исследование суверенных облигаций показывает, что высокий ESG-профиль страны связан со снижением кредитных спредов, то есть более низкой стоимостью заимствований [151]. Наоборот, слабые показатели (коррупция, экологические скандалы) ведут к росту премии за риск. Репутационный фактор становится финансово значимым: рейтинговые агентства учитывают ESG в суверенных рейтингах, а фонды исключают «неустойчивые» активы. Например, суверенный фонд Норвегии регулярно исключает компании за экологические и этические нарушения, что наносит им репутационный и финансовый ущерб. Таким образом, репутационный риск побуждает компании и страны улучшать ESG-прозрачность и практики, чтобы избежать потери капитала.	Страны с низкими показателями по «G» и «S» привлекают меньше инвестиций и платят более высокие процентные ставки. Компании, работающие в «неэтичных, грязных» отраслях наиболее уязвимы к общественной критике (например, энергетические компании с высокими выбросами сталкиваются с давлением акционеров по снижению углеродного следа). Финансовые институты все чаще рискуют репутацией, финансируя углеродоёмные проекты.

[150] BIS/BCBS. Climate-related financial risks: a literature review. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/bcbs/publ/d517.pdf (дата обращения: 14.01.2026).
[151] Sovereign bond yield spreads and sustainability: An empirical analysis of OECD countries. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S037842661830253X#:~:text=ScienceDirect,are%20priced%20by%20sovereign

Системные макроэкономические эффекты	Макрофинансовые риски	Риск дестабилизации экономики на уровне страны или региона в результате воздействия ESG-факторов. Проявляется через снижение темпов роста ВВП, рост инфляции и долговой нагрузки, а также через угрозы финансовой стабильности (кризисы, банковские убытки) в связи с климатическими потрясениями или резким переходом[152]. *Эмпирическое подтверждение*: например, в южных странах ЕС (Греция, Италия, Португалия) высокая уязвимость к погодным катаклизмам сочетается с и без того высоким долгом, что повышает их макрофинансовый риск. Стресс-тесты Европейского центрального банка (ЕЦБ) показывают, что при отложенном и затем резком переходе дефолтные риски компаний удваиваются к 2030 г., тогда как при ускоренном упорядоченном переходе рост рисков значительно ниже[153]. Несвоевременный переход грозит одновременными проблемами для множества заемщиков и финансовых институтов. В целом макрофинансовый риск сочетает множество факторов (физический, переходный, рыночный), через которые климатические проблемы могут спровоцировать масштабные потрясения.	Страны с высокой долговой нагрузкой и климатической уязвимостью – например, Греция, Италия, Испания[154]; экономики, зависящие от углеродоёмких секторов (Польша); а также финансовые центры (Франция, Германия).

[152] ABN AMRO Research. Which EU countries will suffer the most from extreme climate? [Электронный ресурс]. URL: https://www.abnamro.com/research/en/our-research/esg-economist-which-eu-countries-will-suffer-the-most-from-extreme-climate (дата обращения: 19.01.2026).

[153] Climate change and sovereign risk // European Central Bank. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/financial-stability-publications/fsr/special/html/ecb.fsrart202305_03~f51dd11fd7.en.html#:~:text=Comparing%20results%20across%20scenarios%2C%20the,transition%20scenarios%2C%20credit%20risk%20is (дата обращения: 19.01.2026).

[154] ABN AMRO Research. Which EU countries will suffer the most from extreme climate? [Электронный ресурс]. URL: https://www.abnamro.com/research/en/our-research/esg-economist-which-eu-countries-will-suffer-the-most-from-extreme-climate (дата обращения: 19.01.2026).

Проделанный анализ позволяет заключить, что к числу наиболее острых рисков, которые возникают при реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления в странах Европейского союза, в настоящее время относятся энергетическая нестабильность и риск дефицита энергоносителей, а также высокая стоимость реализации ESG-инициатив. Риску энергетической нестабильности наиболее всего подвержены страны со значительной долей ВИЭ в энергосистеме

Риск энергетической нестабильности определяется не высокой долей возобновляемых источников энергии как таковой, а сочетанием роста доли переменной генерации с недостаточной гибкостью энергосистемы, ограниченными возможностями накопления и резервирования мощности, пропускной способностью сетей и межсистемных соединений (Германия, Италия, Нидерланды, Дания). Поэтому степень уязвимости отдельных стран ЕС зависит от конфигурации их энергетической инфраструктуры и возможностей балансирования спроса и предложения, а не только от структуры генерации. Высокая стоимость инициатив наиболее остро ощущается в менее развитых странах ЕС (Греция, Румыния, Польша).

К числу менее значимых рисков относятся сложность централизованного регулирования ESG на общеевропейском уровне и «гринвошинг». Данные проблемы обозначены как потенциальные, но контролируемые угрозы. Политическое противодействие в разной степени наблюдается во всех странах-членах ЕС, однако наиболее сильно выражено в таких странах как Польша, Румыния, Греция, Германия.

Произошедший в 2025 году в Испании и Португалии энергетический кризис продемонстрировал высокую уязвимость Пиренейского энергорынка к инфраструктурным рискам: после резкой потери порядка 15 ГВт мощности в течение нескольких секунд произошло отключение межсистемной связи Испании с Францией, что привело к электрической изоляции Иберийского полуострова и масштабному коллапсу энергоснабжения в Испании и

Португалии. Данная ситуация позволила выявить наличие структурной проблемы недостаточной устойчивости трансграничной сетевой инфраструктуры между Пиренейскими странами и Францией, поскольку ограниченная межсистемная связанность и чувствительность системы к перегрузкам и скачкам напряжения повышают системные риски и снижают надежность энергетического перехода в регионе.

Для систематизации выявленных рисков в настоящем исследовании используется качественная матрица, основанная на двух координатах: вероятности реализации риска и масштабе его потенциального воздействия. Вероятность характеризует степень обоснованности наступления либо усиления соответствующего риска с учетом уже наблюдаемых проявлений, устойчивости причинных предпосылок и текущей регуляторной и экономической среды. Масштаб потенциального воздействия отражает предполагаемую величину последствий риска для получения инвестиций, конкурентоспособности, обеспечения занятости, энергетической устойчивости и иных параметров экономического развития.

Высокая вероятность присваивается рискам, которые уже проявляются в нескольких государствах-членах ЕС либо непосредственно обусловлены действующими структурными ограничениями и регуляторными требованиями. Оценка «выше среднего» применяется при наличии устойчивых предпосылок и частичных проявлений риска, а «средняя» – когда его реализация в значительной степени зависит от внешних условий или национальной специфики. «Высокий» уровень масштаба воздействия соответствует рискам, способным одновременно затронуть несколько сфер экономики или значительную группу государств, уровень «выше среднего» – рискам с существенными отраслевыми или страновыми последствиями, средний уровень – преимущественно локализованным и компенсируемым последствиям.

Полученное ранжирование представляет собой инструмент сравнительной приоритизации рисков, а его назначение состоит в

сопоставлении различных групп рисков и выборе соответствующих механизмов управления с учетом межстрановой неоднородности Европейского союза. В таблице 23 представлены результаты ранжирования ключевых ESG-рисков для стран Европейского союза.

Таблица 23 – Ранжирование ключевых ESG-рисков для стран Европейского союза по вероятности реализации и масштабу потенциального воздействия

Наименование группы рисков	Вероятность реализации риска в ЕС	Масштаб потенциального воздействия	Группы стран с наибольшей уязвимостью	Краткое обоснование
1	2	3	4	5
Переходные риски (ускоренная декарбонизация высокоэмиссионных секторов)	Высокая	Высокий	Центральная и Восточная Европа: Польша, Чехия, Болгария, Румыния; Южная Европа с энергоёмкой промышленностью: Италия, Испания, Греция	Высокая доля угля, газа и энергоёмких отраслей, усиление ценовых сигналов (ПКУМ), риск обесценения «углеродных» активов
Физические риски (экстремальные погодные явления, климатические изменения)	Высокая	Выше среднего	Средиземноморский регион: Испания, Греция, Италия, Португалия; а также Румыния, Болгария, Венгрия, Хорватия	Высокая доля незастрахованных убытков от климатических изменений и экстремальных погодных явлений, уязвимость агросектора и туризма
Правовые и регуляторные риски	Высокая	Выше среднего	Страны Западной Европы с активной правоприменительной практикой: Германия, Франция, Нидерланды	Рост судебных и надзорных прецедентов, публичные обязательства по цепочкам поставок
Репутационные риски (утрата доверия инвесторов и потребителей)	Выше среднего	Выше среднего	Страны с высокой долей публичных эмитентов и активных институциональ-	Чувствительность к «зелёным» заявлениям, санкции со

Продолжение таблицы 23

1	2	3	4	5
			ных инвесторов (Нидерланды, Дания, Швеция, Германия, Франция)	стороны стейкхолдеров
Макрофинансовые риски	Высокая	Средний (возрастающий)	Страны с высокой долговой нагрузкой и климатической уязвимостью (Греция, Италия, Испания); финансово-экономические центры ЕС (Франция, Германия)	Передача климатических и переходных шоков на бюджеты и банковские портфели, потенциальное увеличение премии за риск
Инфраструктурные риски	Высокая	Высокий	Южная Европа (Испания, Португалия, Италия); а также Польша, Чехия, Румыния; страны Балтии	Ограниченная пропускная способность электросетей, дефицит накопителей и межсистемных соединений, увеличение вероятности их перегрузок.
Социально-политические риски (реакция общества на энергопереход, увеличение тарифов)	Высокая	Выше среднего	Регионы с зависимостью от угля и энергоёмких отраслей: Польша, север Чехии, Болгария, Румыния; отдельные индустриальные зоны Испании и Италии	Риски сокращения занятости и доходов при перестройке углеродоёмких отраслей; недовольство домохозяйств повышением стоимости электроэнергии.

Источник: составлено автором.

Управление рассмотренными ESG-рисками и их минимизация требует комплексного подхода: в таблице 24 представлены ключевые механизмы и инструменты, которые могут способствовать эффективному управлению выявленными экологическими, социальными и экономическими рисками.

Таблица 24 – Механизмы и соответствующие им инструменты, необходимые для управления выявленными экологическими, социальными и управленческими рисками в странах Европейского союза

Механизмы управления рисками	Наименование потенциального риска	Краткое описание проблемы	Ключевые инструменты управления рисками	Страновой пример
1	2	3	4	5
Экологические механизмы (Е)	Обеспечение энергетической стабильности и отказ от ископаемого топлива	Отказ от углеводородов и ядерной энергии может привести к дефициту энергоресурсов и росту цен	1. Диверсификация источников энергии (развитие солнечной, ветряной, гидро- и водородной энергетики). 2. Создание мощностей для хранения энергии (батареи, водородные системы, насосные гидроэлектростанции (ГЭС). 3. Долгосрочные энергосоглашения – контракты на поставку энергии из возобновляемых источников.	Германия реализует программу «Energiewende», направленную на отказ от ископаемого топлива и развитие ВИЭ, но в зимние периоды столкнулась с проблемами ввиду нехватки накопителей энергии.
	Система «зеленых» налогов и субсидий	Высокие издержки на внедрение «зеленых» технологий.	1. Субсидии и гранты на развитие ВИЭ, модернизацию предприятий (EU Green Deal). 2. «Зеленые» налоги – налог на выбросы CO_2, налоговые льготы за успешное внедрение ESG-практик. 3. «Зеленые» облигации – финансирование экологических проектов через финансовый рынок.	Евросоюз ввел механизм ПКУМ (Carbon Border Adjustment Mechanism), который вводит налог на углеродоемкий импорт.
	Развитие инфраструктуры ESG-технологий	Недостаточно высокие темпы перехода к циркулярной экономике (экономике замкнутого цикла)	1. Развитие системы переработки отходов и снижение потребления ресурсов. 2. Инвестирование в технологии улавливания и хранения CO_2 (CCS). 3. Создание цифровых платформ для мониторинга ESG-показателей.	Нидерланды реализуют политику «Circular Economy» с целью полного отказа от отходов к 2050 году.

Продолжение таблицы 24

Социальные механизмы (S)	Смягчение последствий «зеленого» перехода для населения стран-членов ЕС	Закрытие угольных шахт и заводов ведет к росту безработицы в углеродно-зависимых странах и регионах.	1. Программы переквалификации и дополнительного профессионального образования для работников «старых» отраслей и профессий. 2. Государственные фонды поддержки регионов, пострадавших от закрытия углеродных производств. 3. Создание «зеленых» рабочих мест и развитие устойчивых отраслей.	Евросоюз создал Фонд справедливого перехода (Just Transition Fund) для поддержки регионов с углеродно-зависимой экономикой.
	Защита прав работников и инклюзия	Рост неравенства ввиду технологического перехода.	1. Обязательства компаний согласно положениям Директивы CSRD (Corporate Sustainability Reporting Directive). 2. Политика инклюзивного найма – квоты для женщин, мигрантов. 3. Контроль за цепочками поставок – обязательства по соблюдению прав человека.	Германия приняла закон «Lieferkettengesetz», обязывающий компании следить за ESG-стандартами в цепочках поставок.
Управленческие механизмы (G)	ESG-регулирование для бизнеса	Некоторые компании занижают или искажают ESG-показатели (происходит процесс под названием «гринвошинг»).	1. Обязательная ESG-отчетность для крупных компаний (CSRD, SFDR). 2. Таксономия устойчивости ЕС – четкие критерии устойчивости бизнеса. 3. Создание независимых рейтингов и индексов ESG.	Франция ввела обязательную ESG-отчетность для крупных компаний (Закон PACTE (Закон Франции № 2019-486 от 22 мая 2019 г. о росте и трансформации предприятий).
	ESG-инвестиции и устойчивое финансирование	Представителям бизнеса зачастую не хватает стимулов для инвестирования в ESG проекты и устойчивые инициативы.	1. «Зеленые» банки – финансирование климатических проектов. 2. Кредитные ставки, привязанные к ESG-рейтингам. 3. Фонды поддержки стартапов в области ESG.	Люксембург – один из крупнейших центров ESG-инвестирования в «зеленые» и устойчивые проекты.

Источник: составлено автором.

Таким образом, экологический блок базовых механизмов и инструментов включает в себя: 1) диверсификацию источников энергии (развитие солнечной, ветровой, гидро- и водородной энергетики); 2) создание мощностей для хранения энергии (батареи, водородные системы, насосные ГЭС); 3) расширение применения «зеленых» облигаций (финансирование экологических проектов через финансовый рынок); 4) дополнительное инвестирование в технологии улавливания и хранения CO_2 (CCS); 5) создание цифровых платформ для мониторинга ESG-показателей.

Социальные механизмы и инструменты, в свою очередь, включают: 1) создание программ переквалификации и дополнительного профессионального образования для работников «старых» отраслей и профессий; 2) формирование государственных фондов поддержки регионов, пострадавших от закрытия «грязных» производств; 3) создание «зеленых» рабочих мест и развитие устойчивых отраслей экономики стран-членов ЕС; 4) усиление контроля за цепочками поставок в части обязательств по соблюдению прав человека.

К ключевым управленческим механизмам и инструментам отнесены: 1) введение обязательной ESG-отчетности для крупных компаний (CSRD, SFDR); 2) создание независимых рейтингов и индексов ESG; 3) формирование фондов поддержки стартапов в области ESG; 4) развитие «зеленого» банкинга и ESG-инвестирования в «зеленые» и устойчивые проекты.

Исходя из рассмотренных проблем и рисков можно заключить, что странам-членам ЕС будет сложно достичь цели по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. ввиду ограниченности необходимых ресурсов и дефицита редких металлов. Для производства электромобилей и объектов ВИЭ необходимы 22 вида металлов, дефицит которых прогнозируется на мировых рынках к 2030 г. По существующим оценкам, рост спроса на металлы к концу 2030 г. может достичь 78%. Наибольший дефицит может быть в поставках серебра, лития, никеля, кобальта, платины и алюминия, чуть в меньшей степени – меди. Также дефицит прогнозируется на рынках марганца,

кремния и редкоземельных металлов. Дефицит сырья, в свою очередь, приведет к росту волатильности цен на металлы. Дефицит этих сырьевых товаров может стать препятствием на пути к достижению углеродной нейтральности большинства стран-членов Евросоюза.

Проведенный в настоящей главе анализ позволил заключить, что к числу ключевых положительных факторов, способствующих успешной реализации политики в области ESG в ЕС относятся, во-первых, институционально-регуляторные факторы: наличие долгосрочной и юридически закреплённой цели (достижение климатической нейтральности к 2050 году), комплексная нормативная правовая база, а также гармонизированные требования к раскрытию и классификации показателей устойчивости (CSRD, SFDR, Таксономия устойчивости ЕС).

Во-вторых, выделим финансово-инвестиционные факторы: функционирование EU ETS как общеевропейского механизма внутренней цены на CO_2 и наличие внешнеторговых корректирующих инструментов (ПКУМ ЕС), которые предназначены для поддержания эффективности климатической политики и снижения риска «углеродной утечки». Отметим, что развитая финансовая-инвестиционная инфраструктура повышает ликвидность «зелёных» активов (в качестве примера можно отметить возрастающую роль Люксембурга и платформ устойчивого финансирования, развиваемых Люксембургской фондовой биржей).

В-третьих, необходимо отметить технологические и инфраструктурные факторы: развитие ВИЭ и инфраструктуры циркулярной экономики, а также совершенствование систем мониторинга ESG-показателей, что в совокупности повышает потенциал декарбонизации и ресурсной эффективности стран-членов ЕС. В-четвёртых, выделим институциональные факторы, обеспечивающие достижение «справедливого перехода» (наличие целевых фондов и механизмов поддержки социальных групп населения, наиболее уязвимых к структурным шокам).

К числу факторов, ограничивающих реализацию политики в области ESG в странах-членах ЕС, относятся, прежде всего, энергетические и инфраструктурные ограничения (недостаточная скорость наращивания гибкости энергосистем и накопителей при росте доли переменной генерации, а также дисбалансы в инфраструктуре ряда стран в части подключения новых мощностей, локальных ограничений инфраструктуры и др.). Дополнительным ограничивающим фактором выступает неоднородность ресурсных баз стран-членов ЕС (структура энергетики, промышленности, региональная зависимость от «углеродных» рабочих мест и т.п.), которая усиливает различия в части реализации политики в области ESG.

Также сохраняется методологическая и информационная фрагментация: расхождения ESG-рейтингов и ограниченная сопоставимость оценок осложняют аллокацию капитала, повышая риски проявления «гринвошинга». Помимо этого, есть внешнеэкономические ограничения (конкурентоспособность энергоёмких отраслей, трансграничные эффекты углеродного ценообразования и ряд иных), которые требуют достижения баланса между экологическими целями стран-членов ЕС и их торгово-промышленной политикой (подчеркнем, что отчасти ПКУМ ЕС выступает инструментом ответа на эти риски, но одновременно иллюстрирует, что реализация ESG-политики неизбежно затрагивает международные режимы торговли).

Резюмируя, в обозримой перспективе эффективность ESG-трансформации стран-членов Европейского союза будет зависеть от готовности ключевых стран-инициаторов к оперативному пересмотру целей и методов реализации своих политик в области ESG с учетом потенциальных рисков, обозначенных выше.

Выводы по главе 2

1. Полученные в рамках настоящей главы результаты подтверждают, что в Европейском союзе есть накопленный ресурсный потенциал, необходимый для реализации политики в области ESG и охватывающий

финансовые, кадровые, технологические, энергетические, инфраструктурные и регуляторные компоненты. Системная увязка этих ресурсов с целями политики в области ESG позволяет перейти от констатации наличия возможностей к анализу механизмов их практической реализации.

2. Показано, что экологические доходы в ЕС имеют структуру, в рамках которой энергетические налоги формируют основную долю, дополняемую транспортными и ресурсно-экологическими сборами. Социальный срез демонстрирует прогресс по индикаторам устойчивости при сохранении структурных вызовов. Динамика ожидаемой продолжительности жизни подтверждает восстановление после пандемийного шока и закрепление восходящего тренда, что расширяет кадровую базу для «зелёных» отраслей и одновременно актуализирует требования к качеству социальной инфраструктуры. Данные результаты важны для обоснования программ переквалификации и для оценки производительности труда в низкоуглеродной экономике, к которой стремится ЕС.

3. Продемонстрирована причинно-следственная связь «проблема-приоритет» в части реализации политики в области ESG на уровне стран-членов ЕС. Страны с высоким уровнем дефицита бюджета и/или с низкой долей возобновляемой генерации смещают акценты в государственной политике в сторону усиления контроля над расходованием энергоресурсов и внедрения энергосберегающих технологий. В странах с высокой структурной углеродоёмкостью электро- и теплоснабжения приоритетами становятся модернизация сетей, повышение системной гибкости и обеспечение реализации программ «справедливого перехода». В странах-лидерах по ВИЭ фокус внимания сдвигается с экстенсивного наращивания мощности к обеспечению управляемости переменной генерации, а также к цифровым решениям в части сетевой оптимизации. Дифференцированный подход минимизирует переходные издержки и повышает эффективность распределения капитала в масштабе Евросоюза.

4. Ранжирование основных рисков показало, что переходные и инфраструктурные риски характеризуются одновременно высокой вероятностью реализации и высоким потенциальным воздействием. Физические, правовые, репутационные и социально-политические риски также имеют существенное значение, однако их проявление различается по группам стран в зависимости от отраслевой структуры и состояния энергетической инфраструктуры. Политическое сопротивление «зеленому» переходу рассматривается как самостоятельный социально-политический риск, поскольку рост издержек энергоперехода способен усиливать сопротивление домохозяйств, работников и отраслей, зависимых от углеродоёмкого производства. Наиболее заметно данный риск проявляется в Польше, Румынии, Греции и Германии. Произошедшее в 2025 году на Пиренейском полуострове отключение межсистемной связи Испании с Францией привело масштабному коллапсу энергоснабжения, что дополнительно продемонстрировало значимость инфраструктурной устойчивости энергосистем и межсистемных соединений при увеличении доли переменной электрогенерации.

5. Современная модель ЕС характеризуется высокой степенью институционализации ESG-регулирования, однако эффективность реализации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления зависит от состояния энергетической инфраструктуры, доступности капитала, обновления технологической базы и способности национальных институтов адаптировать общеевропейские требования к структуре собственной экономики.

ГЛАВА 3. НАПРАВЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ ЭКОЛОГИЧНОГО, СОЦИАЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

3.1 Методика оценки влияния политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления на экономическое развитие стран Европейского союза

В настоящее время сформировался пул авторитетных международных ESG-рейтингов и индексов (преимущественно корпоративного уровня): «ESG Score Bloomberg, MSCI ESG Rating, ESG Risk Rating Sustainalytics, ESG Score S&P Global, ESG Scores Thomson Reuters, ESG-рейтинг RAEX-Europe»[155]. Так, методология индекса транспарентности «ESG Score S&P Global» включает 98 оцениваемых тем в трех категориях[156]:

- структура собственности и права инвесторов (28 вопросов);
- финансовая прозрачность и раскрытие информации (35 вопросов);
- структура управления и процессы (35 вопросов).

Каждая тема оценивается бинарно (хотя некоторые атрибуты экспертной оценки имеют кратность). Ранжирование по трем широким категориям и общий рейтинг составляются на основе ответов на отдельные вопросы. Процедура оценки проста и прозрачна, что в определенном смысле гарантирует ее объективность.

В свою очередь, Bloomberg позиционирует методологию «ESG Scores» как систему оценки, ориентированную на финансово значимые, отраслеспецифичные ESG-факторы, методологически в рамках данного

---

[155] Рейтинговые агентства мира: S&P, Moody's, Fitch [Электронный ресурс]. URL: https://investprofit.info/ranking-agenty/ (дата обращения: 27.01.2026).

[156] ESG Score S&P Global [Электронный ресурс]. URL: https://portal.s1.spglobal.com/survey/documents/spglobal_esg_scores_methodology.pdf (дата обращения: 27.01.2026).

корпоративного рейтинга используется иерархия риск-факторов[157]. К преимуществам можно отнести высокую степень детализации, прозрачность логики агрегации внутри методологии и ориентацию на отраслевую специфику. При этом данная методология сложна для интерпретации в академической среде (слишком много уровней агрегации и внутренних преобразований), а результат чувствителен к выбору метрик (весов) и подходу к измерению.

Американская финансовая компания MSCI в рамках рейтинга «MSCI ESG Ratings» измеряет устойчивость компаний к финансово релевантным ESG-рискам и присваивают буквенный рейтинг от AAA до CCC (MSCI прямо подчеркивает, что оценки являются относительными[158]). Преимуществом является высокая узнаваемость и широкое использование данного рейтинга в институциональном инвестировании, при этом отраслевая направленность затрудняет интерпретацию «абсолютного» ESG-качества компании.

Методология «Sustainalytics ESG Risk Ratings» измеряет, в какой степени стоимость компании (англ. «enterprise value») подвержена ESG-рискам через «оценку подверженности риску и оценку управления», с итоговой оценкой степени управляемости рисков[159]. По итогам оценки компании можно классифицировать по пяти уровням ESG-рисков: незначительный риск; низкий риск; средний риск; высокий риск; критический риск. Достоинством данной методики выступает наличие возможности для сопоставления с суверенными рейтингами страновых рисков. При этом к слабым сторонам отнесем то, что методика преимущественно сфокусирована на узкой оценке только ESG-рисков (а не на показателях, отражающих влияние или вклад в ESG), что может сужать интерпретацию в части оценки вклада в устойчивое развитие, а не только рисков для инвесторов.

---

[157] Bloomberg ESG Scores. Methodology [Электронный ресурс]. URL: https://professional.bloomberg.com/globalassets/professional/solutions/sustainable-finance/scores/bloomberg-esg-scores-methodology.pdf (дата обращения: 27.01.2026).

[158] MSCI ESG Ratings [Электронный ресурс]. URL: https://www.msci.com/data-and-analytics/sustainability-solutions/esg-ratings (дата обращения: 27.01.2026).

[159] Morningstar Sustainalytics ESG Risk Ratings (Sustainalytics) [Электронный ресурс]. URL: https://www.sustainalytics.com/esg-data (дата обращения: 27.01.2026).

В методологии «ESG Scores Thomson Reuters» используется более 300 измерений, включающих:

– комбинированную оценку по 178 сопоставимым ESG-показателям по 10 агрегированным категориям (включая 61 показатель (по трем категориям) оценки E-фактора, 63 показателя (по четырем категориям) оценки S-фактора; 54 показателя (по трем категориям) оценки G-фактора);

– оценку ESG-противоречий, рассчитываемую на основе 23 тем по всем 10 агрегированным ESG-категориям[160].

Комбинация из 10 категорий, взвешенных пропорционально количеству показателей в каждой категории, формирует итоговый балл ESG.

Когда компании были замечены в деятельности, противоречащей политике в области ESG, комбинированный балл ESG рассчитывается как средневзвешенное значение баллов ESG и баллов ESG по противоречиям за финансовый период (при этом недавние споры отражаются в последнем полном периоде). Когда компании не были вовлечены в нарушения по ESG, совокупный балл ESG равен баллу ESG. Методология ESG-оценки RAEX-Europe представлена на рисунке 9.

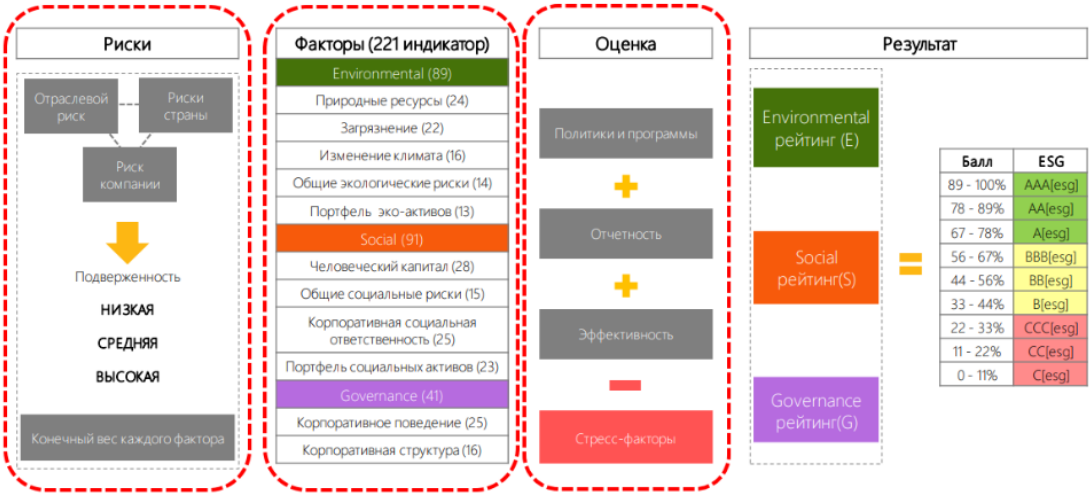

Рисунок 9 – Методология ESG-оценки RAEX-Europe

Источник: данные RAEX-Europe[161]

---

[160] Thomson Reuters Corporation ESG Score. [Электронный ресурс]. URL: https://www.spglobal.com/sustainable1/en/scores/results?cid=4094064 (дата обращения: 27.01.2026).

[161] Methodology of Ranking on ESG Transparency and Sustainability Management. [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.eu/esg_corporate_ranking/ (дата обращения: 27.01.2026).

Данная методология учитывает, каким ESG-рискам подвержена деятельность организации и как компания управляет данными рисками. В методике с помощью отраслевых и страновых различий формируются веса разных факторов. По каждому фактору в страновом и отраслевом разрезе выставляется одна из трех оценок: низкая, средняя или высокая подверженность риску (0; 0,5; 1,0 соответственно). Из оценок рисков после нормирования получают веса факторов.

В следующем блоке осуществляется оценка самих факторов. В оценке каждого фактора прослеживается одна и та же логика, на верхнем уровне оценивают «политики и программы», которые компания декларирует, те цели, которые она ставит в разрезе каждого фактора. Во втором блоке оценивают отчетность, то насколько хорошо компания раскрывает свою нефинансовую информацию. В рамках блока «эффективность» производится оценка материальных и количественных индикаторов. Данные блоки имеют разные веса: политики и программы –10%; отчетность – 20%; эффективность – 70%. Из описанных оценок складываются рейтинги по компонентам «E», «S» и «G». Далее в методике существует возможность скорректировать оценку на «стресс-факторы» – выбивающиеся из привычного хода деятельности компании негативные ситуации, которые наносят ущерб одному или нескольким стейкхолдерам компании и могут наносить ущерб самой компании.

Говоря об оценке не на уровне компаний, а на страновом уровне, отметим, что большинство рейтингов или индексов сосредоточены на оценке степени достижения странами Целей устойчивого развития ООН (SDG Index[162]), которая отражает прогресс в реализации экологических и социальных программ. Также в мировой практике распространены:

– Индекс страновой устойчивости, разработанный международной компанией по управлению активами Robeco (Country Sustainability Ranking):

[162] SDG Index [Электронный ресурс]. URL: https://dashboards.sdgindex.org/profiles/ (дата обращения: 20.03.2026).

оценивается порядка 150 стран по 50 финансово релевантным индикаторам ESG (где 50% веса приходится на оценку качества управления, 30% – на экологию и 20% – на социальные факторы)[163].

– Индекс ESG, разработанный специализированной некоммерческой ассоциацией Risk Watch Initiative: на основе 65 переменных проводится оценка риск-профилей 183 стран (включая субиндексы окружающей среды, прав человека, а также здоровья и безопасности)[164].

В настоящее время сформировался набор ESG-рейтингов, однако важно учитывать, что под общим названием «ESG-рейтинг» объединяются методологически разные подходы: одни измеряют относительную ESG-результативность, другие – уровень неуправляемого ESG-риска, третьи – качество или полноту раскрытия корпоративной отчетности. Анализ показал, что универсальной методологии построения «оптимального» ESG-рейтинга не существует: выбор зависит от исследовательской задачи. При этом заметим, что авторитетных межстрановых ESG-рейтингов или методик оценки эффективности реализации политик в области ESG на уровне стран в настоящий момент не разработано (в том числе, это может быть связано с тем, что страновой ESG-сегмент менее стандартизирован, чем корпоративный).

В этой связи на основе данных, проанализированных во второй главе настоящего исследования, был разработан интегральный индекс ESG-воздействия в качестве относительной межстрановой оценки результатов реализации ESG-политики странах-членах Европейского союза для периода 2014-2024 гг. (далее – ESG-индекс). Он сформирован с учетом трех ключевых компонентов: экологического (Environmental, E), социального (Social, S) и управленческого (Good Governance, G). Каждому из указанных блоков было присвоено равное значение в общей структуре показателя, что обеспечивает сопоставимость и сбалансированность оценки.

---

[163] Country Sustainability Ranking [Электронный ресурс]. URL: https://www.robeco.com/en-int/sustainable-investing/expertise/most-sustainable-countries-in-the-world (дата обращения: 27.03.2026).
[164] ESG Index [Электронный ресурс]. URL: https://risk-indexes.com/esg-index/ (дата обращения: 25.03.2026).

Для унификации исходных данных и обеспечения корректности межстрановых сопоставлений применялся метод минимаксной нормализации, позволяющий привести разнотипные показатели к единой шкале измерения. На основании полученных нормированных значений была разработана итоговая рейтинговая система, обеспечивающая классификацию стран ЕС по уровням ESG-развития: высокий (категория A), средний (категория B) и низкий (категория C), с дополнительным ранжированием внутри каждой группы по детализированным подкатегориям (от наивысшего уровня AAA до минимального уровня – C).

В рамках интегрального индекса ESG-воздействия в компонент «E» (экологический аспект) были включены следующие индикаторы:

1. объем ежегодных выбросов CO_2 в расчете на душу населения,
2. доля возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного потребления электроэнергии,
3. государственные инвестиции в сферу охраны окружающей среды в рамках природоохранной деятельности.

Компонент «S» (социальный аспект) базируется на показателях, отражающих ключевые параметры социального развития и занятости:

1. естественный прирост / убыль населения,
2. уровень безработицы,
3. коэффициент Джини,
4. почасовые затраты на оплату труда,
5. индекс гендерного разрыва («Global Gender Gap Index»).

Особое значение в структуре ESG-индекса было уделено управленческому блоку «G» (Good Governance). В его состав вошли показатели, характеризующие качество институциональной среды и делового климата:

1. доля «зеленых» инвестиций в национальной экономике (%),
2. Базельский индекс «Anti-Money Laundering»,
3. индекс свободы прессы,

4. показатели прозрачности институтов власти,
5. индекс прозрачности бизнеса (уровень раскрытия информации).

Как было отмечено ранее, на страновом уровне компонент «G» интерпретируется как характеристика институциональной среды, создающей условия для качественного корпоративного управления, прозрачности, подотчетности и развития устойчивого финансирования. Показатели государственного управления в данном случае не отождествляются непосредственно с корпоративным управлением конкретных компаний, а характеризуют макроинституциональные условия, в которых реализуется управленческий компонент ESG.

Отметим, что объективная оценка каждого показателя требует индивидуального подхода в соответствии с его экономической и социальной сущностью. В рамках оценки ВВП и как макроэкономического показателя, и как результата эффективного менеджмента, стоит учитывать различия стран в части территории, численности населения, уровень соответствующей инфраструктуры для развития экономики, а также остальные факторы, влияющие на валовой внутренний продукт. Именно поэтому указанный показатель рассматривается на душу населения, что позволяет оценить объективный уровень условного благосостояния страны. К тому же, как было отмечено ранее, с уровнем ВВП на душу населения напрямую коррелируют такие показатели, как государственные инвестиции в охрану окружающей среды, а также медианная почасовая заработная плата.

Разработанный ESG-индекс является стандартизированным, то есть существует возможность сравнивать его с другими показателями или индексами, которые были рассчитаны подобным образом. Именно это свойство позволит провести сравнение интегрального ESG-индекса с показателем ВВП на душу населения, а также выявить степень влияния одного показателя на другой с помощью корреляционного анализа.

В первую очередь, после сбора и обработки статистической информации, необходимо провести стандартизацию данных, которая позволит

свести все данные в подходящий для взаимного сравнения вид. В рамках интегрального индекса ESG-воздействия для приведения разнотипных данных к единой шкале используется минимаксная нормализация. Минимальное и максимальное значения определяются отдельно для каждого года по совокупности стран ЕС, для показателей-дестимуляторов направление шкалы инвертируется. Нормированные индикаторы внутри каждого из трех блоков агрегируются с равными весами, вычисления стандартизированных данных производятся по формуле 1.

$$x' = \frac{(x - \min(x))}{(\max(x) - \min(x))},$$

где x' – нормализованное значение;

x – исходное значение.

Данная процедура позволяет оценить показатель по Евросоюзу в рамках одного года. Определяются минимальные и максимальные значения за год, которые становятся равны 0 и 100 баллам соответственно. Иными словами, определяется эталон, представляющий из себя наилучший результат.

Например, уровень безработицы имеет обратную связь с экономическим развитием в целом – значительный спад в экономике может сопровождаться ростом безработицы, и наоборот, в зависимости от первопричины. В случае наличия описанной обратной связи, стандартизированные значения будут вычисляться по видоизмененной формуле, в которой эталонными значениями будут признаваться минимальные значения.

В рамках границы оценки была определена шкала, на основе которой были получены итоговые данные. Для последующего построения шкалы оценки также имеет смысл вычислить первый, второй и третий квартили. Первая квартильная группа включает наименьшие значения показателя, вторая и третья отражают промежуточные уровни, четвертая группа – значения выше третьего квартиля и, соответственно, наиболее высокий уровень показателя. Границы оценок, определенные автором для дальнейшего расчета интегрального ESG-индекса, приведены в таблице 25.

Таблица 25 – Границы оценок в соответствии со стандартизированными данными интегрального индекса ESG-воздействия

Количество баллов	Рейтинговая оценка	Укрупненная оценка	Границы исследования (в графах «от» и «до» представлены нижняя и верхняя границы диапазона значений, соответствующего каждой квартильной группе)	
			от	до
7	AAA	Высокая позиция	Медиана стандартизированных данных от 3-го до 4-го квартиля	Максимальное значение стандартизированных данных = 100
6	AA		3-ий квартиль	Медиана стандартизированных данных от 3-го до 4-го квартиля
5	A		Медиана стандартизированных данных от 2-го до 3-го квартиля	3-ий квартиль
4	BBB	Средняя позиция	2-ой квартиль	Медиана стандартизированных данных от 2-го до 3-го квартиля
3	BB		1-ый квартиль	2-ой квартиль
2	B		Медиана стандартизированных данных для 1-го квартиля	1-ый квартиль
1	C	Низкая позиция	Минимальное значение стандартизированных данных = 0	Медиана стандартизированных данных от 0 до 1-го квартиля

Источник: составлено автором.

Количество баллов конвертируются в рейтинговую оценку от наивысшего AAA (эквивалент 7 баллам) до C (равен 1 баллу). В соответствии с данными оценками можно провести группировку стран ЕС на основе относительного уровня ESG-развития (высокий – A, средний – B, низкий – C).

Нормализовав данные, а также рассчитав границы оценки в соответствии с полученной стандартизированной информацией, необходимо присвоить данным баллы в соответствии со шкалой оценки. Согласно описанной методике расчёта, вес каждого элемента (E, S, G) равнозначен в

итоговом показателе – значения каждого рассматриваемого элемента вносят равный вклад в конечный результат, наименее значимые элементы не были включены в расчет индекса. Таким образом, уравнение для расчета ESG-индекса выглядит следующим образом (формула 2):

$$ESG_{ij} = 0{,}33 * E_{ij} + 0{,}33 * S_{ij} + 0{,}33 * G_{ij}$$

где E_{ij} – среднее значение нормализованных экологических показателей для i-й страны в j-м году: выбросов CO_2 на душу населения, доли возобновляемых источников энергии и государственных инвестиций в охрану окружающей среды;

S_{ij} – среднее значение нормализованных социальных показателей для i-й страны в j-м году: естественного прироста (убыли) населения, уровня безработицы, коэффициента Джини по располагаемым доходам, почасовых затрат на оплату труда и индекса гендерного разрыва;

G_{ij} – среднее значение нормализованных управленческих и институциональных показателей для i-й страны в j-м году: доли «зеленых» инвестиций, Базельского индекса «Anti-Money Laundering», индекса свободы прессы, прозрачности институтов власти и прозрачности бизнеса.

Такая конструкция предназначена для сравнения относительного положения стран внутри ЕС в конкретный год. Поэтому изменение рейтинговой категории во времени интерпретируется только совместно с динамикой исходных показателей и не рассматривается как самостоятельное доказательство абсолютного прогресса. Различия в доступности отдельных статистических рядов дополнительно ограничивают прямое межвременное сопоставление рейтингов. В зависимости от достигнутых показателей государства распределяются на три укрупненные категории: высокий уровень (ESG-A), средний уровень (ESG-B) и низкий уровень (ESG-C), внутри которых выделяются подгруппы в зависимости от степени ESG-воздействия политики в области ESG (таблица 26).

Таблица 26 – Относительная межстрановая оценка государств-членов ЕС по интегральному индексу ESG-воздействия (за период с 2014 по 2024 гг.)

Страна / год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Австрия	A	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB
Бельгия	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB
Болгария	B	B	B	B	B	B	B	B	B	B	BB
Венгрия	BB	BB	BB	BB	BB	B	BB	BB	BB	BB	BB
Германия	A	A	A	A	A	A	A	A	BBB	A	BBB
Греция	B	B	B	B	B	B	BB	BB	BB	BB	BB
Дания	A	AA	A	AA	A	AA	AA	AA	AA	AA	AA
Ирландия	BBB	BBB	BBB	BBB	A	A	A	A	A	A	A
Испания	BBB	BB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB
Италия	BBB	BB	BB	BBB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB
Кипр	BB	BB	BB	B	B	B	BB	BB	BB	BB	BB
Латвия	BB	BBB	BBB	BBB	BB	BB	BB	BBB	BB	BBB	BBB
Литва	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BBB
Люксембург	BBB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BBB	BBB	BBB	BB
Мальта	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB
Нидерланды	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A
Польша	BB	BB	BBB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB
Португалия	BB	BB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB
Румыния	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB
Словакия	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB
Словения	BB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB	BBB
Финляндия	BBB	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A

Продолжение таблицы 26

Франция	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	BBB
Хорватия	BB	BBB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BBB
Чехия	BB	BB	BBB	BBB	BB	BB	BB	BB	BBB	BBB	BB
Швеция	AA	AA	AA	AA	AA	AA	AA	AA	AA	AA	AA
Эстония	BB	BBB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BB	BBB

Источник: составлено автором.

Результаты расчета интегрального индекса позволяют выявить устойчивую межстрановую дифференциацию относительных ESG-позиций государств-членов ЕС. Швеция на протяжении значительной части рассматриваемого периода занимает одну из наиболее высоких относительных позиций (AA). К группе стран с устойчиво высокими значениями также относятся Дания (характеризуется высокими показателями, закрепляясь в категории AA с середины рассматриваемого периода, что свидетельствует о развитых институциональных механизмах и комплексной реализации ESG стратегий), Нидерланды (демонстрируют устойчивую положительную динамику и к 2024 г. сохраняют высокий уровень A), а также Финляндия и Ирландия.

Большинство государств концентрируется в среднем диапазоне относительных оценок, что свидетельствует о сохраняющейся неоднородности экологических, социальных и управленческих характеристик внутри интеграционного объединения. Поскольку границы нормализации и рейтингового распределения формируются отдельно для каждого года, переход страны между рейтинговыми категориями и отсутствие в отдельном году категории ESG-C не могут самостоятельно интерпретироваться как доказательство абсолютного улучшения ESG-показателей во времени.

Наибольшая группа стран-членов ЕС сосредоточена в категории среднего уровня устойчивости ESG-B, что указывает на широкий охват данной группы внутри Евросоюза. В рамках этой категории можно выделить несколько подуровней. Наиболее сильные позиции среди стран среднего уровня занимают государства с рейтингом BBB, к которым в разные годы относятся Бельгия, Словения, Испания, Португалия, Латвия и Литва. Для них характерно сочетание относительно сбалансированных показателей в экологической, социальной и управленческой сферах, однако сохраняются отдельные уязвимости, преимущественно в области экологической трансформации экономики и эффективности отдельных управленческих механизмов.

К группе BB относятся государства, демонстрирующие умеренные результаты в части реализации политики в области ESG: в данную категорию вошли Чехия, Люксембург, Италия, Польша, Румыния, Словакия, Венгрия и Мальта. Эти страны характеризуются относительно стабильной динамикой, однако сталкиваются с рядом ограничений, связанных с институциональными особенностями национальных экономик, структурой энергетического сектора и различиями в уровне социально экономического развития.

К категории B, представляющей нижний сегмент среднего уровня устойчивости, относятся страны с наиболее выраженными структурными дисбалансами в рамках ESG повестки. В 2024 г. к данной группе относятся Греция и Болгария, хотя последняя демонстрирует определенное улучшение рейтинга до уровня BB по сравнению с предыдущими годами. Для данных государств характерны сравнительно низкие показатели реализации природоохранных инициатив, более высокая социально-экономическая уязвимость и необходимость дальнейшего совершенствования управленческих институтов.

Следует подчеркнуть, что по состоянию на 2024 г. в распределении отсутствуют страны категории ESG C, отражающей низкий уровень устойчивости. Это свидетельствует о том, что даже государства с наименее благоприятными показателями реализации политики в области ESG в рамках Европейского союза достигли базового уровня социально-экономической и экологической устойчивости.

Результаты итогового рейтингования стран-членов ЕС по состоянию на 2024 г. показывают, что лидирующие позиции занимают Швеция, Дания, Нидерланды, Финляндия и Ирландия, а к странам с наиболее низкими позициями относятся Болгария, Венгрия и Италия. В целом можно констатировать, что большинство стран-членов ЕС демонстрирует средний уровень ESG устойчивости, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования экологических, социальных и управленческих механизмов в рамках реализации политики в области ESG.

Результаты рейтингования стран-членов ЕС по итогам расчета интегрального индекса ESG-воздействия ESG за 2024 год представлены в таблице 27.

Таблица 27 – ESG-рейтинг стран-членов ЕС (за 2024 год)

Страна	Место в ESG-рейтинге
Швеция	1
Дания	2
Нидерланды	3
Финляндия	4
Ирландия	5
Латвия	6
Литва	7
Португалия	8
Австрия	9
Франция	10
Словения	11
Германия	12
Бельгия	13
Эстония	14
Испания	15
Хорватия	16
Люксембург	17
Мальта	18
Словакия	19
Чехия	20
Польша	20
Румыния	22
Кипр	23
Греция	24
Италия	25
Венгрия	26
Болгария	27

Источник: составлено автором.

Согласно полученным результатам, лидирующие позиции занимают Швеция, Дания, Нидерланды, Финляндия и Ирландия, что отражает высокий уровень институционального развития, устойчивую экологическую политику и эффективные механизмы социального регулирования. В свою очередь, наименьшие значения индекса зафиксированы в Болгарии, Венгрии и Италии, что указывает на наличие структурных ограничений в реализации ESG

практик и необходимость дальнейшего совершенствования экологических, социальных и управленческих механизмов в данных странах.

Таким образом, наибольшее количество стран Европейского союза демонстрирует средний уровень устойчивого развития, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования экологических, социальных и управленческих механизмов в большинстве государств. Высокий уровень рейтинга A встречается значительно реже и характерен преимущественно для стран с высоким уровнем экономического развития и стабильными институциональными условиями. В свою очередь, государства с рейтингом B сталкиваются с различными вызовами, требующими комплексного подхода к повышению эффективности реализации политики в области ESG.

В Приложениях Г, Д и Е отражены данные итогового рейтинга стран Европейского союза по экологическим показателям, показателям социально ответственного и качественного корпоративного управления соответственно.

Таким образом, наибольшее количество стран Европейского союза демонстрирует средний уровень устойчивого развития, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования экологических, социальных и управленческих механизмов в большинстве государств. Высокий уровень ESG-A встречается значительно реже и характерен преимущественно для стран с высоким уровнем экономического развития и стабильными институтами. В свою очередь, государства с рейтингом ESG-B сталкиваются с различными вызовами, требующими комплексного подхода к повышению устойчивости.

Для проверки гипотезы о наличии статистической взаимосвязи между относительной ESG-позицией государства и уровнем его экономического развития проведен корреляционный анализ интегрального ESG-индекса и ВВП на душу населения. Коэффициент корреляции используется исключительно как мера силы и направления линейной связи между двумя массивами данных и не позволяет установить направление причинности или количественно оценить самостоятельный причинный эффект ESG-политики.

Результаты вычислений коэффициента корреляции по годам приведены в таблице 28.

Таблица 28 – Коэффициент корреляции интегрального ESG Индекса и ВВП стран ЕС на душу населения по годам

Год	Значение коэффициента корреляции
2014	0,78
2015	0,67
2016	0,73
2017	0,69
2018	0,72
2019	0,74
2020	0,77
2021	0,77
2022	0,79
2023	0,74
2024	0,63

Источник: расчеты автора.

Полученные значения коэффициента корреляции остаются положительными на протяжении всего периода 2014-2024 гг. и варьируются от 0,78 до 0,63, что свидетельствует об устойчивой прямой статистической взаимосвязи между относительными ESG-позициями стран и уровнем ВВП на душу населения. Снижение тесноты связи в отдельные годы может быть связано с изменением межстрановой структуры показателей и воздействием более широкого комплекса макроэкономических и институциональных факторов. Полученный результат не трактуется как доказательство одностороннего причинного воздействия ESG на ВВП, поскольку связь может иметь двусторонний характер: более высокий уровень экономического развития одновременно расширяет возможности финансирования экологических, социальных и институциональных преобразований.

Полученные результаты интегральной межстрановой оценки и корреляционного анализа используются далее в качестве эмпирической основы для сценарного анализа. Учитывая ограниченную длину годовых рядов и институциональный характер изменений ESG-политики, оценка перспектив ее дальнейшей эволюции строится на сочетании выявленных

межстрановых различий с анализом регуляторных, технологических, инвестиционных, энергетических и геоэкономических факторов.

Проведенное исследование показывает, что экологические (E), социальные (S) и управленческие (G) факторы по-разному влияют на экономическое развитие стран-членов ЕС в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Так, ухудшение экологических условий снижает текущую продуктивность и рост. Например, загрязнение воздуха в ЕС приводит к потерям порядка 600 млрд евро в год (около 4% ВВП) за счёт больничных, снижения производительности и преждевременной смертности[165].

В краткосрочной перспективе негативные экологические условия напрямую влияют на производительность труда (через болезни, потери рабочих дней) и по урожайность в сельском хозяйстве в странах-членах ЕС. Долгосрочно накопленный экологический ущерб ещё существеннее будет сказываться на экономической динамике европейских стран. Иными словами, компонент «E» становится критически значимым для обеспечения устойчивых темпов экономического роста.

В свою очередь, «S-факторы» (человеческий капитал, распределение доходов, социальная стабильность и др.) влияют прежде всего на долгосрочные темпы социально-экономического развития стран-членов ЕС. Высокий уровень неравенства способно снизить темпы экономического роста, поскольку сопряжён с негативными эффектами для экономики – ведёт к социальному напряжению, экстремизму и снижению социальных лифтов, что в итоге подрывает производительность будущих поколений. Кроме того, социальное неблагополучие и поляризация могут привести к политической нестабильности в странах-членах ЕС.

Краткосрочно влияние социальных факторов на темпы ВВП может быть не столь заметно (неравенство иногда даже сопровождается высоким ростом), однако в долгосрочной динамике страны-члены ЕС с более равномерным

---

[165] Economy and pollution. [Электронный ресурс] URL: https://www.cleanairfund.org/theme/economics/#:~:text=In%20India%2C%20reduced%20productivity%2C%20work,is%20good%20for%20our%20economies (дата обращения: 17.01.2026).

распределением доходов и социальных благ (скандинавские, в первую очередь) демонстрируют более активную реализацию политики в области ESG, чем страны с сильным расслоением.

В ЕС качество управленческих институтов и корпоративного управления («G») является одним из показателей экономической стабильности той или иной страны. Это проявляется в том, что страны с качественным управлением и прозрачной политикой привлекают больше прямых инвестиций, имеют более развитые финансовые рынки и более устойчивы к внешним шокам. В краткосрочной перспективе эффект от проявления компонента «G» проявляется через повышение уровня доверия: во время кризисов (финансового, пандемии) страны-члены ЕС с более надежными институтами смогли оперативнее реагировать и быстрее восстановиться, избежав паники на рынках.

В долгосрочной перспективе накопленный эффект от качественного корпоративного управления существенен: он способствует более эффективному использованию ресурсов, инновациям и диверсификации экономики. Таком образом, компонент «G» можно считать наиболее «базовой» предпосылкой для экономического развития стран-членов ЕС: без него экологические и социальные реформы не реализуются настолько эффективно, насколько изначально планируются.

3.2 Сценарный анализ дальнейшей эволюции политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного в странах Европейского союза в рамках парадигмы устойчивого развития

Геополитическая напряжённость последних лет изменила подход к реализации политики в области ESG в странах-членах Европейского союза: от преимущественно декларативного понимания устойчивого развития к режиму управляемой прозрачности и сопоставимости ESG-показателей. Разрывы в цепочках поставок и ценовые шоки на рынках энергоресурсов после 2022 года

придали первоочередное значение энергетической безопасности и снижению уязвимости от внешних факторов. Параллельное расширение санкционных режимов усилило требования к прослеживаемости трансграничных потоков, соблюдению нормативных требований и качеству публичной отчётности, поскольку соответствующие риски приобрели как финансовое, так и нефинансовое измерение. Следовательно, ESG-концепция стала инструментом стабилизации как на уровне отдельных европейских финансовых институтов, так и на уровне европейской системы в целом.

Сценарный анализ в настоящем исследовании используется как метод условного моделирования альтернативных траекторий трансформации ESG-политики Европейского союза, а не как статистический прогноз вероятности наступления конкретного будущего состояния. Сценарии формируются на основе сочетания выявленных ранее ресурсных различий и рисков с возможными изменениями регуляторных, технологических, инвестиционных, энергетических и геоэкономических условий. Поэтому каждому сценарию соответствует определенная комбинация предпосылок, экономических эффектов, ограничений и индикаторов мониторинга, а не формальная вероятность реализации. Анализ построен на четырех возможных сценариях развития:

1. «Базовый сценарий».
2. «Сценарий ускоренного перехода».
3. «Сценарий усиления фрагментации».
4. «Сценарий жёсткого регулирования».

Рассмотрим детально каждый из представленных сценариев с позиции основных предпосылок для его реализации, изменений в регулировании, ожидаемых экономических эффектов, а также ключевых рисков.

В рамках «базового» сценария ключевой предпосылкой выступает то, что будет наблюдаться продолжение текущего курса ЕС по реализации политики в области ESG без радикальных усилений или ослаблений. Реализуются уже принятые инициативы в рамках «Европейского зеленого

курса» и «Пакета Fit for 55», а глобальное сотрудничество по климату развивается в рамках Парижского соглашения. Технический прогресс идет постепенными темпами, крупных прорывов не происходит, однако стоимость ВИЭ планово снижается.

В рамках данного сценария ЕС полноценно вводит в действие уже утвержденные нормы: в 2024–2026 гг. вступают требования CSRD/ESRS о раскрытии ESG-показателей для бизнеса, финансовый сектор работает по SFDR, Таксономия устойчивости ЕС применяется инвесторами. Новые инициативы вводятся после 2025 г. точечно (например, социальная таксономия – единые стандарты ESG-рейтингов). Углеродное ценообразование усиливается постепенно: система ETS расширяется на новые отрасли (транспорт, строительство) с вводом ETS 2 к 2027 г., но цена CO_2 растёт относительно плавно, ПКУМ полноценно введен начиная с 2026 г.

С точки зрения ожидаемых эффектов в рамках данного сценария можно отметить следующие:

– увеличиваются инвестиции в «зелёные» сектора (ВИЭ, электротранспорт, энергоэффективность), причем умеренно высокими темпами (по оценкам Еврокомиссии, к 2030 г. доля совокупных инвестиций в ВВП ЕС вырастает ориентировочно до 25% (против 22% без дополнительных мер)[166] благодаря росту капиталовложений в энергопереход (энергетика, транспорт, строительство);

– реализация «Пакета Fit for 55» даст чистый прирост около 204 тыс. рабочих мест к 2030 г. по ЕС, но локально происходят сокращения в добыче ископаемого топлива и энергоёмких отраслях, а работники в этих секторах частично перемещаются в новые;

– доля ВИЭ увеличивается (до 42% в конечном потреблении к 2030 г.), что уменьшает затраты на топливо и стабилизирует цены.

[166] ABN AMRO Research. Which EU countries will suffer the most from extreme climate? (duplicate entry). [Электронный ресурс]. URL: https://www.abnamro.com/research/en/our-research/esg-economist-which-eu-countries-will-suffer-the-most-from-extreme-climate (дата обращения: 22.01.2026).

В целом в базовом сценарии ЕС достигает целей 2030 г. с относительно малым отставанием; экономики стран-членов ЕС адаптируются к новым нормам, сохраняя конкурентоспособность (хотя энергоёмкие отрасли испытывают давление из-за удорожания выбросов CO_2). Основная проблема – недостаточная амбициозность с точки зрения борьбы с изменением климата.

В рамках проактивного сценария («Ускоренный переход») происходит усиление экологической повестки ввиду нарастающих климатических рисков и общественного запроса. Страны-члены ЕС ставят более амбициозные цели – например, увеличить цель сокращения выбросов к 2030 г. до -60-65%, достичь углеродной нейтральности раньше 2050 г. (некоторые страны-члены ЕС – к 2040–2045). Дополнительный стимул – технологические прорывы: ускоренное снижение стоимости водородных технологий, новые прорывные решения в хранении энергии, улавливании CO_2 и др., делающие быструю декарбонизацию более реалистичной. Также в рамках данного сценария ЕС стремится максимально избавиться от импорта ископаемого топлива (газ, нефть) и переходит на возобновляемые источники и водород для энергетической независимости.

С точки зрения ожидаемых эффектов в рамках данного сценария можно отметить следующие:

– «бум» инвестиций в зелёные сектора (по оценкам ЕЦБ, ускоренный переход потребует резкого увеличения инвестиций, но зато после 2030 г. позволит снизить физические риски)[167];

– высокая доля ВВП (до 8%) ежегодно направляется в устойчивую инфраструктуру (что по моделям Сети по экологизации финансовой системы (Network for Greening the Financial System, NGFS) соответствует «Net Zero 2050» пути), что даёт мультипликативный эффект: по расчётам ЕЦБ, такие

[167] Eurostat: Energy statistics (duplicate of № 60). [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_statistics_-_an_overview (дата обращения: 05.01.2026).

зеленые вложения могут повысить среднесрочный рост ВВП, сочетая эффект спроса и предложения[168];

– на рынке труда создаются миллионы новых рабочих мест в секторах возобновляемой энергетики, электромобилестроении, строительстве сетей и объектов ВИЭ. При этом ускоренное свёртывание углеродоёмких отраслей вызывает волну высвобождения рабочей силы за короткий срок. Без достаточных мер поддержки возможна фрикционная безработица в отдельных регионах;

– темпы роста ВВП могли бы быть выше базового за счёт технологического прогресса, а к 2040 г. экономики стран-членов ЕС получают преимущество конкурентной низкоуглеродности.

В сценарии «Фрагментация» (разобщённость усилий) отсутствует единый общеевропейский курс – усиливается разнородность как внутри ЕС, так и на глобальном уровне. Причинами могут выступить рост евроскептицизма и популярности партий, ставящих в приоритет национальные интересы и традиционные отрасли, а также ослабление сотрудничества между крупнейшими экономиками (США, Китай). Внутри ЕС ряд стран отклоняется от общего курса (например, новые правительства в некоторых государствах смягчают цели, связанные с реализацией политики в области ESG).

С точки зрения ожидаемых эффектов в рамках данного сценария можно отметить следующие:

– неопределённость в части реализации политики в области ESG подрывает инвестиционный климат (если одни страны ЕС субсидируют ВИЭ, а другие поддерживают газовые проекты, частные инвесторы могут занять нейтральную позицию);

---

[168] Financial Stability Review. Special feature on climate transition risk. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/financial-stability-publications/fsr/special/html/ecb.fsrart202305_03.en.html (дата обращения: 22.02.2026).

– объём зеленых инвестиций в ЕС в данном сценарии ниже целевого на 20–30%, что ведёт к недостижению ряда промежуточных целей;

– усиливаются межстрановые различия: некоторые страны-члены ЕС (например, Скандинавия, Германия, Франция) продолжают относительно амбициозную политику в области ESG на национальном уровне, поддерживая зелёный бизнес, а другие (к примеру, восточноевропейские) замедляют переход (продлевают работу угольных тепловых электростанций (ТЭС), блокируют новые инициативы ЕС). В результате происходит существенный разрыв: одни страны приближаются к климатической нейтральности, другие – значительно отстают. При усилении фрагментации не удаётся создать единые цепочки создания стоимости для новых отраслей, вследствие чего Евросоюз теряет часть конкурентных преимуществ.

В рамках последнего из рассматриваемых сценариев («Регуляторная перегрузка») ЕС продолжает активную разработку ESG-нормативов, однако количество правил, стандартов и отчетных требований стремительно растёт и начинает превышать возможности европейских компаний эффективно их выполнять. Например, принимаются дополнительные правовые акты: помимо экологической таксономии вводится социальная таксономия, расширяются обязательные раскрытия (в части гендерного равенства, биоразнообразия и т. д.), банковский сектор вводит сразу несколько новых надзорных требований[169].

В итоге корпоративный сектор сталкивается с разноплановыми типами ESG-отчётности и сложной комплаенс-нагрузкой. Негативные проявления в рамках сценария могут усугубиться, если в самом ЕС бюрократический аппарат не успеет гармонизировать нормативные требования: возможны дублирования или пересечения между CSRD и CSDDD (т.е. с директивой о должной проверке цепочек поставок), Таксономией устойчивости ЕС и прочими нормативными актами. С точки зрения ожидаемых эффектов в рамках данного сценария можно отметить следующие:

[169] Зимина О.С., Финогенова Ю.Ю. Влияние ESG на банковский сектор: новые возможности // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – №6. – С. 24-37.

– увеличение издержек для бизнеса в части соответствия нормативным требованиям, в результате чего возможно снижение конкурентоспособности европейских компаний относительно, например, американских, где регуляторная нагрузка меньше;

– руководство европейских компаний тратит много времени на ESG-отчётность, а не на реальное внедрение политики в области ESG (например, вместо инвестиций в модернизацию предприятие нанимает дополнительный персонал для сбора данных по всем показателям устойчивости);

– возможны задержки в части реализации инфраструктурных проектов ввиду чрезмерных процедур согласования по ESG критериям (например, при получении финансирования для проекта). В долгосрочном плане часть этих издержек может окупиться если повысится устойчивость, но риск состоит в том, что эффективность мер снижается из-за их переизбытка.

Представленные сценарии подчёркивают значимость нахождения баланса в части реализации ESG-политики. Базовый сценарий обеспечит поступательное движение к устойчивости, но может быть недостаточен для достижения установленных целей в области ESG. Ускоренный переход предполагает европейское лидерство и получение долгосрочных выгод, сопряжённых с управляемыми шоками в экономике. Фрагментация грозит упущенными возможностями и усилением ESG-рисков, тогда как регуляторная перегрузка может обернуться риском подорвать эффективность самой ESG-повестки. В таблице 29 отражены результаты сценарного анализа дальнейшей эволюции политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного в странах Европейского союза в рамках парадигмы устойчивого развития.

Таблица 29 – Результаты проявления сценариев дальнейшей эволюции политики в области ESG в странах Европейского союза

Название сценария	Ключевые предпосылки	Регуляторные акценты (к 2025-2030 гг.)	Ожидаемые эффекты	Индикаторы мониторинга	Основные риски в рамках сценария
1	2	3	4	5	6
«Базовый» (стабильный)	Последовательная реализация действующих целей ЕС; умеренный технологический прогресс; повышение энергоэффективности; калибровка и упрощение регуляторных требований.	Фазовое внедрение CSRD/ESRS и SFDR; применение Таксономии устойчивости ЕС; расширение ETS (в т.ч. ETS-2 к 2027); ввод СПКУМ с 2026; точечные упрощения ESG-отчётности	Умеренный рост «зеленых» инвестиций; снижение энергоёмкости; управляемая реструктуризация занятости; постепенное повышение надежности энергосистем.	Ежегодное сокращение выбросов CO_2 (3-4%); доля ВИЭ (около 42% к 2030); доля «зелёных» секторов в ВВП; динамика занятости в уязвимых к энергопереходу отраслях	Недостаточный темп преобразований для достижения долгосрочных целей; отставание трудно сокращаемых отраслей; сохранение межстрановой инвестиционной асимметрии.
«Сценарий ускоренного перехода» (проактивный)	Более амбициозная по сравнению с базовой траектория сокращения выбросов; ускоренное внедрение низкоуглеродных технологий; увеличение инвестиций в энергетику, промышленную модернизацию и инфраструктуру.	Форсированная траектория ETS/цены CO_2; ранний отказ от двигателей внутреннего сгорания; ужесточение стандартов; расширение мандатов Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) и национальных фондов; климатические «клубы»	Ускоренный рост инвестиций и декарбонизации; более быстрое снижение энергоёмкости; расширение занятости в новых секторах при региональной неоднородности эффектов.	Темпы снижения выбросов CO_2, близкие к достижению климатической цели ЕС (углеродной нейтральности); доля «зелёных» секторов в ВВП; доступность критических видов минерального сырья; счета домохозяйств за энергию	Дефицит критически важных материалов и оборудования; краткосрочное ценовое давление; социальные издержки ускоренной перестройки; риск инвестиционных дисбалансов.

Продолжение таблицы 29

1	2	3	4	5	6
«Сценарий усиления фрагментации» (разобщённость)	Ослабление политико-регуляторной координации на уровне всего ЕС; разнонаправленные национальные траектории в области ESG; замедление глобальной климатической кооперации.	Различия в национальной имплементации стандартов CSRD и в практике применения SFDR и Таксономии ЕС в странах-членах ЕС; смягчение или отсрочка применения ETS-2 в части стран-членах ЕС; споры вокруг ПКУМ; национальные диспропорции и двойные ESG-стандарты	Рост национальной гибкости в выборе инструментов ESG-политики; более точная адаптация мер к структуре экономики отдельных стран; ускоренное тестирование национальных регуляторных решений.	Дисперсия по странам: доля ВИЭ, темпы сокращения CO_2, «зелёные» инвестиции, ВВП; волатильность цен на электроэнергию; задержки в принятии наднациональных НПА	Ослабление сопоставимости правил и данных; рост стоимости капитала ввиду неопределенности; усиление региональной асимметрии и ослабление общеевропейской координации.
«Сценарий жёсткого регулирования». (регуляторная перегрузка)	Ужесточение требований и наложение их положений друг на друга при недостаточной гармонизации законодательства; высокая детализация ESG-отчётности; параллельное ужесточение надзора.	Расширение применения ESRS; наслоение стандартов; возможная «социальная таксономия»; более жесткие правила по ESG-рейтингам	Повышение прозрачности и сопоставимости ESG-отчетности; усиление дисциплины раскрытия; снижение рисков недостоверного экологического позиционирования; более точная оценка ESG-рисков.	Стоимость или выручка; сроки разрешительных процедур; локация IPO или листингов; опросы бизнеса о регуляторной нагрузке	Рост издержек соблюдения требований, особенно для малого и среднего бизнеса; дублирование процедур при недостаточной гармонизации процессов; замедление проектов и инноваций; снижение инвестиционной привлекательности отдельных видов деятельности.

Источник: составлено автором.

Базовый сценарий эволюции политики в области ESG в Европейском союзе до 2050 года используется в исследовании в качестве референтной траектории и предполагает последовательную реализацию уже закрепленных целей Европейского союза при умеренных темпах технологического прогресса, дальнейшем развитии возобновляемой энергетики и устойчивого финансирования, а также институциональной калибровке и упрощении отдельных элементов ESG-регулирования.

Сценарий ускоренного перехода предполагает более высокую интенсивность технологической и инвестиционной трансформации; сценарий усиления фрагментации – ослабление общеевропейской координации и расхождение национальных траекторий; сценарий жесткого регулирования – дальнейшее усложнение обязательных требований к отчетности и надзору при риске роста издержек соблюдения. Характер взаимодействия ЕС с третьими странами, включая Российскую Федерацию, рассматривается как внешний параметр сценариев и не является самостоятельным объектом прогнозирования в настоящем исследовании.

При снижении геополитической напряженности возможен пересмотр санкционной политики ЕС, что создаст условия для восстановления сотрудничества с Российской Федерацией. В первую очередь это может коснуться торговли критически важными сырьевыми ресурсами (включая редкоземельные металлы, используемые в производстве аккумуляторов, электромобилей и технологий возобновляемой энергетики). В этом контексте наиболее вероятными являются оптимистический и, в определенной степени, базовый сценарии, которые создают условия для частичной нормализации торговых отношений и привлечения дополнительных инвестиций в развитие устойчивых технологий.

Использование европейского опыта реализации ESG-политики применительно к Российской Федерации целесообразно рассматривать не как перенос нормативной модели ЕС, а как адаптацию отдельных механизмов с учетом структуры российской экономики, высокой роли промышленного и

топливно-энергетического комплекса, территориальной неоднородности, приоритетов технологического суверенитета и изменившейся конфигурации внешних связей[170]. Проведенный в анализ показывает, что даже внутри Европейского союза унифицированная нормативная архитектура приводит к различающимся национальным траекториям вследствие неодинаковых ресурсных, инфраструктурных и институциональных условий. Для России этот вывод имеет принципиальное значение: применимость каждого инструмента ESG должна оцениваться через его влияние на производительность, инвестиционную активность, ресурсную эффективность, занятость, технологическое обновление и внешнеэкономическую устойчивость.

Первым направлением адаптации опыта ЕС является развитие сопоставимой системы нефинансовых данных и раскрытия показателей устойчивости. Европейский опыт CSRD и ESRS демонстрирует преимущества унификации терминологии, структуры данных и процедур верификации, поскольку единые требования снижают информационную асимметрию для инвесторов и кредиторов. Одновременно опыт стран-членов ЕС позволил выявить риск существенного роста административных издержек при высокой детализации и наложении регуляторных требований. В российских условиях более обоснованным представляется пропорциональный подход: ограниченный набор обязательных базовых показателей для крупнейших компаний и организаций с существенным экологическим воздействием с учетом уже существующей государственной статистической, экологической и корпоративной отчетности.

Второе направление связано с классификацией устойчивых и переходных проектов и развитием инструментов устойчивого финансирования. Таксономия ЕС повышает сопоставимость проектов и формирует единообразие для участников финансового рынка, однако жесткая

[170] Капранова Л.Д., Полищук О.А. ESG-трансформация как парадигма устойчивого развития экономики России // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, №. 3. – С. 1-17.

бинарная классификация способна ограничивать финансирование переходных технологий в капиталоемких отраслях. Для Российской Федерации целесообразно увязывать критерии устойчивого финансирования с задачами промышленной модернизации, повышением энерго- и ресурсоэффективности, внедрением наилучших доступных технологий и технологическим обновлением существующих производств. В условиях сокращения доступа к части внешних финансовых рынков приоритетное значение приобретает развитие внутренних облигационных и кредитных инструментов с прозрачной оценкой фактического экологического и производственного эффекта проектов.

Третье направление относится к энергетической и инфраструктурной трансформации. Европейский опыт показывает, что увеличение доли низкоуглеродной и переменной генерации дает устойчивый экономический эффект только при синхронном развитии сетей, резервных мощностей, накопителей, механизмов управления спросом и межсистемных соединений. Российская модель должна учитывать иной энергетический баланс, масштаб территории, климатические условия и наличие значительных традиционных энергетических ресурсов. Поэтому основной эффект применения ESG-инструментов в энергетике целесообразно связывать не с механическим воспроизведением структуры генерации ЕС, а с сокращением потерь, повышением энергоэффективности, модернизацией сетевого комплекса, надежностью энергоснабжения удаленных территорий и технологическим обновлением энергоемких отраслей.

Четвертым применимым элементом является социальная логика «справедливого перехода». В ЕС соответствующие механизмы направлены на компенсацию издержек структурной перестройки угледобывающих и индустриальных территорий через переподготовку работников, диверсификацию занятости, поддержку малого и среднего бизнеса и инфраструктурные инвестиции[171]. Для России данный подход может быть

[171] Ковалев Ю.Ю. Политика устойчивого развития ЕС: становление, акторы, перспективы // История и современное мировоззрение. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 82-91

адаптирован прежде всего к монопрофильным и промышленно зависимым территориям, где экологическая или технологическая модернизация крупных предприятий способна влиять на занятость и доходы местного населения. В таком случае ESG-политика должна быть интегрирована с региональной и промышленной политикой, а оценка проекта учитывать не только экологический эффект, но и изменение занятости, налоговой базы, доступности социальной инфраструктуры и возможностей диверсификации экономики территории.

Пятое направление связано с учетом внешнеэкономических рисков европейского ESG-регулирования. Развитие углеродного регулирования, требований к раскрытию информации и должной осмотрительности в цепочках поставок изменяет условия доступа на рынки, структуру транзакционных издержек и требования к прослеживаемости продукции даже для компаний из третьих стран. В условиях геоэкономической фрагментации российской экономике необходим мониторинг подобных внешних стандартов прежде всего как элемента управления экспортными и технологическими рисками, одновременно с учетом требований новых торговых партнеров и переориентации внешнеэкономических связей. Соответственно, система ESG-индикаторов не должна быть ориентирована исключительно на соответствие европейским требованиям, а должна обеспечивать сопоставимость данных, необходимую для диверсифицированного международного экономического взаимодействия.

В таблице 30 представлены систематизированные рекомендации для Российской Федерации в части адаптации европейского опыта реализации ESG-политики.

Таблица 30 – Практические рекомендации по адаптации европейского опыта реализации ESG-политики применительно к условиям Российской Федерации

Название элемента опыта ЕС	Потенциальный эффект от реализации или ограничение	Возможность применения в Российской Федерации	Ограничение в современных условиях	Предлагаемый российский инструмент в рамках адаптации
1	2	3	4	5
Таксономия и классификация устойчивых видов деятельности	Повышает сопоставимость проектов и направляет капитал, но жесткие критерии могут ограничивать финансировани е переходных технологий	Классификация проектов по экологическом у и ресурсному эффекту, включая переходные проекты	Отличия энергетической и промышленной структуры Российской Федерации; ограниченная релевантность европейских порогов; изменение каналов внешнего финансирования	Национальные критерии устойчивых и переходных проектов, связанные с промышленной политикой и наилучшими доступными технологиями (НДТ)
Корпоративная отчетность и стандартизация ESG-данных	Снижает информационну ю асимметрию, но при этом высокая детализация увеличивает административ ные и комплаенс-издержки.	Повышение сопоставимост и данных для крупнейших компаний и отраслей.	Недопустимость дублирования существующей статистической, экологической и корпоративной отчетности.	Пропорциональ ная система: базовый набор показателей, отраслевые модули, единые правовые определения и перевод в цифровой формат.
Устойчивое (в т.ч. «зеленое») финансирование и «зеленые» облигации	Расширяет долгосрочное финансировани е, но требует доверия к маркировке и верификации эффекта.	Финансирован ие модернизации, НДТ, инфраструктур ы, энерго- и ресурсоэффек-тивности.	Снижение роли части зарубежных инвесторов и необходимость опоры на внутренний рынок капитала.	Внутренние облигационные и кредитные инструменты с верификацией фактического эффекта проекта.
Углеродное регулирование и мониторинг выбросов	Создает «ценовой сигнал» для обеспечения декарбонизации , но увеличивает издержки	Развитие измерения углеродоемкос ти, проектных механизмов и технологичес-кой модернизации.	Структура энергетики Российской Федерации, экспортная переориентация, различия в части требований	Отраслевой мониторинг углеродоемкос ти, поддержка технологий снижения выбросов, учет внешнеторго-

Продолжение таблицы 30

1	2	3	4	5
	энергоемких отраслей и влияет на внешнюю торговлю страны.		торговых партнеров.	вых рисков без копирования EU ETS.
Механизмы «справедливого перехода»	Снижают социальные издержки структурных изменений и поддерживают зависимые территории.	Использование в монопрофиль-ных и индустриаль-ных регионах при модернизации крупных производств.	Высокая территориальная неоднородность и различия бюджетных возможностей регионов России.[172]	Обеспечение взаимосвязи инвестиций, переобучения сотрудников, поддержки занятости и МСП, диверсификации экономики и социальной инфраструктуры в регионах.
Развитие энергетической и сетевой инфраструктуры	Повышает надежность низкоуглеродной трансформации; дефицит сетевой гибкости создает системные риски.	Снижение потерь, повышение энергоэффек-тивности и надежности энергоснабжения.	Иной энергобаланс, масштаб территории, климат и значительная роль традиционной генерации.	Модернизация сетей и генерации, цифровое управление, энергоэффективность и надежность как критерии отбора проектов.
ESG-рейтинги и системы мониторинга	Обеспечивают сопоставление, но расхождение методик создает риск получения нерелевантных результатов.	Отраслевая и региональная аналитика, оценка рисков и результатов модернизации.	Ограниченная применимость внешних рейтингов и необходимость учета национальной структуры экономики.	Прозрачная национальная методика; использование рейтинга как аналитического, а не регуляторного инструмента.

Источник: составлено автором.

Пилотные проекты, направленные на реализацию ESG-инициатив в России, целесообразно реализовать в тех регионах и отраслях, где география и

[172] Константиниди Х.А., Яковлева Е.Ю., Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Оценка устойчивости развития и перспектив ESG-трансформации субъектов Российской Федерации // Экономика устойчивого развития. – 2023. – № 1 (53). – С. 176-180. – DOI: 10.37124/20799136_2023_1_53_176.

индустриальный профиль создадут наибольший мультипликативный эффект от «зелёного» роста. С точки зрения отраслей приоритетными могут являться углеродоёмкие (энергетика, металлургия, химическая промышленность) и инфраструктурные отрасти (транспорт, ЖКХ, строительство).

В таблице 31 отражены элементы опыта конкретных государств-членов ЕС, который может быть наиболее релевантен для использования в России.

Таблица 31 – Страновые элементы европейского опыта, наиболее релевантные для адаптации к российским условиям

Страна ЕС / группа стран ЕС	Релевантный элемент опыта данных стран для России	Направление адаптации для Российской Федерации
1	2	3
Люксембург	Развитая инфраструктура устойчивого финансирования и специализированных площадок для «зеленых» финансовых инструментов.	Развитие институциональной инфраструктуры внутреннего устойчивого финансирования и процедур верификации проектов (применим именно финансовый механизм, без учета масштаба рынка Люксембурга).
Франция и Германия	Крупные рынки «зеленых» облигаций, активное регулирование раскрытия нефинансовой информации и правоприменительная нагрузка в климатической сфере.	Развитие инструментов финансирования промышленной модернизации при одновременном учете европейского опыта роста комплаенс-издержек и правовых рисков (приоритетом является измеримый эффект от «зеленых» проектов).
Дания, Швеция, Нидерланды	Высокие относительные позиции по совокупности ESG-показателей и развитые институциональные механизмы, сочетающие устойчивое финансирование, прозрачность и экологическую трансформацию.	Использование практик сопоставимых данных, прозрачности инвестиционных решений и координации инфраструктурных проектов. Структура энергетики этих стран не будет механически воспроизводиться в Российской Федерации.
Польша и Германия	Наличие индустриальных и углеродоемких территорий делает значимыми механизмы социальной адаптации и управления издержками энергоперехода.	Использование логики «справедливого перехода» для российских монопрофильных и промышленно зависимых территорий: переподготовка, альтернативная занятость, поддержка МСП и инфраструктурные инвестиции.

Источник: составлено автором.

Таким образом, применимость европейского опыта для России определяется не степенью формального соответствия регуляторной модели ЕС, а возможностью использовать отдельные инструменты для повышения эффективности промышленной и инфраструктурной модернизации, снижения ресурсных издержек, повышения качества корпоративного управления и уменьшения внешнеэкономических рисков. С учетом выявленных в диссертационном исследовании ограничений оптимальной является модель селективной адаптации, при которой регуляторная нагрузка соотносится с экономическим эффектом, а экологические и социальные задачи увязываются с национальными приоритетами технологического развития, энергетической безопасности и конкурентоспособности страны.

Грамотная реализация ESG-политики позволит Российской Федерации продвинуться в части достижения национальных целей, закреплённых Указом Президента Российской Федерации № 309[173]. В части реализации мер по созданию комфортной и безопасной среды для жизни и экологического благополучия можно подчеркнуть, что при внедрении ESG-инициатив снижается экологический ущерб и увеличивается энергоэффективность, а форсированное решение задач в части внедрения низкоуглеродных технологий позволит добиться существенного сокращения выбросов опасных веществ в крупных городах России и ускорить ликвидацию объектов накопленного вреда окружающей среде. В число ключевых национальных приоритетов России также включены «технологическое лидерство и цифровая трансформация», которые тесно связаны с ESG-инициативами (цифровой мониторинг выбросов, «умные» сети и сервисы, инновации в устойчивых технологиях и др.[174]).

Резюмируя, в долгосрочной перспективе наибольшего успеха добьются страны, которые сбалансированно продвигаются по всем трём направлениям политики в области ESG. Экологическая устойчивость («E») без учета

---

[173] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Портал правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 12.03.2026).

[174] Чернышева Т.К. Влияние инноваций на достижение целей устойчивого развития в странах Европейского союза // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 5. – С. 78-81.

социального компонента может породить социальные протесты (замедляя темпы проводимых реформ), социальные улучшения («S») без качественного управления могут быть нереализованными на практике, а качественное управление («G») при игнорировании экологических аспектов и потребностей общества не предотвратит климатических и социальных кризисов.

Выводы по главе 3

1. Разработанный интегральный индекс ESG-воздействия обеспечивает относительное межстрановое сопоставление государств-членов ЕС по совокупности экологических, социальных и управленческих характеристик. Проведенные в исследовании расчеты позволили выявить устойчивую межстрановую дифференциацию: наиболее высокие относительные позиции занимают Швеция, Нидерланды, Ирландия, Дания и Финляндия, тогда как большинство стран-членов ЕС сосредоточено в среднем диапазоне оценок. Поскольку минимаксная нормализация проводится отдельно для каждого года, полученные рейтинги характеризуют положение страны относительно других государств ЕС в соответствующий период и не используются как самостоятельное доказательство абсолютного прогресса ESG-показателей во времени.

2. Корреляционный анализ выявил устойчивую положительную статистическую взаимосвязь между интегральным ESG-индексом и ВВП на душу населения: значения коэффициента находятся в диапазоне 0,78-0,63 в 2014-2024 гг. Полученный результат подтверждает сопряженность относительных ESG-позиций с уровнем экономического развития, но не интерпретируется как оценка одностороннего причинного воздействия ESG-политики на ВВП, поскольку связь может носить двусторонний характер и зависеть от иных макроэкономических и институциональных факторов.

3. Сценарный анализ позволил выделить четыре альтернативные траектории дальнейшей трансформации ESG-политики в ЕС: базовую референтную траекторию, ускоренный переход, усиление фрагментации и жесткое регулирование. Их различия определяются комбинацией

регуляторных, технологических, инвестиционных, энергетических и геоэкономических предпосылок и проявляются в различной структуре издержек и рисков для государств-членов ЕС.

4. Проведенный анализ применимости европейского опыта к российским условиям продемонстрировал целесообразность частичной адаптации отдельных инструментов ESG-политики в России, к примеру, в части: стандартизации сопоставимых нефинансовых данных, классификации «зеленых» проектов, развития внутренних инструментов устойчивого (в т.ч. «зеленого») финансирования, сочетания экологической модернизации с поддержкой занятости и региональной диверсификацией. Их применение требует учета структуры и специфики российской промышленности и энергетической отрасли, территориальной неоднородности регионов Российской Федерации, а также установленных на федеральном уровне приоритетов технологического суверенитета и геоэкономической фрагментации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящего диссертационного исследования, посвященного выявлению ключевых факторов и направлений трансформации политики поддержки экологичного, социально ответственного и качественного корпоративного управления, влияющих на современную экономическую динамику стран Европейского союза, были получены следующие научные результаты и выводы.

Проведенный в рамках первой главы анализ показал, что современная политика в области ESG концептуально восходит к парадигме устойчивого развития, сформированной в рамках документов ООН и ориентированной на согласование экономических, социальных и экологических приоритетов развития. Вместе с тем (в отличие от более широкой и макроуровневой концепции устойчивого развития) ESG-подход обеспечил переход к прикладной, институционально оформленной и измеримой модели реализации соответствующих целей.

В ходе исследования было установлено, что ESG следует рассматривать как регуляторный и управленческий инструмент, обеспечивающий интеграцию принципов устойчивого развития в корпоративные, инвестиционные, финансовые и государственные практики. В данном качестве ESG-политика формирует систему критериев, стандартов и механизмов, позволяющих переводить общие императивы устойчивости в плоскость конкретных решений, процедур раскрытия информации и оценки рисков.

Концептуальная специфика ESG-подхода состоит в его опоре на три взаимосвязанных компонента (экологический, социальный и управленческий), при этом системообразующую роль играет управленческий компонент «G», обеспечивающий институциональную связанность всей триады. Именно качественное корпоративное управление делает возможным интеграцию экологических и социальных целей в единую стратегию, а также создает механизмы подотчетности, транспарентности и контроля за достижением заявленных результатов.

Также исследование показало, что европейский подход к формированию политики в области ESG отличается выраженным нормативно-регуляторным характером, при котором устойчивость рассматривается не только как корпоративная практика, но и как элемент экономической стратегии всего интеграционного объединения. Установлено, что в Европейском союзе ESG-концепция эволюционировала от общей идеологии устойчивости к комплексной регуляторной системе, встроенной в логику Европейского зеленого курса и ориентированной на достижение климатической нейтральности к 2050 г. При этом экологический компонент триады объективно занимает центральное место в европейской модели, тогда как социальный компонент определяет содержательные параметры справедливого перехода, а управленческий задает институциональные рамки и условия для их реализации.

Результаты проведенного в рамках второй главы диссертационного исследования анализа показывают, что Европейский союз располагает достаточной ресурсной базой для реализации политики в области ESG (включающей финансовые, технологические, кадровые, энергетические, инфраструктурные и регуляторные компоненты). При этом ключевыми факторами ее реализации выступают устойчивость фискально-рыночных механизмов финансирования, состояние энергетической системы, качество социальной инфраструктуры и институциональная готовность государств-членов ЕС к проведению структурных преобразований.

Реализация политики в области ESG в странах ЕС носит дифференцированный характер и определяется соотношением национальных проблем и приоритетов развития. В государствах с ограниченным фискальным потенциалом и низкой долей возобновляемой энергетики приоритетными выступают налогово-регуляторные меры, ускорение ввода ВИЭ, развитие накопителей энергии и устранение административных барьеров подключения.

Для стран с высокой углеродоемкостью электро- и теплоснабжения первостепенное значение приобретают модернизация сетевой

инфраструктуры, повышение гибкости энергосистем и реализация программ «справедливого перехода», тогда как для стран-лидеров по ВИЭ основной акцент смещается на обеспечение управляемости переменной генерации и цифровизацию сетевого управления. В целом полученные в рамках второй главы результаты позволяют заключить, что дальнейшая реализация ESG-политики в ЕС будет связана прежде всего со снижением издержек в части соблюдения требований к отчетности, ускорением инфраструктурных проектов и повышением сопоставимости данных, что должно способствовать более эффективной аллокации капитала и снижению межстрановой неоднородности в траекториях устойчивого развития.

В рамках третьей главы разработан интегральный индекс ESG-воздействия, предназначенный для относительного межстранового сопоставления государств-членов Европейского союза по совокупности экологических, социальных и управленческих характеристик. Расчеты выявили выраженную и устойчивую дифференциацию стран: наиболее высокие относительные позиции занимают Швеция, Нидерланды, Ирландия, Дания и Финляндия, тогда как большинство государств ЕС располагается в среднем диапазоне оценок. Полученная классификация отражает положение государства относительно других стран ЕС в конкретном году; вследствие ежегодной минимаксной нормализации она не рассматривается как самостоятельная мера абсолютного межвременного прогресса.

Сопоставление интегрального ESG-индекса с ВВП на душу населения выявило устойчивую прямую статистическую взаимосвязь: коэффициент корреляции в 2014-2024 гг. изменялся от 0,78 до 0,63. Данный результат показывает сопряженность более высоких относительных ESG-позиций с более высоким уровнем экономического развития, однако не означает установления односторонней причинной зависимости. Характер связи может быть двусторонним, поскольку экономическое развитие расширяет ресурсные возможности экологической, социальной и институциональной трансформации.

Для оценки перспектив дальнейшего развития сформированы четыре сценарные траектории ESG-политики для стран-членов ЕС: базовая, ускоренного перехода, усиления фрагментации и жесткого регулирования. Сценарии различаются сочетанием регуляторных, технологических, инвестиционных и геоэкономических предпосылок и позволяют сопоставить потенциальные эффекты и ограничения альтернативных направлений трансформации без присвоения им формальной вероятности реализации.

Практическим результатом исследования является систематизация перспективных направлений практического использования европейского опыта в интересах Российской Федерации. Установлено, что наиболее применимы механизмы повышения сопоставимости ESG-данных, проектной классификации «зеленых» инвестиций, устойчивого (в т.ч. «зеленого») финансирования, социальной поддержки структурной модернизации и мониторинга внешних регуляторных рисков. Их использование в Российской Федерации требует адаптации к национальным приоритетам социально-экономического развития, установленных на федеральном уровне, а также учета специфики России в части обеспечения энергетической безопасности, территориальной сбалансированности и конкурентоспособности страны в условиях геоэкономической фрагментации.

Ограничения исследования обусловлены доступностью и сопоставимостью данных по отдельным компонентам политики в области ESG в рамках Европейского союза, а также инерционностью институциональных изменений, что ограничивает экстраполяции на длительные горизонты. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением базы индикаторов, интеграцией метрик физических климатических рисков и социальных последствий энергоперехода, а также с углублением моделирования поведенческих реакций предприятий и финансовых посредников на изменения регуляторной среды.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Сокращение	Расшифровка
АЭС	атомная электростанция
ВБ	Всемирный банк
ВВП	валовой внутренний продукт
ВИЭ	возобновляемые источники энергии
ВЭФ	Всемирный экономический форум
ГЭС	гидроэлектростанция
ЕК	Европейская комиссия
ЕС	Европейский союз
ЕЦБ	Европейский центральный банк
ЖКХ	жилищно-коммунальное хозяйство
ИКТ	информационно-коммуникационные технологии
КСО	корпоративная социальная ответственность
МВФ	Международный валютный фонд
МГЭИК	Межправительственная группа экспертов по изменению климата
МОТ	Международная организация труда
МСП	малые и средние предприятия
МСФО	Международные стандарты финансовой отчетности
НИОКР	научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НКО	некоммерческая организация
НПА	нормативный правовой акт
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ПКУМ ЕС	пограничный корректирующий углеродный механизм Европейского союза (Carbon Border Adjustment Mechanism)
СМИ	средства массовой информации
ТЭС	тепловая электростанция

ЦРТ	Цели развития тысячелетия
ЦУР ООН	Цели устойчивого развития Организации Объединенных Наций
AML	Anti-Money Laundering (противодействие легализации (отмыванию) доходов)
CCS	Carbon Capture and Storage (улавливание и хранение углекислого газа)
CDP	Carbon Disclosure Project (Проект углеродной отчетности)
CDSB	Climate Disclosure Standards Board (Совет по стандартам раскрытия климатической информации)
CO_2	диоксид углерода, углекислый газ
CSDDD	Corporate Sustainability Due Diligence Directive (Директива о должной осмотрительности компаний в области устойчивого развития)
CSRD	Corporate Sustainability Reporting Directive (Директива о корпоративной отчетности в области устойчивого развития)
ENTSO-E	European Network of Transmission System Operators for Electricity (Европейская сеть операторов систем передачи электроэнергии)
ESRS	European Sustainability Reporting Standards (Европейские стандарты отчетности в области устойчивого развития)
EU ETS	European Union Emissions Trading System (Система торговли выбросами Европейского союза)
FATF	Financial Action Task Force (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег)
GRI	Global Reporting Initiative (Глобальная инициатива по отчетности)
IAASB	International Auditing and Assurance Standards Board (Совет по международным стандартам аудита и подтверждения достоверности информации)
IFRS	International Financial Reporting Standards (Международные стандарты финансовой отчетности)
IIRC	International Integrated Reporting Council (Международный совет по интегрированной отчетности)

ISSA 5000	International Standard on Sustainability Assurance 5000 (Международный стандарт подтверждения достоверности информации об устойчивом развитии)
ISSB	International Sustainability Standards Board (Совет по международным стандартам устойчивого развития)
NFRD	Non-Financial Reporting Directive (Директива о нефинансовой отчетности)
NGFS	Network for Greening the Financial System (Сеть по экологизации финансовой системы)
SASB	Sustainability Accounting Standards Board (Совет по стандартам учета в области устойчивого развития)
SCM WEF	Stakeholder Capitalism Metrics, World Economic Forum (Метрики капитализма для заинтересованных сторон Всемирного экономического форума)
SFDR	Sustainable Finance Disclosure Regulation (Регламент о раскрытии финансовой информации в области устойчивого развития)
SRI	Socially Responsible Investing (социально ответственное инвестирование)
TCFD	Task Force on Climate-related Financial Disclosures (Рабочая группа по раскрытию финансовой информации, связанной с климатом)
UNEP	United Nations Environment Programme (Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Портал нормативных правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 12.03.2026).

2. Информационное письмо Банка России о рекомендациях по учету советом директоров публичного акционерного общества ESG-факторов, а также вопросов устойчивого развития от 16.12.2021 № ИН-06-28/96. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404335/ (дата обращения: 15.01.2026).

3. Climate Disclosure Standards Board [Электронный ресурс]. URL: https://www.cdsb.net/resources (дата обращения: 17.01.2026)

4. Commission Implementing Decision (EU) 2023/1623 of 3 August 2023 Specifying the Values Relating to the Performance of Manufacturers and Pools of Manufacturers of New Passenger Cars and New Light Commercial Vehicles for the Calendar Year 2021 and the Values to Be Used for the Calculation of the Specific Emission Targets from 2025 Onwards, Pursuant to Regulation (EU) 2019/631 of the European Parliament and of the Council and Correcting Implementing Decision (EU) 2022/2087 [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dec_impl/2023/1623/oj (дата обращения: 03.03.2026).

5. Council of the European Union, European Parliament and European Commission. The New European Consensus on Development: “Our World, Our Dignity, Our Future” : Joint Statement by the Council and the Representatives of the Governments of the Member States Meeting within the Council, the European Parliament and the Commission. 2017/C 210/01 [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-

content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2017:210:FULL&from=EN (дата обращения: 08.01.2026).

6. Council Recommendation on Stepping up EU Actions to Combat Antimicrobial Resistance in a One Health Approach (2023/C 220/01) [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32023H0622(01) (дата обращения: 12.02.2026).

7. Council Recommendation (EU) 2021/2122 of 26 November 2021 on a Pact for Research and Innovation in Europe [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021H2122 (дата обращения: 24.02.2026).

8. Council Resolution on a Strategic Framework for European Cooperation in Education and Training towards the European Education Area and Beyond (2021–2030) (2021/C 66/01) [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021G0226(01) (дата обращения: 14.02.2026).

9. Directive 2009/28/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on the Promotion of the Use of Energy from Renewable Sources and Amending and Subsequently Repealing Directives 2001/77/EC and 2003/30/EC [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32009L0028 (дата обращения: 07.02.2026).

10. Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/843/oj/eng (дата обращения: 16.01.2026).

11. Directive (EU) 2022/2464 of the European Parliament and of the Council of 14 December 2022 amending Regulation (EU) No 537/2014, Directive 2004/109/EC, Directive 2006/43/EC and Directive 2013/34/EU, as regards corporate sustainability reporting // European Union Law: official site. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-

content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A32022L2464 (дата обращения: 18.01.2026).

12. Directive (EU) 2022/2381 of the European Parliament and of the Council of 23 November 2022 on Improving the Gender Balance among Directors of Listed Companies and Related Measures [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022L2381 (дата обращения: 17.02.2026).

13. Directive (EU) 2023/1791 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 on Energy Efficiency and Amending Regulation (EU) 2023/955 (Recast) [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOL_2023_231_R_0001&qid=1695186598766 (дата обращения: 19.02.2026).

14. Directive (EU) 2018/851 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 Amending Directive 2008/98/EC on Waste [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.150.01.0109.01.ENG&toc=OJ:L:2018:150:TOC (дата обращения: 28.02.2026).

15. Directive (EU) 2023/2413 of the European Parliament and of the Council of 18 October 2023 Amending Directive (EU) 2018/2001, Regulation (EU) 2018/1999 and Directive 98/70/EC as Regards the Promotion of Energy from Renewable Sources, and Repealing Council Directive (EU) 2015/652 [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023L2413&qid=1699364355105 (дата обращения: 22.02.2026).

16. European Commission. Directive of the European Parliament and of the Council on adequate minimum wages in the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020PC0682&from=EN (дата обращения: 16.01.2026).

17. European Commission. The European Pillar of Social Rights Action Plan : Communication from the Commission to the European Parliament, the

Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0102 (дата обращения: 03.02.2026).

18. European Commission. A Farm to Fork Strategy for a Fair, Healthy and Environmentally-Friendly Food System : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0381 (дата обращения: 05.02.2026).

19. European Commission. Pathway to a Healthy Planet for All. EU Action Plan: “Towards Zero Pollution for Air, Water and Soil” : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0400&qid=1623311742827 (дата обращения: 07.02.2026).

20. European Parliament Resolution of 6 October 2021 on the EU Road Safety Policy Framework 2021–2030. Recommendations on Next Steps towards “Vision Zero” (2021/2014(INI)) [Электронный ресурс]. – Official Journal of the European Union. – 2022. – C 132. – P. 45–55. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021IP0407 (дата обращения: 22.03.2026).

21. European Commission. 2030 Digital Compass: The European Way for the Digital Decade : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0118 (дата обращения: 26.02.2026).

22. European Commission. A New Circular Economy Action Plan: For a Cleaner and More Competitive Europe : Communication from the Commission to

the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1583933814386&uri=COM:2020:98:FIN (дата обращения: 05.03.2026).

23. European Commission. The European Green Deal : Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 17.01.2026).

24. European Commission. “Fit for 55”: Delivering the EU’s 2030 Climate Target on the Way to Climate Neutrality : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0550 (дата обращения: 11.03.2026).

25. European Commission. EU Biodiversity Strategy for 2030: Bringing Nature Back into Our Lives : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0380 (дата обращения: 15.03.2026).

26. European Commission. Omnibus I : Package of Proposals of the European Commission. [Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/publications/omnibus-i_en (дата обращения: 03.02.2026).

27. European Commission. REPowerEU Plan : Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions.

[Электронный ресурс]. – URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal/repowereu-affordable-secure-and-sustainable-energy-europe_en (дата обращения: 17.01.2026).

28. ESRS G1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.efrag.org/sites/default/files/sites/webpublishing/SiteAssets/ESRS%20G1%20Delegated-act-2023-5303-annex-1_en.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

29. ESRS S1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.efrag.org/sites/default/files/sites/webpublishing/SiteAssets/ED_ESRS_S1.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

30. ESRS S2. [Электронный ресурс]. URL: https://www.efrag.org/sites/default/files/sites/webpublishing/SiteAssets/ESRS%20S2%20to%20S4%20Delegated-act-2023-5303-annex-1_en.pdf (дата обращения: 16.01.2026).

31. EU taxonomy for sustainable activities [Электронный ресурс] URL: https://finance.ec.europa.eu/sustainable-finance/tools-and-standards/eu-taxonomy-sustainable-activities_en (дата обращения: 08.02.2026).

32. International standard on sustainability assurance 5000, general requirements for sustainability assurance engagements. URL: https://www.iaasb.org/publications/international-standard-sustainability-assurance-5000-general-requirements-sustainability-assurance (дата обращения: 01.02.2026).

33. ISO 26000:2010. Руководство по социальной ответственности [Электронный ресурс]. URL: https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso:26000:ed-1:v1:en (дата обращения: 17.01.2026).

34. National Energy and Climate Plans // European Commission: official site. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_6622 (дата обращения 11.02.2026)

35. Regulation (EU) 2019/2088 of the European Parliament and of the Council of 27 November 2019 on sustainability-related disclosures in the financial services sector // European Union Law: official site. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019R2088 (дата обращения: 17.01.2026).

36. Regulation (EU) 2020/852 of the European Parliament and of the Council of 18 June 2020 on the establishment of a framework to facilitate sustainable investment, and amending Regulation (EU) 2019/2088 // European Union Law: official site. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32020R0852 (дата обращения: 17.01.2026).

37. Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 Establishing the Framework for Achieving Climate Neutrality and Amending Regulations (EC) No. 401/2009 and (EU) 2018/1999 ("European Climate Law") [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R1119 (дата обращения: 08.03.2026).

Статьи и монографии на русском языке

38. Андронова И.В., Абашидзе А.Х. Европейская интеграция: все новое - хорошо забытое старое // Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 156-164. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2024.1.21.

39. Афанасьев М. П., Шаш Н. Н. ESG-трансформация в корпоративном секторе: систематизация глобального подхода // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6 (195). – С. 185–197. – DOI: 10.47711/0868-6351-195-185-197.

40. Афонцев С.А. Новые тенденции в развитии мировой экономики / С. А. Афонцев // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 36-46.

41. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. – 2017. – № 3. – С. 90-96.

42. Варнавский В.Г. Трансграничное углеродное регулирование Евросоюза: новый инструмент глобального управления // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 1. – С. 5-15.

43. Диваева Э.А. Условия трансформации ESG-принципов: экономические и социальные аспекты // Инновации и инвестиции. – 2022. – №1. – С. 190-202.

44. Довбий И.П., Кобылякова В.В., Кондратов М.В., Минкин А.А. ESG-переход: зеленая повестка в глобальной экономике и финансах // Управление в современных системах. – 2022. – №1 (33). – С. 14-23.

45. Дорохина К.М., Сахаров А.Г. Трансформация и имплементация природоохранных и климатических положений в торговых соглашениях Европейского союза // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 95-123.

46. Дятлов С.А., Быков В.Н. Опыт функционирования институтов устойчивого развития в странах ЕС // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 2. – С. 149-154.

47. Ефимова О.В., Волков М.А., Королева Д.А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование // Финансы: теория и практика. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 82-97.

48. Ефимова О.В., Рожнова О.В. Стратегия гармонизации финансовой и нефинансовой отчетности в области раскрытия климатических рисков. Часть 1. // Учет. Анализ. Аудит. – 2020. –№7(3). – С. 18-25. – DOI 10.26794/2408-9303-2020-7-3-18-25

49. Ефимова О.В., Рожнова О.В. Стратегия гармонизации финансовой и нефинансовой отчетности в области раскрытий климатических рисков. Часть 2. // Учет. Анализ. Аудит. – 2020. – № 7(4). – С. 6-17. – DOI 10.26794/2408-9303-2020-7-4-6-17

50. Жукова Е.В. Основные тенденции развития ESG-повестки: обзор в России и в мире // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2021. – Т. 18. – No 6 (120). – С. 68-82. – DOI 10.21686/2413-2829-2021-6-68-82.

51. Иванов О.Б. Современный мир: глобальные тенденции, вызовы и угрозы. // Этап: экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – №4. – С. 20-36.

52. Ивашковская И.В., Макеева Е.Ю., Попов К.А. Советы директоров российских компаний в контексте ESG-трансформации // Вопросы экономики. – 2024. – № 10. – С. 42-76. – DOI: 10.32609/0042-8736-2024-10-42-76.

53. Зимина О.С., Финогенова Ю.Ю. Влияние ESG на банковский сектор: новые возможности // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – №6. – С. 24-37.

54. Зуева И.С. Конвергенция законодательства в области ESG // Эпомен. – 2022. – № 70. – С. 12-27.

55. Институты обеспечения устойчивого развития российской экономики / И. И. Беляев, В. Н. Бобков, С. Н. Гришкина [и др.]. – 2-е издание. Под редакцией М.А. Эскиндарова, С.В. Сильвестрова. – Москва : Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2024. – 466 с. – ISBN 978-5-394-05620-8.

56. Капранова Л.Д., Полищук О.А. ESG-трансформация как парадигма устойчивого развития экономики России // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, №. 3. – С. 1-17.

57. Ковалев А.А., Князева Е.Ю. Проблема глобального управления в современной научной литературе Запада: основные подходы и концепции // Мировая политика. – 2020. – № 4. – С. 65-77.

58. Ковалев Ю.Ю. Политика устойчивого развития ЕС: становление, акторы, перспективы // История и современное мировоззрение. – 2020. – Т. 2, № 1. – С. 82-91.

59. Константиниди Х.А., Яковлева Е.Ю., Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Оценка устойчивости развития и перспектив ESG-трансформации

субъектов Российской Федерации // Экономика устойчивого развития. – 2023. – № 1 (53). – С. 176-180. – DOI: 10.37124/20799136_2023_1_53_176.

60. Кризисогенное развитие мировой экономики и адаптация российской экономики : Монография / С. Н. Сильвестров, В. Г. Старовойтов, И. И. Беляев [и др.] ; Под редакцией С.Н. Сильвестрова. – 2-е издание. – Москва : Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2023. – 232 с. – ISBN 978-5-394-05275-0.

61. Кузнецов А.В. Устойчивое развитие России в мировой экономике // Проблемы теории и практики управления. – 2019. – № 10. – С. 68-82.

62. Мишура Л.Г., Александрова В.С. Концепция устойчивого развития и ESG-трансформация общества - вызовы современности // Modern Economy Success. – 2022. – № 4. – С. 93-96.

63. Нуреев Р.М. Теории развития: институциональные концепции становления рыночной экономики // Вопросы экономики. – 2000. – № 6. – С. 126–128.

64. Плотникова Е.Н., Игнатенко В. Экологическая политика Германии в контексте концепции устойчивого развития // Россия в глобальном мире. – 2019. – №14-15. – С. 26-48.

65. Побываев С.А. Амбивалентная устойчивость экономики. Sustainability vs. resilience // Экономические стратегии. 2024. Т. 26, № 4(196). С. 90–97. DOI 10.33917/es-4.196.2024.90-97.

66. Побываев С.А., Чернышева Т.К. Международная институционализация регулирования глобальных рисков и кризисных явлений в контексте устойчивого развития // Экономические науки. – 2024. – № 238. – С. 362-370. – DOI 10.14451/1.238.362.

67. Покровская Н. Н., Молодькова Э. Б., Снисаренко С. О., Онуфриева А. М. Экономические факторы социально-экологической повестки в концепции ESG // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 22-34.

68. Понеделко Г. Н. Устойчивое развитие как фактор взаимодействия природы и общества (на примере стран ЕС) // Общественные науки и современность. – 2021. – № 1. – С. 85-93.

69. Порфирьев Б.Н. Климат, устойчивое развитие и экономический рост: приоритеты решений для России // В сборнике: Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении. материалы второй конференции ИНП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию. – 2020. – С. 19-31.

70. Порфирьев Б.Н. Декарбонизация versus адаптация экономики к климатическим изменениям в стратегии устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 4(193). – С. 45-54. – DOI 10.47711/0868-6351-193-45-54.

71. Порфирьев Б.Н. Парадигма низкоуглеродного развития и стратегия снижения рисков климатических изменений для экономики // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 2 (173). – С. 3-13.

72. Руцкий В.Н., Филиппов И. А. Взаимосвязь уровня бедности и факторов зеленой экономики в странах Европейского союза // Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 56-70.

73. Ровинская Т.Л. Европейское зеленое движение в условиях кризиса: новые подходы // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2021. – № 4. – С. 24-33.

74. Рогинко С.А. Деиндустриализация европы: иллюзия или реальность? // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 241, № 3. – С. 227-238. – DOI 10.38197/2072-2060-2023-241-3-227-238.

75. Риски устойчивого развития и ESG-трансформация государства, бизнеса и общества / Р. Г. Ахмадеев, К. В. Ордов, М. Е. Косов [и др.]. – Москва: ООО «Издательство ЮНИТИ-ДАНА», 2024. – 216 с. – ISBN 978-5-238-03906-0.

76. Сенчакова П.Д. «Зелёная» экономика: новый виток развития // Хроноэкономика. – 2022. – № 2(36). – С. 117-122.

77. Сильвестров С.Н. Управление глобальными рисками устойчивого развития // Развитие и безопасность. – 2023. – № 2(18). – С. 4-13. – DOI: 10.46960/27132633_2023_2_4.

78. Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. №5. С. 93-115. doi:10.52180/2073-6487_2021_5_93_115.

79. Соколова Н.А., Теймуров Э.С. Соотношение Целей устойчивого развития и ESG-принципов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 12(88). – С. 171-183. – DOI 10.17803/2311-5998.2021.88.12.171-183.

80. Современные правовые векторы развития климатической политики: опыт России и зарубежных стран / В. Б. Агафонов, Л. В. Андреева, Н. О. Ведышева [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2023. – 456 с

81. Спицина Д.В. Методология «окна Овертона» в продвижении институтов устойчивого развития // Экономические науки. – 2023. – № 219. – С. 184-192. – DOI 10.14451/1.219.184.

82. Су Ф., Осипов В.С. Перспективы декарбонизации черной металлургии в контексте становления циркулярной экономики // Проблемы теории и практики управления. – 2025. – № 7. – С. 6-21.

83. Федорова Е.А., Хрустова Л.Е., Демин И.С. Влияние качества раскрытия нефинансовой информации российскими компаниями на их инвестиционную привлекательность // 2020. – Российский журнал менеджмента. – Т. 18. № 1. – С. 51–72.

84. Худякова Л.С. Устойчивое финансирование в новых политических и экономических реалиях // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 8. – С. 5-15. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-5-15.

85. Чернышева Т.К. Влияние инноваций на достижение целей устойчивого развития в странах Европейского союза // Инновации и инвестиции. – 2024. – № 5. – С. 78-81.

86. Чернышева Т.К. Влияние демографических тенденций и инвестиционных дисбалансов на реализацию политики в области ESG в странах Европейского союза // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 7. – С. 107-110.

87. Чернышева Т.К. Европейские подходы к разработке концептуальных основ политики в области ESG // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 136-155. – DOI 10.31249/kgt/2024.01.08.

88. Чернышева Т.К. Эволюция теоретических основ становления и развития концепции ESG // Экономика устойчивого развития – 2024. – №1(57). – С. 230-233.

89. Чернышева Т.К., Лозовский Д.С. Влияние политики устойчивого развития Европейского Союза на рынок зелёного финансирования // Вестник Академии знаний. – 2024. – №2(61). – С. 551-555.

90. Шевелева Г.И. Трансформация элементов и принципов корпоративного управления в современной ESG-повестке // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 1243–1254. – DOI: 10.17150/2411-6262.2025.16(3).1243-1254.

Статьи и монографии на иностранных языках

91. Ahlström H., Monciardini D. The Regulatory Dynamics of Sustainable Finance: Paradoxical Success and Limitations of EU Reforms // Journal of Business Ethics. 2022. Vol. 177, No. 1. P. 193–212. DOI: 10.1007/s10551-021-04763-x.

92. Ardielli E. Use of TOPSIS Method for Assessing of Good Governance in European Union Countries. Review of Economic Perspectives. – 2019. – Vol. 19, Issue 3. – Pp. 211–231.

93. Auer B.R. Do socially responsible investment policies add or destroy European stock portfolio value? // Journal of Business Ethics. – 2016. – Vol. 135, No. 2. – Pp. 381–397.

94. Baneliene R. Evaluation of the efficiency of economic policy under the Europe-2020 strategy in small European Union countries // Ekonomika. – 2013. – Vol. 92, No. 2. – Pp. 7-19

95. Bruno M., Lagasio, V. An Overview of the European Policies on ESG in the Banking Sector // Sustainability. – 2021. – Vol. 13.

96. Campbell John L. Why Would Corporations Behave in Socially Responsible Ways? An Institutional Theory of Corporate Social Responsibility // The Academy of Management Review. – 2007. – Vol. 32, No. 3. – Pp. 946-967.

97. Crace L., Gehman J. What Really Explains ESG Performance? Disentangling the Asymmetrical Drivers of the Triple Bottom Line // Organization & Environment. – 2022. – DOI: 10.1177/10860266221079408.

98. De Bakker F. G. A., Groenewegen P., Den Hond F. A bibliometric analysis of 30 years of research and theory on corporate social responsibility and corporate social performance // Business and Society. 2005. Vol. 44, No. 3. P. 283–317. DOI: 10.1177/0007650305278086.

99. Diaye M.-A., Ho S.-H., Oueghlissi R. ESG Performance and Economic Growth: A Panel Co-integration Analysis // Empirica. 2022. Vol. 49, No. 1. P. 99–122. DOI: 10.1007/s10663-021-09508-7.

100. Eccles R. G., Ioannou I., Serafeim G. The Impact of Corporate Sustainability on Organizational Processes and Performance // Management Science. 2014. Vol. 60, No. 11. P. 2835-2857. DOI: 10.1287/mnsc.2014.1984.

101. Edmans A., Kacperczyk M. Sustainable Finance // Review of Finance. – 2022. – Vol. 26, No. 6. – P. 1309–1313.

102. Fiechter P., Hitz J.-M., Lehmann N. Real Effects of a Widespread CSR Reporting Mandate: Evidence from the European Union's CSR Directive // Journal of Accounting Research. 2022. Vol. 60, Issue 4.

103. Jorgji S., Teta J., Mousa S. [et al.] Sustainable Human Capital Management, ESG, and Firm Performance: Moderating Role of ESG Disclosure // Journal of Human, Earth, and Future. – 2024. – Vol. 5, No. 2. – Pp. 260-278. – DOI 10.28991/HEF-2024-05-02-08.

104. Ho S.-H., Oueghlissi R., El Ferktaji R. Testing for Causality Between Economic Growth and Environmental, Social, and Governance Performance: New Evidence from a Global Sample // Journal of the Knowledge Economy. 2024. Vol. 15, No. 2. P. 7769–7787. DOI: 10.1007/s13132-023-01406-6.

105. Margolis J. D., Walsh J. P. Misery loves companies: Rethinking social initiatives by business // Administrative Science Quarterly. – 2003. – Vol. 48, No. 2. – Pp. 268–305. – DOI: 10.2307/3556659.

106. Pondel H. An attempt to evaluate the level of sustainable development in European Union countries // Economics and Law. – 2021. – Vol. 20, No. 2. – Pp. 383–399.

107. Rapsikevicius J., Bruneckiene, J., Krušinskas R., Lukauskas M. The Impact of Structural Reforms on Sustainable Development Performance: Evidence from European Union Countries // Sustainability. – 2022. – Vol. 14, No.19.

108. Šimovičová S., Urbančíková N. Impact of Social, Economic and Gender Inequality on Prosperity in the European Union Countries // Quality Innovation Prosperity. – 2022. – Vol. 26, No. 3. – Pp. 66-87.

109. Tutak M., Brodny J., Siwiec D., Ulewicz R., Bindzár P. Studying the Level of Sustainable Energy Development of the European Union Countries and Their Similarity Based on the Economic and Demographic Potential // Energies. – 2020. – Vol. 13.

110. Vitolla F., Salvi A., Raimo N., Petruzzella F., Rubino M. The impact on the cost of equity capital in the effects of integrated reporting quality // Business Strategy and the Environment. – 2020. – Vol. 29, No. 2. – Pp. 519–529. – DOI: 10.1002/bse.2384.

111. Zetzsche D. A., Bodellini M., Consiglio R. The EU Sustainable Finance Framework in Light of International Standards // Journal of International Economic Law. 2022. Vol. 25, No. 4. P. 659–679. DOI: 10.1093/jiel/jgac043.

Электронные ресурсы

112. 27-я Конференция сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/ru/events/cop27 (дата обращения: 23.01.2026).

113. Видеообращение по случаю презентации третьего доклада МГЭИК (Нью-Йорк, 4 апреля 2022 года) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sg/ru/content/sg/vystupleniya/2022-04-04/secretary-generals-video-message-the-launch-of-the-third-ipcc-report-scroll-down-for-languages (дата обращения: 09.02.2026).

114. Всемирная метеорологическая организация. Концентрация парниковых газов достигла рекордного уровня [Электронный ресурс]. URL: https://wmo.int/ru/news/media-centre/koncentraciya-parnikovykh-gazov-dostigla-rekordnogo-urovnya-vnov (дата обращения: 28.01.2026).

115. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития (Комиссия Брундтланд). Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды // 42-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

116. Парижское соглашение по климату. Цель, структура и история документа / The Paris Agreement [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement (дата обращения: 01.02.2026).

117. Рейтинговые агентства мира: S&P, Moody's, Fitch [Электронный ресурс]. URL: https://investprofit.info/ranking-agenty/ (дата обращения: 27.01.2026).

118. Росконгресс. Официальный сайт: материалы форумов [Электронный ресурс]. URL: https://roscongress.org/ (дата обращения: 22.01.2026).

119. CBonds ESG-платформа. Статистика рынка зеленых облигаций и еврооблигаций [Электронный ресурс]. URL: https://cbonds.ru/esg/ (дата обращения: 12.01.2026).

120. Цели в области устойчивого развития // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-consumption-production (дата обращения: 15.01.2026).

121. Широв А.А. ESG-перезагрузка: влияют ли экологический, социальный и управленческий факторы на экономику. ИНП РАН. [Электронный ресурс]. URL: https://ecfor.ru/publication/vliyanie-esg-i-klimaticheskoj-povestki-na-ekonomiku-rossii/ (дата обращения: 19.01.2026).

122. A Guide to Corporate Governance Practices in the European Union. The International Finance Corporation. World Bank Group. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ifc.org/content/dam/ifc/doc/mgrt/cg-practices-in-eu-guide.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

123. Aghamolla C., An B.-J. Mandatory vs. Voluntary ESG Disclosure, Efficiency, and Real Effects. SSRN Working Paper. [Электронный ресурс]. URL: https://ssrn.com/abstract=3975948 (дата обращения: 18.03.2025).

124. Basel AML Index: Public Ranking // Basel Institute on Governance [Электронный ресурс]. URL: https://index.baselgovernance.org/ranking (дата обращения: 20.01.2026).

125. BIS/BCBS. Climate-related financial risks: a literature review [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/bcbs/publ/d517.pdf (дата обращения: 14.01.2026).

126. Bloomberg ESG Scores. Methodology [Электронный ресурс]. URL: https://professional.bloomberg.com/globalassets/professional/solutions/sustainable

-finance/scores/bloomberg-esg-scores-methodology.pdf (дата обращения: 27.01.2026).

127. Boffo R., Patalano R. ESG Investing: Practices, Progress and Challenges. OECD Paris [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/finance/ESG-Investing-Practices-Progress-Challenges.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

128. Carbon Taxes in Europe // Tax Foundation Europe [Электронный ресурс]. URL: https://taxfoundation.org/data/all/eu/carbon-taxes-europe-2024/ (дата обращения: 05.01.2026).

129. CO_2 and Greenhouse Gas Emissions // Our World in Data [Электронный ресурс]. URL: https://ourworldindata.org/co2-and-greenhouse-gas-emissions (дата обращения: 12.01.2026).

130. Country Sustainability Ranking [Электронный ресурс]. URL: https://www.robeco.com/en-int/sustainable-investing/expertise/most-sustainable-countries-in-the-world (дата обращения: 27.03.2026).

131. Demystifying Sovereign ESG // World Bank [Электронный ресурс]. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/842671621238316887/pdf/Demystifying-Sovereign-ESG.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

132. Economy and pollution [Электронный ресурс]. URL: https://www.cleanairfund.org/theme/economics/ (дата обращения: 17.01.2026).

133. EIB Economics Working Paper 2025/06. Climate change, exposure and macroeconomic vulnerability [Электронный ресурс]. URL: https://www.eib.org/attachments/lucalli/20250135-120625-economics-working-paper-2025-06-en.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

134. Emissions from Oil and Gas Operations in Net Zero Transitions. A World Energy Outlook Special Report on the Oil and Gas Industry and COP28 [Электронный ресурс]. URL: https://www.iea.org/reports/emissions-from-oil-and-gas-operations-in-net-zero-transitions (дата обращения: 22.01.2026).

135. Energy statistics // Eurostat: Statistics Explained [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Energy_statistics_-_an_overview (дата обращения: 19.01.2026).

136. Environmental protection expenditure accounts // Eurostat: Statistics Explained [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Environmental_protection_expenditure_accounts (дата обращения: 04.01.2026).

137. Environmental tax statistics: detailed analysis // Eurostat: Statistics Explained [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Environmental_tax_statistics_-_detailed_analysis (дата обращения: 03.02.2026).

138. European Institute for Gender Equality (EIGE). Gender Equality Index [Электронный ресурс]. URL: https://eige.europa.eu/gender-equality-index (дата обращения: 02.11.2025).

139. Eurostat database: Life expectancy at birth [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/demo_mlexpec__custom_15572982/default/table (дата обращения: 27.01.2026).

140. Eurostat database: National expenditure on environmental protection [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/env_ac_epigg1__custom_15589492/default/table (дата обращения: 04.01.2026).

141. Eurostat database: Environmental taxes by economic activity [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/env_ac_taxind2/default/table (дата обращения: 03.01.2026).

142. Eurostat database: Gender pay gap, unadjusted [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/sdg_05_20/default/table (дата обращения: 31.01.2026).

143. Eurostat database: Income distribution and inequality [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ilc_di12__custom_15556354/default/table (дата обращения: 30.01.2026).

144. Eurostat database: Labour cost levels [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lc_lci_lev/default/table?lang=en (дата обращения: 31.01.2026).

145. Eurostat database: Population and population change statistics [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DEMO_GIND__custom_20360206/default/table (дата обращения: 27.01.2026).

146. Eurostat database: Unemployment rate (monthly) [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/une_rt_m__custom_15556034/default/table (дата обращения: 29.01.2026).

147. Eurostat database: Population structure and ageing [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_ageing (дата обращения: 27.01.2026).

148. ESG Index [Электронный ресурс]. URL: https://risk-indexes.com/esg-index/ (дата обращения: 25.03.2026).

149. ESG Score S&P Global [Электронный ресурс]. URL: https://portal.s1.spglobal.com/survey/documents/spglobal_esg_scores_methodology.pdf (дата обращения: 27.01.2026).

150. Federal Ministry for Economic Affairs and Climate Action. Energiewende – Germany’s Energy Transition [Электронный ресурс]. URL: https://energiewende-global.com/en/ (дата обращения: 07.01.2026).

151. Financial Stability Review. Special feature on climate transition risk [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecb.europa.eu/press/financial-stability-

publications/fsr/special/html/ecb.fsrart202305_03.en.html (дата обращения: 22.02.2026).

152. Grant Thornton. ESG: Climate and environmental risks [Электронный ресурс]. URL: https://www.grantthornton.ie/insights/publications/esg---climate-and-environmental-risks/ (дата обращения: 12.01.2026).

153. Grootaert C., van Bastelaer T. Understanding and measuring social capital: a multidisciplinary tool for practitioners. World Bank, Washington DC [Электронный ресурс]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/8f069a0b-b4a4-5c05-bee7-d52c5b583716 (дата обращения: 11.11.2025).

154. How ESG will drive the next wave of transformation. PwC [Электронный ресурс]. URL: https://www.pwc.com/gx/en/issues/reinventing-the-future/take-on-tomorrow/esg-transformation.html (дата обращения: 25.03.2025).

155. Hummel K., Jobst D. The Current State and Future of Corporate Sustainability Reporting Regulations in the European Union. SSRN Working Paper. [Электронный ресурс]. URL: https://ssrn.com/abstract=3978478 (дата обращения: 15.01.2026).

156. ICAP ETS: Compare - EU, Austria, Germany // International Carbon Action Partnership [Электронный ресурс]. URL: https://icapcarbonaction.com/en/compare/43/122/108 (дата обращения: 05.01.2026).

157. Ishikawa T. The Effects of Mandatory Disclosure on Investment Efficiency // SSRN Working Paper. [Электронный ресурс]. URL: https://ssrn.com/abstract=4068082 (дата обращения: 15.01.2026).

158. Limits to Growth [Электронный ресурс]. URL: https://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf (дата обращения: 08.01.2026).

159. Measuring progress towards a more sustainable Europe. Monitoring report of the EU sustainable development strategy. Statistical Office of the European Communities Luxembourg. [Электронный ресурс]. URL:

https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/5619864/KS-77-07-115-EN.PDF/06ee41ca-2717-46ee-bee5-07e6bf6c26a2 (дата обращения: 25.11.2025).

160. Measuring sustainable development: integrated economic, environmental and social frameworks. Paris: OECD, 2004. ISBN 92-64-02012-8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/greengrowth/41414440.pdf (дата обращения: 12.11.2025).

161. Methodology of Ranking on ESG Transparency and Sustainability Management. [Электронный ресурс]. URL: https://raexpert.eu/esg_corporate_ranking/ (дата обращения: 27.01.2026). *Данный электронный ресурс принадлежит организации, признанной нежелательной в Российской Федерации. Соответствующие данные используются в настоящей диссертации исключительно применительно к странам Европейского союза для их сравнения между собой ввиду отсутствия адекватных статистических альтернатив.*

162. MSCI ESG Ratings [Электронный ресурс]. URL: https://www.msci.com/data-and-analytics/sustainability-solutions/esg-ratings (дата обращения: 27.01.2026).

163. Morningstar Sustainalytics ESG Risk Ratings (Sustainalytics) [Электронный ресурс]. URL: https://www.sustainalytics.com/esg-data (дата обращения: 27.01.2026).

164. New body to oversee global sustainability disclosure standards // Financial Times [Электронный ресурс]. URL: https://www.ft.com/content/3fb80e89-4ce6-4cc8-8472-ae4c8c99b12d (дата обращения: 18.01.2026).

165. Principles for Responsible Banking // UNEP FI [Электронный ресурс]. URL: https://www.unepfi.org/industries/banking/principles-for-responsible-banking/ (дата обращения: 12.01.2025).

166. Publication Office of the European Union [Электронный ресурс]. URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/d7ee4b58-4bc5-11ea-8aa5-01aa75ed71a1 (дата обращения: 18.01.2026).

167. Renewable energy statistics // Eurostat: Statistics Explained [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Renewable_energy_statistics (дата обращения: 19.01.2026).

168. Renewable energy transition // United Nations [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/climatechange/raising-ambition/renewable-energy-transition (дата обращения: 03.02.2026).

169. Reporters Without Borders. World Press Freedom Index [Электронный ресурс]. URL: https://rsf.org/en/index (дата обращения: 18.01.2026). *Данный электронный ресурс принадлежит организации, признанной нежелательной в Российской Федерации. Соответствующие данные используются в настоящей диссертации исключительно применительно к странам Европейского союза для их сравнения между собой ввиду отсутствия адекватных статистических альтернатив.*

170. Rule of Law Report [Электронный ресурс]. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/upholding-rule-law/rule-law/annual-rule-law-cycle_en (дата обращения: 10.01.2026).

171. SDG Index [Электронный ресурс]. URL: https://dashboards.sdgindex.org/profiles/ (дата обращения: 20.03.2026).

172. Scope Ratings. ESG/Climate stress test: case study. June 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.scopegroup.com/dam/jcr:a1cb0e07-a378-47db-b357-12d1c5a4de2c/Scope%20ESG_Climate%20stress%20test%20case%20study_June 2023.pdf (дата обращения: 18.01.2026).

173. Sovereign bond yield spreads and sustainability: An empirical analysis of OECD countries. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S037842661830253X (дата обращения: 05.02.2026).

174. Statbase: Corruption Perceptions Index [Электронный ресурс]. URL: https://statbase.ru/datasets/indexes-and-ratings/corruption-perceptions-index/ (дата обращения: 15.01.2026). *Данный источник опирается на базу данных организации Transparency International, которая признана нежелательной в Российской Федерации. Соответствующие данные используются в настоящей диссертации исключительно применительно к странам Европейского союза для их сравнения между собой ввиду отсутствия адекватных статистических альтернатив.*

175. Sustainable Finance: High-Level Conference Kicks EU's Strategy for Greener and Cleaner Economy into High Gear // European Commission: official site [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-18-2381_en.htm?locale=en (дата обращения: 14.01.2026).

176. The Net-Zero Asset Owner Alliance // UNEP FI [Электронный ресурс]. URL: https://www.unepfi.org/net-zero-alliance/ (дата обращения: 27.01.2025).

177. The Powering Past Coal Alliance // UNFCCC Climate Action [Электронный ресурс]. URL: https://climateaction.unfccc.int/Initiatives?id=Powering_Past_Coal_Alliance (дата обращения: 24.01.2026).

178. The Sustainable Development Goals // United Nations: official site [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ (дата обращения: 11.01.2026).

179. The triple bottom line: what it is & why it's important [Электронный ресурс]. URL: https://online.hbs.edu/blog/post/what-is-the-triple-bottom-line (дата обращения: 26.03.2025).

180. Thomson Reuters Corporation ESG Score. [Электронный ресурс]. URL: https://www.spglobal.com/sustainable1/en/scores/results?cid=4094064 (дата обращения: 27.01.2026).

181. UN climate report: It’s ‘now or never’ to limit global warming to 1.5 degrees // United Nations [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/en/story/2022/04/1115452 (дата обращения: 09.02.2026).

182. UNEP [Электронный ресурс]. URL: https://www.unep.org/publications-data (дата обращения: 27.02.2025).

183. United Nations Global Compact [Электронный ресурс]. URL: https://unglobalcompact.org/sdgs (дата обращения: 15.03.2025).

184. Which EU countries will suffer the most from extreme climate? // ABN AMRO Research. [Электронный ресурс]. URL: https://www.abnamro.com/research/en/our-research/esg-economist-which-eu-countries-will-suffer-the-most-from-extreme-climate (дата обращения: 19.01.2026).

185. Who Cares Wins. Connecting Financial Markets to a Changing World [Электронный ресурс]. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/448801491483640669/pdf/113850-BRI-IFC-Breif-whocares-PUBLIC.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

186. World Bank Data: Gini index (EU) 2010–2021 [Электронный ресурс]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=EU (дата обращения: 30.01.2026).

187. World Economic Forum [Электронный ресурс]. URL: https://www.weforum.org/agenda/esg/ (дата обращения: 18.01.2025).

188. World Justice Project. Rule of Law Index [Электронный ресурс]. URL: https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index (дата обращения: 18.01.2026).

Приложение А
Анализ научных исследований по ESG-проблематике

Автор (авторы)	Наименование работы	Ключевая идея (результат) исследования
1	2	3
Научные работы зарубежных исследователей		
Bruna, M.G., Loprevite, S., Raucci, D., Ricca, B., Rupo, D.	Investigating the marginal impact of ESG results on corporate financial performance / Исследование предельного влияния результатов ESG на финансовые показатели корпорации	С помощью панельной регрессионной модели с временной задержкой авторы исследовали влияние ESG на финансовые показатели. В работе предоставляются доказательства положительного и значительного влияния деятельности ESG на финансовые показатели, когда действует режим обязательного раскрытия информации о нефинансовых аспектах.
Chen, Y., Li, T., Zeng, Q., Zhu, B.	Effect of ESG performance on the cost of equity capital: Evidence from China / Влияние показателей ESG на стоимость акционерного капитала: данные из Китая	В данной статье изучается взаимосвязь между показателями ESG и стоимостью акционерного капитала компаний, котирующихся на китайском рынке акций категории А, с использованием соответствующих данных из индекса оценки ESG Sino-Securities.
Darnall, N., Ji, H., Iwata, K., Arimura, T.H.	Do ESG reporting guidelines and verifications enhance firms' information disclosure? / Способствуют ли руководящие принципы и проверки отчетности ESG раскрытию информации фирмами?	В работе изучаются фирмы, которые поддерживают руководящие принципы ESG и увеличивают количество раскрываемой информации об устойчивом развитии в отчетности. Кроме того, в работе оценивается, склонны ли фирмы при наличии возможности проводить проверку, ориентированную на процесс раскрытия или на сам контент, и какой тип проверки приводит к получению большей информации о качестве раскрытия информации.
Meng-tao, C., Da-peng, Y., Wei-qi, Z., Qi-jun, W.	How does ESG disclosure improve stock liquidity for enterprises: Empirical evidence from China / Как раскрытие информации ESG улучшает ликвидность акций предприятий: Эмпирические данные из Китая	В рамках исследования описывается влияние ESG на показатели рынка капитала с точки зрения ликвидности акций. Утверждается, что качественное раскрытие информации ESG повышает ликвидность акций.
Neha S., Anjuman A., Angappa G., Kunjana M., Suganya B.	Environment-Social-Governance Disclosures nexus between Financial Performance: A Sustainable Value Chain Approach / Взаимосвязь раскрытия информации	В работе анализируется взаимосвязь между раскрытием информации ESG и корпоративными финансовыми показателями (CFP). При этом делается акцент на раскрытие ESG-информации, которое приводит к формированию

	между окружающей средой, социальными вопросами и финансовыми показателями: подход к устойчивой цепочке создания стоимости	прочной репутационной основы через повышение финансовых показателей.
Nejla Ould D.E.	Impact of ESG disclosure and financial reporting quality on investment efficiency / Влияние раскрытия информации ESG и качества финансовой отчетности на эффективность инвестиций	В работе делается упор на анализе взаимосвязи качества финансовой отчетности, содержащей нефинансовую информацию, и уровне инвестиционной привлекательности компании. Также исследуется потенциальное воздействие раскрытия ESG на эффективность инвестиций.
Schiemann, F., Tietmeyer, R.	ESG Controversies, ESG Disclosure and Analyst Forecast Accuracy / Противоречия ESG, раскрытие информации ESG и точность прогнозов аналитиков	В работе доказано, что высокий уровень разногласий по ESG увеличивает сложность прогнозирования будущих финансовых показателей фирмы. В то же время высокое раскрытие ESG смягчает влияние разногласий ESG на ошибки прогнозов финансовых аналитиков фирмы.
Научные работы российских исследователей		
Абдалова Е.Б., Карельская С.Н.	Глобальные тренды развития корпоративной отчетности.	Представлены исследования по раскрытию в корпоративной отчетности данных о климатических рисках компаний, в том числе и на основании МСФО.
Батаева Б.С., Кокурина А.Д.	Влияние раскрытия ESG-показателей на финансовые результаты российских публичных компаний.	В статье доказано, что раскрытие компаниями ESG- информации оказывает статистически значимое положительное влияние на их финансовые результаты. Выявлено, что степень этого влияния различна у предприятий разных отраслей, разного размера и с разным уровнем долга. Кроме того, даже в похожих компаниях влияние отличается в зависимости от уровня раскрытия ESG-информации.
Галазова С.С.	Влияние ESG-факторов на устойчивое развитие компаний и финансовую результативность корпоративного сектора.	В статье рассматривается влияние ESG-факторов на устойчивое развитие компаний и финансовую результативность международного и национального корпоративного сектора. Раскрываются особенности их построения и взаимосвязи, что позволяет определить проблемные зоны ESG-факторов, влияющих на финансовую результативность ведущих российских компаний.

Ерохина В.Н., Лесина Т.В.	Экологические затраты. Актуальные вопросы учета и анализа	Представлено мнение о системе экологического бухгалтерского учета с компонентами, со статьями для аналитического учета. Выдвинуто предложение введения расшифровок по указанным строкам баланса.
Ефимова О.В., Рожнова О.В.	Стратегия гармонизации финансовой и нефинансовой отчетности в области раскрытия климатических рисков. Часть 1.	В статье обосновывается необходимость гармонизации финансовой и нефинансовой отчетности организации и разработки соответствующей стратегии в области климатических рисков; Вскрыты проблемы учета и раскрытия информации о климатических рисках в финансовой и корпоративной отчетностях.
Ефимова О.В., Рожнова О.В.	Стратегия гармонизации финансовой и нефинансовой отчетности в области раскрытий климатических рисков. Часть 2.	Продолжение Части 1. Во второй части сформулированы ключевые положения по разработке стратегии гармонизации финансовой и нефинансовой отчетности в области климатических рисков; а также рекомендации по подготовке раскрытий относительно взаимной обусловленности влияния изменений климата, деятельности компании и перспектив ее развития.
Иванова М.Д.	Необходимость организации экологического учета и формирования экологической отчетности.	Рассматривается необходимость ведения экологического учета, основным объектом которого являются: природоохранные затраты и мероприятия, а информационное обеспечение достигается принципами и методами бухгалтерского учета.
Корнеева Т.А.	Раскрытие оценочных связанных экологической безопасности в отчетности. информации об обязательствах, с обеспечением	Автор предлагает порядок отражения в учете и отчетности изменения величины оценочного обязательства по выводу из эксплуатации нефтегазовых активов (на конкретном примере при сравнении МСФО и РСБУ).
Пантелеева Ю.А.	Особенности учета и контроля затрат на экологическую безопасность.	Предусмотрено включение специальных отчислений в себестоимость отдельных видов продукции, которые связанны с компенсацией затрат на восстановление потребляемых ресурсов.
Сапожникова Н.Г.	Формирование и раскрытие информации об экологической деятельности в интегрированной отчетности корпораций.	В статье рассматривается раскрытие в интегрированной отчетности информации об экологической деятельности в контексте бизнес-модели. С точки зрения учета: представлена систематизация информации об экологических расходах корпорации,

		которую предлагается осуществлять на счете «Текущие расходы на экологическую деятельность». Разработаны формы отчетности, которые раскрывают информацию об экологических расходах корпораций на основе типологии статей и результативности использования производственного капитала.
Токсина Е.В.	Финансовая отчетность с экологическим компонентом для инвесторов.	Рассматривается наличие экологических внеоборотных активов. Экологические обязательства подразделяются на долгосрочные и краткосрочные. Предлагается система выявления влияния экологических условий на денежную оценку активов. Представлена экологизированная форма бухгалтерского баланса.
Фрибус Н.В.	Оценка представления и раскрытия информации об экологических обязательствах в публичной отчетности компаний: применение метода динамического норматива.	Автор делает акцент на оценке представления и раскрытия информации об экологических обязательствах при помощи метода динамического норматива, который существенно повышает качество доказательств при проведении аналитических процедур. Более того, реализация методики осуществлена и с точки зрения финансовых показателей.
Чеглакова С.В., Вилкова Г.С.	Раскрытие информации в бухгалтерской (финансовой) отчетности по вознаграждениям работников в соответствии с требованиями МСФО.	Авторы предлагают рекомендации в области раскрытия различных видов и форм вознаграждений в бухгалтерской (финансовой) отчетности с учетом срочности их выплат.
Шилова Л.Ф., Токмакова Е.Г., Шиянова Н.Г.	Формирование в бухгалтерском учете информации для оценки эффективности экологического менеджмента в целях обеспечения экономической безопасности.	Представлена методика бухгалтерского учета затрат на природоохранную деятельность и потерь в данной сфере, основанную на использовании предложенного к введению счета «потери», а также соответствующих субсчетов.

Источник: составлено автором.

Приложение Б
Распределение ЦУР ООН в рамках компонентов ESG-концепции

Название ЦУР ООН	Соответствующий компонент / компоненты ESG-концепции	Характер соответствия
1	2	3
1. Ликвидация нищеты	S	Опосредованное соответствие: может рассматриваться через политику выплаты справедливой заработной платы, развитие местных сообществ, социальные программы.
2. Ликвидация голода	S	Опосредованное соответствие: может быть частью социальных программ и программ поддержки местных производителей.
3. Хорошее здоровье и благополучие	S	Прямое соответствие: безопасность труда, wellness-программы для сотрудников, безопасность продукции.
4. Качественное образование	S	Прямое соответствие: инвестиции в обучение и развитие персонала, образовательные программы для представителей местных сообществ.
5. Гендерное равенство	S	Прямое соответствие: реализация политики разнообразия, равенства и инклюзии, равенство оплаты труда.
6. Чистая вода и санитария	E	Прямое соответствие: управление водопотреблением, минимизация сбросов сточных вод.
7. Недорогостоящая и чистая энергия	E	Прямое соответствие: энергоэффективность, переход на возобновляемые источники энергии, инвестиции в «зеленую» энергетику.
8. Достойная работа и экономический рост	S, G	Прямое соответствие: условия труда, охрана труда, права работников (S), этика ведения бизнеса (G).
9. Индустриализация, инновации и инфраструктура	E, S	Опосредованное соответствие: через инвестиции в «зеленые» технологии и устойчивую инфраструктуру (E), создание качественных рабочих мест (S).
10. Уменьшение неравенства	S, G	Прямое соответствие: политики сокращения неравенства, в том числе гендерного, справедливая оплата труда, борьба с дискриминацией (S), справедливая налоговая политика (G).
11. Устойчивые города и населенные пункты	E, S	Опосредованно: через экологичные решения для офисов/заводов, управление отходами (E), вклад в развитие местных сообществ (S).

12. Ответственное потребление и производство	E, S	Прямое соответствие: ресурсоэффективность, циркулярная экономика, управление отходами (E).
13. Борьба с изменением климата	E	Прямое соответствие: управление выбросами CO_2, климатические стратегии, раскрытие климатических рисков.
14. Сохранение морских экосистем	E	Прямое соответствие (для конкретных отраслей): минимизация загрязнения водных ресурсов (в первую очередь, морских).
15. Сохранение экосистем суши	E	Прямое соответствие: управление воздействием на биоразнообразие, устойчивое лесо- и недро пользование.
16. Мир, правосудие и эффективные институты	G, S	Прямое соответствие: борьба с коррупцией, этическое поведение, защита прав человека (G), прав работников (S).
17. Партнерство в интересах устойчивого развития	G	Прямое соответствие: взаимодействие со стейкхолдерами, прозрачность, участие в отраслевых инициативах.

Источник: составлено автором.

Приложение В
Отражение ЦУР ООН в документах Европейского союза

Показатель ЦУР ООН	Наименование цели	Коррелирующий документ в Европейском союзе
1	2	3
Люди, подверженные риску бедности или социальной изоляции (SDG 1)	К 2030 году сократить число людей, подверженных риску бедности или социальной изоляции, на 15 миллионов, включая по меньшей мере 5 миллионов детей	European Pillar of Social Rights Action Plan[175] (Европейский план действий по обеспечению основных социальных прав)
Территория, занятая органическим земледелием (SDG 2)	К 2030 году не менее 25% сельскохозяйственных угодий ЕС должны быть заняты органическим земледелием	Farm to Fork strategy[176] (Стратегия «От фермы до стола» – передаёт идею всей продовольственной цепочки: от сельскохозяйственного производства до конечного потребителя)
Использование химических пестицидов и опасность их применения (SDG 2)	Сократить использование химических пестицидов и риск их применения на 50% к 2030 году по сравнению с трехлетним базовым периодом (в среднем за 2015–2017 годы)	Farm to Fork strategy (Стратегия «От фермы до стола» – передаёт идею всей продовольственной цепочки: от сельскохозяйственного производства до конечного потребителя)
Преждевременная смерть, вызванная воздействием мелких твердых частиц (PM 2.5) (SDG 3, SDG 11)	Снизить воздействие загрязнения воздуха на здоровье как минимум на 55% к 2030 году по сравнению с 2005 годом	Zero Pollution Action Plan[177] (План действий по нулевому загрязнению окружающей среды)

[175] European Commission. The European Pillar of Social Rights Action Plan : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0102 (дата обращения: 03.02.2026).

[176] European Commission. A Farm to Fork Strategy for a Fair, Healthy and Environmentally-Friendly Food System : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0381 (дата обращения: 05.02.2026).

[177] European Commission. Pathway to a Healthy Planet for All. EU Action Plan: “Towards Zero Pollution for Air, Water and Soil” : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0400&qid=1623311742827 (дата обращения: 07.02.2026).

Смерть в результате дорожно-транспортных происшествий (SDG 3, SDG 11)	К 2030 году ЕС планирует сократить вдвое общее число дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом по сравнению с 2019 годом	EU road safety policy framework 2021–2030[178] (Рамочная политика ЕС в области безопасности дорожного движения на 2021-2030 годы)
Общее потребление антибиотиков в общинном и больничном секторах (SDG 3)	Сократить общее потребление антибиотиков людьми на 20% к 2030 году по сравнению с 2019 годом	Council Recommendation on stepping up EU actions to combat antimicrobial resistance in a One Health approach[179] (Рекомендация Совета об усилении действий ЕС по борьбе с зависимостью к противомикробным препаратам на основе подхода "Единое здоровье")
Низкие показатели успеваемости по чтению, математике и естественным наукам (SDG 4)	К 2030 году доля 15-летних подростков с низкой успеваемостью в чтении, математике и естественных науках должна составить менее 15%	European Education Area[180] (Европейское образовательное пространство)
Участие в дошкольном образовании (SDG 4)	К 2030 году по меньшей мере 96% детей в возрасте от 3 лет и старше, вплоть до возраста начала обязательного начального образования, должны быть обеспеченны программами дошкольного образования	European Education Area (Европейское образовательное пространство)
Лица, досрочно прекратившие образование и профессиональную подготовку (SDG 4)	К 2030 году доля лиц, досрочно бросивших образование и профессиональную подготовку, должна составить менее 9%	European Education Area (Европейское образовательное пространство)
Уровень высшего образования (SDG 4, SDG 9)	К 2030 году доля лиц в возрасте от 25 до 34 лет, имеющих высшее образование, должна составлять не менее 45%	European Education Area (Европейское образовательное пространство)
Гендерный разрыв в сфере занятости (SDG 5)	К 2030 году необходимо сократить гендерный разрыв среди рабочих вдвое по сравнению с 2019 годом	European Pillar of Social Rights Action Plan

[178] European Parliament Resolution of 6 October 2021 on the EU Road Safety Policy Framework 2021–2030. Recommendations on Next Steps towards “Vision Zero” (2021/2014(INI)) [Электронный ресурс]. – Official Journal of the European Union. – 2022. – C 132. – P. 45–55. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021IP0407 (дата обращения: 22.03.2026).

[179] Council Recommendation on Stepping up EU Actions to Combat Antimicrobial Resistance in a One Health Approach (2023/C 220/01) [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32023H0622(01) (дата обращения: 12.02.2026).

[180] Council Resolution on a Strategic Framework for European Cooperation in Education and Training towards the European Education Area and Beyond (2021–2030) (2021/C 66/01) [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021G0226(01) (дата обращения: 14.02.2026).

		(Европейский план действий по обеспечению основных социальных прав)
Должности, занимаемые женщинами в высшем руководстве (SDG 5)	К 2026 году в неисполнительных советах директоров компаний, акции которых размещаются на биржах, должно быть представлено не менее 40% женщин	Directive (EU) 2022/2381[181] (Директива ЕС 2022/2381)
Первичное и конечное потребление энергии (SDG 7)	Необходимо сократить потребление энергии как минимум на 11,7% к 2030 году по сравнению с прогнозами базового сценария ЕС на 2020 год. Это означает, что конечное потребление первичной энергии в ЕС в 2030 году составит не более 763 миллионов тонн нефтяного эквивалента (Mtoe) и 992,5 миллиона тонн первичной энергии	Directive (EU) 2023/1791[182] (Директива ЕС 2023/1791)
Доля возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии (SDG 7, SDG 13)	Увеличить долю возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии как минимум до 42,5% к 2030 году	Directive (EU) 2023/2413[183] (Директива ЕС 2023/2413)
Молодые люди, которые не работают, не получают образования или профессиональную подготовку (NEET) (SDG 8)	Снизить долю молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет, не имеющих работы, образования или профессиональной подготовки до 9% к 2030 году	European Pillar of Social Rights Action Plan (Европейский план действий по обеспечению основных социальных прав)
Уровень занятости (SDG 8)	К 2030 году по меньшей мере 78% населения в возрасте от 20 до 64 лет должно иметь работу	European Pillar of Social Rights Action Plan (Европейский план действий по обеспечению основных социальных прав)

[181] Directive (EU) 2022/2381 of the European Parliament and of the Council of 23 November 2022 on Improving the Gender Balance among Directors of Listed Companies and Related Measures [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32022L2381 (дата обращения: 17.02.2026).

[182] Directive (EU) 2023/1791 of the European Parliament and of the Council of 13 September 2023 on Energy Efficiency and Amending Regulation (EU) 2023/955 (Recast) [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOL_2023_231_R_0001&qid=1695186598766 (дата обращения: 19.02.2026).

[183] Directive (EU) 2023/2413 of the European Parliament and of the Council of 18 October 2023 Amending Directive (EU) 2018/2001, Regulation (EU) 2018/1999 and Directive 98/70/EC as Regards the Promotion of Energy from Renewable Sources, and Repealing Council Directive (EU) 2015/652 [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023L2413&qid=1699364355105 (дата обращения: 22.02.2026).

Валовые внутренние расходы на НИОКР (SDG 9)	Увеличение совокупных государственных и частных инвестиций в НИОКР до 3% ВВП	Council Recommendation on a Pact for Research and Innovation in Europe[184] (Рекомендация Совета о научных исследованиях и инновациях в ЕС)
Процент домохозяйств, имеющих высокоскоростное подключение к Интернету (SDG 9, SDG 17)	К 2030 году все европейские домохозяйства должны быть охвачены гигабитной сетью	2030 Digital Compass[185] (Цифровой компас до 2030 года)
Уровень переработки коммунальных отходов (SDG 11)	Увеличить долю муниципальных отходов, которые перерабатываются или подготавливаются для повторного использования, по крайней мере, до 60% к 2030 году	Directive (EU) 2018/851[186] (Директива ЕС 2018/851)
Средние выбросы CO2 на километр от новых легковых автомобилей (SDG 12, SDG 13)	Сократить среднее значение выбросы CO2 от новых легковых автомобилей до 49,5 г CO2/км к 2030 году	Commission Implementing Decision (EU) 2023/1623[187] (Решение комиссии ЕС 2023/1623)
Круговая норма расхода материала (SDG 12)	ЕС должен удвоить норму расхода материалов к 2030 году по сравнению с показателями 2020 года	Circular Economy Action Plan[188] (План действий по экономике замкнутого цикла)

[184] Council Recommendation (EU) 2021/2122 of 26 November 2021 on a Pact for Research and Innovation in Europe [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021H2122 (дата обращения: 24.02.2026).

[185] European Commission. 2030 Digital Compass: The European Way for the Digital Decade : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0118 (дата обращения: 26.02.2026).

[186] Directive (EU) 2018/851 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 Amending Directive 2008/98/EC on Waste [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2018.150.01.0109.01.ENG&toc=OJ:L:2018:150:TOC (дата обращения: 28.02.2026).

[187] Commission Implementing Decision (EU) 2023/1623 of 3 August 2023 Specifying the Values Relating to the Performance of Manufacturers and Pools of Manufacturers of New Passenger Cars and New Light Commercial Vehicles for the Calendar Year 2021 and the Values to Be Used for the Calculation of the Specific Emission Targets from 2025 Onwards, Pursuant to Regulation (EU) 2019/631 of the European Parliament and of the Council and Correcting Implementing Decision (EU) 2022/2087 [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dec_impl/2023/1623/oj (дата обращения: 03.03.2026).

[188] European Commission. A New Circular Economy Action Plan: For a Cleaner and More Competitive Europe : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1583933814386&uri=COM:2020:98:FIN (дата обращения: 05.03.2026).

Чистые выбросы парниковых газов (SDG 13)	Сократить чистые выбросы парниковых газов на 55% до 2030 года по сравнению с 1990 годом	European Climate Law[189] (Европейское климатическое законодательство)
Чистые выбросы парниковых газов в результате землепользования и лесного хозяйства (LULUFC) (SDG 13)	Чистые выбросы парниковых газов в секторе землепользования и лесного хозяйства должны быть сокращены на 310 миллионов тонн эквивалента CO2 к 2030 году	Fit for 55[190] (Пакет 55)
Морские охраняемые зоны (SDG 14)	Защитить как минимум 30% морской территории ЕС к 2030 году	EU Biodiversity Strategy for 2030[191] (Стратегия ЕС в области биоразнообразия на 2030 год)
Наземные охраняемые зоны (SDG 15)	Защитить как минимум 30% сухопутной территории ЕС к 2030 году	EU Biodiversity Strategy for 2030 (Стратегия ЕС в области биоразнообразия на 2030 год)
Официальная помощь в целях развития (SDG 17)	Выделить 0,7% от валового национального дохода (ВНД) в качестве официальной помощи в целях развития к 2030 году	The new European Consensus on Development[192] (Новый европейский консенсус по вопросам развития)

Источник: составлено автором.

[189] Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 Establishing the Framework for Achieving Climate Neutrality and Amending Regulations (EC) No. 401/2009 and (EU) 2018/1999 ("European Climate Law") [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R1119 (дата обращения: 08.03.2026).

[190] European Commission. "Fit for 55": Delivering the EU's 2030 Climate Target on the Way to Climate Neutrality : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52021DC0550 (дата обращения: 11.03.2026).

[191] European Commission. EU Biodiversity Strategy for 2030: Bringing Nature Back into Our Lives : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0380 (дата обращения: 15.03.2026).

[192] Council of the European Union, European Parliament and European Commission. The New European Consensus on Development: "Our World, Our Dignity, Our Future" : Joint Statement by the Council and the Representatives of the Governments of the Member States Meeting within the Council, the European Parliament and the Commission. 2017/C 210/01 [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2017:210:FULL&from=EN (дата обращения: 08.01.2026).

Приложение Г

Итоговый рейтинг стран Европейского союза по экологическим показателям за 2014-2024 гг. (баллы)

Страна / год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Австрия	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	5
Бельгия	2	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Болгария	4	4	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Хорватия	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	6
Кипр	2	2	3	2	2	2	2	2	3	3	3
Чехия	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	1
Дания	4	4	4	5	5	5	5	5	5	5	6
Эстония	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Финляндия	3	3	3	3	3	3	3	3	3	4	4
Франция	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
Германия	4	4	5	5	5	4	5	4	4	4	4
Греция	4	3	4	3	3	3	4	4	4	4	5
Венгрия	4	4	3	3	3	3	3	3	3	4	4
Ирландия	4	3	4	4	4	4	4	4	4	3	3
Италия	5	5	5	5	5	5	5	4	4	4	4
Латвия	5	5	5	5	4	5	5	5	5	5	7
Литва	4	4	4	4	4	3	3	3	3	3	6
Люксембург	1	1	1	1	1	1	1	1	2	1	1
Мальта	2	3	3	3	3	3	3	3	3	3	4
Нидерланды	3	3	3	3	3	3	4	4	4	4	4
Польша	4	4	4	3	3	3	3	3	3	3	2

Португалия	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	6
Румыния	6	6	6	6	6	6	5	5	5	5	5
Словакия	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Словения	4	4	4	4	3	3	3	3	3	3	3
Испания	5	5	5	5	5	5	5	6	6	6	6
Швеция	6	6	6	6	6	7	7	7	7	7	7

Источник: составлено автором.

Приложение Д

Итоговый рейтинг стран Европейского союза по социальным показателям за 2014-2024 гг. (баллы)

Страна / год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Австрия	5	4	5	5	4	4	4	4	5	4	4
Бельгия	6	5	5	5	5	5	5	5	5	6	5
Болгария	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	3
Хорватия	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Кипр	3	3	3	3	3	3	4	3	4	3	4
Чехия	5	4	5	5	5	5	5	4	5	4	5
Дания	6	6	6	6	6	6	6	6	6	5	5
Эстония	4	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4
Финляндия	6	5	5	5	5	5	5	5	4	5	5
Франция	5	5	4	5	5	4	4	4	4	4	4
Германия	5	5	5	5	5	5	4	5	4	5	4
Греция	2	2	2	2	2	2	3	2	2	2	2
Венгрия	3	3	3	3	3	3	4	3	4	3	3
Ирландия	5	5	5	5	5	5	6	5	6	6	6
Италия	3	3	3	2	2	2	2	2	2	2	2
Латвия	3	3	3	3	3	3	2	3	2	3	3
Литва	2	2	2	3	3	3	2	3	3	3	3
Люксембург	5	4	4	4	4	4	5	4	5	4	4
Мальта	5	4	4	4	4	4	5	4	5	4	5
Нидерланды	5	5	5	5	5	5	6	6	6	5	6
Польша	3	3	3	4	4	4	4	3	4	4	5

Португалия	2	3	2	3	3	3	3	3	3	3	3
Румыния	2	2	2	3	2	2	2	2	2	2	3
Словакия	4	3	4	4	4	4	5	4	5	4	5
Словения	4	5	5	5	5	5	5	5	6	5	6
Испания	3	3	3	3	3	3	2	3	2	3	3
Швеция	6	6	6	5	5	5	5	5	5	5	5

Источник: составлено автором.

Приложение Е

Итоговый рейтинг стран Европейского союза по показателям качественного корпоративного управления за 2014-2024 гг. (баллы)

Страна / год	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Австрия	6	4	4	5	5	5	4	4	4	4	4
Бельгия	4	5	4	4	5	5	5	5	5	4	5
Болгария	1	2	2	2	2	2	2	1	1	1	1
Хорватия	2	2	2	2	3	2	2	2	2	2	2
Кипр	3	3	2	3	2	2	3	3	2	2	3
Чехия	2	3	3	3	3	3	3	3	4	4	4
Дания	5	6	6	7	6	6	6	7	7	6	7
Эстония	3	6	4	4	5	5	5	4	4	5	6
Финляндия	5	6	7	7	6	7	7	6	6	6	6
Франция	6	5	5	5	5	5	5	5	5	5	4
Германия	6	5	5	5	5	5	5	6	5	5	4
Греция	2	2	1	2	2	2	3	3	3	2	3
Венгрия	2	2	2	2	1	1	2	2	2	2	1
Ирландия	4	5	5	4	5	5	5	5	6	6	6
Италия	4	2	3	3	3	3	3	4	3	3	3
Латвия	2	3	3	4	3	2	2	3	3	3	4
Литва	2	3	3	3	4	4	4	3	4	4	5
Люксембург	5	4	5	4	5	5	5	5	5	5	6
Мальта	3	3	3	3	3	3	2	2	2	2	2
Нидерланды	6	6	6	6	6	6	6	6	5	6	6
Польша	2	4	4	3	3	3	2	2	3	3	3

Португалия	3	3	3	3	4	4	4	4	4	4	4
Румыния	1	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1
Словакия	2	3	3	3	3	3	3	3	3	3	3
Словения	2	3	3	4	4	3	3	3	3	4	4
Испания	4	3	4	4	4	4	4	4	4	4	3
Швеция	6	6	6	7	7	7	7	7	7	7	6

Источник: составлено автором